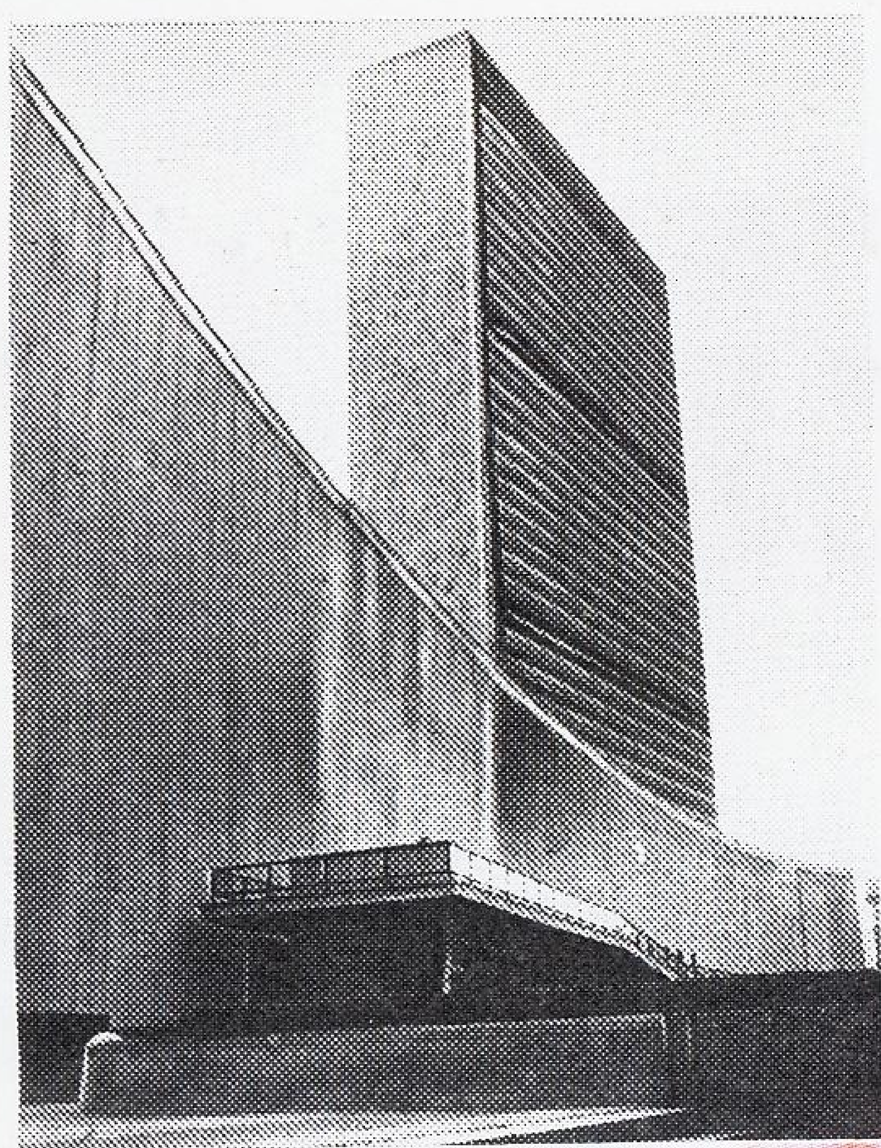

ПИОНЕР

2
1985

Сад Мира.

ВНИМАНИЕ! НА ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ ПРИШЕЛ ОТВЕТ ИЗ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ!

«УВАЖАЕМЫЙ ГОСПОДИН ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ!

По требованию советских детей в Советском Союзе началось детское антивоенное движение под названием «Сад Мира». Дети Советского Союза обеспокоены напряженной международной обстановкой, они хотят мира и только мира. Советские дети хотят прожить долгую счастливую жизнь без войны.

Это не просто слова. Почти каждую семью опалило горе второй мировой войны. Почти в каждую советскую семью не вернулся родной или близкий человек, а горечь невозвратимых утрат до сих пор сильна.

Советские дети хорошо знают о прошлой войне из книг и кинофильмов, воспоминаний ветеранов и рассказов родственников. Еще они хорошо знают, что во второй мировой войне погибло двадцать миллионов советских граждан. Это страшная цифра.

В ходе антивоенного движения «Сад Мира» советские школьники предложили каждую весну высаживать в городах, деревнях и селах страны столько цветов и деревьев, сколько не вернулось людей в город, село или деревню со второй мировой войны.

Также советские школьники предложили писать письма с протестами и рассказами о погибших родственниках в Ваш адрес. Дети хотят, чтобы весь мир знал об их тревоге, об их желании жить без войны.

Детский центральный журнал «Пионер» взял на себя миссию поддержать антивоенное движение «Сад Мира» и публиковать сообщения о его ходе.

Первые сотни писем пришли в адрес редакции журнала «Пионер». Эти письма нельзя читать без волнения и боли.

«Я не хочу войны. Я не хочу, чтобы надо мной было страшное черное небо! Я хочу солнца, хочу учиться, хочу помогать маме! Я хочу делать добрые дела»,— пишет Наташа Копылова из поселка Лямино Тюменской области.

«Я очень пугаюсь войны, хотя ее еще не испытала. Неужели президент Рейган не знает, что такое война? Мне бабушка очень много рассказывала о войне»,— таково мнение Светы Ефремовой из села Братковское Краснодарского края.

Господин Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций!

Редакция журнала «Пионер» высылает лучшие письма детей в Ваш адрес.

Просим Вас высказать свое мнение по поводу детского антивоенного движения «Сад Мира».

С уважением
главный редактор журнала «Пионер»
С. А. Фурин».

«УВАЖАЕМЫЙ РЕДАКТОР!

Сообщаю Вам: Ваше письмо, адресованное Генеральному секретарю, мы получили. В нем передавались мнения советских детей, которые озабочены опасностью вооружений.

Ваше письмо рассмотрел Генеральный секретарь.

Мы понимаем детскую тревогу. Ее разделяют миллионы людей во всем мире. В том числе многие дети, чьи письма, открытки и просьбы приходят в ООН ежедневно.

Я надеюсь, Вы передадите советским детям, что мы в ООН делаем все возможное для сохранения мира и осуществления разоружения.

Это они, последующее поколение, представляют наше будущее. Мы все вместе — дети и взрослые — можем и должны создать для всего человечества лучшую и более безопасную жизнь.

Я надеюсь, что советские школьники будут бороться за мир и разоружение. Они должны всегда помнить, что каждый из них должен внести свой вклад в это жизненно важное дело.

Искренне ваш Првослав Давинич,
Специальный ассистент департамента Генерального секретаря по делам разоружений».

От редакции:

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» И ВСЕ СОВЕТСКИЕ ШКОЛЬНИКИ БЛАГОДАРЯТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ И СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ЗА ВНИМАНИЕ И ПОДДЕРЖКУ ОПЕРАЦИИ «САД МИРА».

ВОЙНЫ НЕ ДОПУСТИМ — ПОСАДИМ САДЫ!
ДАЕМ АДРЕСА МЕСТ, ГДЕ УЖЕ ПОСАЖЕН САД МИРА!

г. Никополь – 40 каштанов
Ивановская обл., Совхоз «Стиберский» – аллея Дружбы, цветники
Воронежская обл. п. Нижнекаменка – 2 тыс. деревьев.
село Якшур-Бодья, Удмуртская АССР, школа – 27 цветников
п. Борок, Ярославская обл. – клумбы цветов
п. Мылва, Коми АССР – аллея Памяти
Литовская ССР, г. Зарассит – 7 деревьев
Ростовская обл., ст. Манычская – 150 деревьев.
с. Белозерье, Ульяновская обл. – 800 деревьев
Дом Пионеров, г. Клинцы, Брянская обл. – 74 тыс. 774 дерева, кустарники, цветы.
Латвийская ССР, г. Стучка – САД МИРА
ЯАССР, п. Карбалах, с/ш – САД Мира
Башкирская АССР, г. Стерлитамак, с/ш № 11 – аллея Мира
Ивановская обл., г. Кинешма – САД МИРА
Волгоградская обл., г. Николаевск – с/ш № 3 – САД МИРА
г. Клин Моск. обл. – 230 дер. 1800 кустарников
г. Москва, – САД МИРА.
Моск. обл., г. Воскресенск, Дом пионеров, юннаты – 500 кустов черноплодной рябины, львиный зев, календула, вербена
г. Ленинабад – с/ш № 1 – САД МИРА
Томская обл., Молчановская с/ш – САД МИРА
Архангельская обл., пос. Тёгро-озеро – 8 деревьев, цветы
Курганская обл., Нагорская с/ш – САД МИРА
Моск. обл., Подольский р-н, пос. «Знание» – 30 деревьев, цветы

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ФЕВРАЛЬ 2

Москва 1985 г.
Издательство «Правда»

Игорь МАЗНИН

И вновь на памяти былое —
Войны свинцовые года,
Когда во всем была нужда,
Едой — вода и лебеда,
А сеющая смерть беда —
Одною
общею
бедою.

А люди — легкие, как тени,—
Стальной броней своей страны,
Перед которой на колени
Был брошен злобный враг в смиреньи,
Чтоб в жизни новых поколений
Вовеки
не было
войны!..

9 Мая 1945 года

Когда
В мое село Беседы
Пришел
Великий День Победы,

Его встречал в нем
Весь народ:
И восемь вдов,
И пять сирот,

И старики —
Их было трое,
И бабка Дуня —
Мать героя...

Семнадцать душ
Без мужиков
Из двух
Оставшихся дворов.

А мужиков —
Война взяла...
Был месяц май,
Земля — цвела,

И сквозь
Обугленный плетень
Светилась
Белая сирень.

Инна ГАМАЗКОВА

Обелиск

Словно девушки, длинноволосы,
Незнакомы с военной бедой,
Что там шепчете вы, березы,
Обелиску с красной звездой?
Горькой памяти нашей метки
Рядом с теми, кто не дошел:
Обожженно-черные ветки...
Забинтованно-белый ствол...

Рисунок В. ФЕДОРОВА.

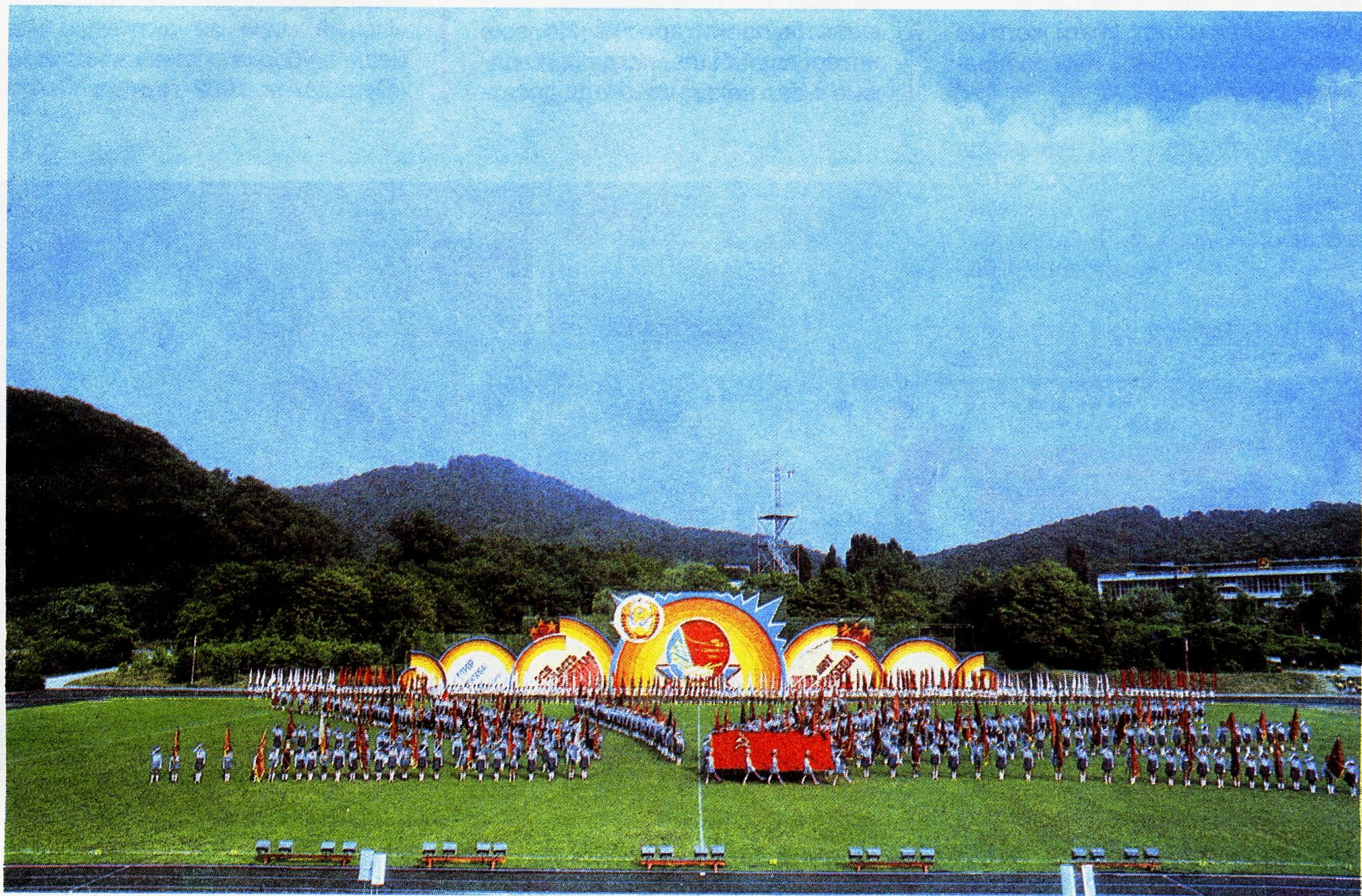
Как стал накрапывать дождик

...Сибирский город Абакан, в котором живет пятиклассница Лена Максимова, не велик и довольно молод. В городе почти все друг друга знают, и прохожие друг с другом на улицах здороваются. И ребята из отряда Лены Максимовой тоже дружные: они дружить любят Знаменный зал, где мы с Леной толковали, ее подружка и принесла Лене голубую орленковскую курточку с капюшоном. А были они подружками всего-то две недели.

Что происходило в зале...

Почему мы с Леной разговаривали в Знаменном зале, надо еще молодые, но уже хранящие память о каком-нибудь важном для всех событии.

Это были ПАМЯТНЫЕ знамена, и привезли их во всероссийский пионерский лагерь «Орленок» из многих школьных дружин городов и сел Советского Союза. Знамена совершили долгий путь в поездах, самолетах, машинах, чтобы попасть в этот зал, который из обычного спортивного превратился на одну ла-

ЗНАМЕНОСЦЫ, ГОРНИСТЫ, БАРАБАНЩИКИ

и умеют; и когда приезжают в другое место и попадают в другой отряд, у них и там много друзей-товарищей появляется.

На это я сразу внимание обратила во всероссийском пионерском лагере «Орленок», где мы с Леной Максимовой познакомились. Пока мы разговаривали, дождик маленький стал накрапывать. Тут же прибежала из дружины «Стремительной» в рассказать. Во-первых, разговаривали мы шепотом, ну не шепотом, а, во всяком случае, очень тихо, потому что в зале выстроились стройно и строго, как солдаты, темно-вишневого, алого, карминного, пурпурного, багряного, всех оттенков красного цвета — знамена. И если знамена можно сравнить с солдатами, то были среди них старые, мужественные, печальные и были герную пионерскую смену в торжественно и красиво украшенный зал Знаменный. Превратился стараниями ребят, которые проводили в «Орленке» Всесоюзный сбор знаменосцев, горнистов и барабанщиков.

Вот вишневое, поблекшее от времени знамя детского дома, расшитое старательными девчоночьими стежками: золотые колосья, герб. Сколько лет сейчас

тем девочкам, которые в двадцать первом году вышивали на своем пионерском знамени серп и молот, где они? И живы ли? А знамя их, ветхая от времени ткань, живо. Его берегли, как самое святое, спасали и прятали в годы войны от фашистов, подштопывали, новые стежки появлялись на нем, как шрамики.

В этом знамени — история прошедших лет и память о девочках, которые в детском доме, где, может быть, не хватало еды и дров, вышивали желтыми нитками серп и молот. И эти желтые простые нитки были в их воображении золотыми.

сколько ему лет и так далее,— а с важными для себя и других мыслями. Мысли эти прекрасны и вечны: они — о Родине, о победах и свершениях нашей страны, о партии, комсомоле, пионерии. Обо всем том, что наполняет нашу жизнь ярким светом. Вот так должно быть по-настоящему.

С пионерами из «Солнечной», «Штормовой» и других дружин все происходило по-настоящему.

Ребят водили по залам экскурсоводы — мальчики из дружины «Штормовой», рассказывали о каждом знамени. Слушать было интересно. Но еще интересней было, когда пришедшие в зал находили среди десят-

ского движения города Томска Бирюков, Новокшенова, Шустер вручили знамя музею истории пионерской организации Томска и области. С 1982 года знамя первого пионерского отряда вручается лучшим пионерским дружинам по итогам работы на Марше юных ленинцев.

— А у нас в Ярославской области есть памятное Красное знамя, врученное пионерской дружине средней школы № 3 города Переславля от комсомольской организации шефствующего предприятия — фабрики «Новый мир» за активную помощь в уборке урожая в колхозе «Правда» в 1982 году.

О чем говорят знамена и о чем ребята говорят со знаменами?

Итак, ребята из дружин «Стремительная», «Солнечная», «Штормовая» и других приходили в Знаменный зал... Экскурсия в данном случае неправильное слово. Экскурсия — это когда человек пришел, послушал, ознакомился и ушел. А тут дело иное: если человек двенадцати лет приходит к этим знаменам, в душе его должно произойти что-то важное. И уйти он должен не только с новой информацией: какое знамя как называется,

ков знамен СВОЕ знамя, то, с которым приехали в «Орленок», и сами рассказывали о нем.

— Мы хотим рассказать о красном знамени 1-го пионерского отряда города Томска. Оно появилось в 1923 году в отряде на станции железнодорожников Томск II. Вожатый Саша Усов принес красное полотнище. Девочки сшили двойное знамя, а Коля Шустер нарисовал пионера, отдающего салют. Вверху написали: «Пионеры — смена комсомола», а внизу: «Помни законы и обычаи». На оборотной стороне — пионерский значок, внутри которого пламя костра, серп и молот.

В 1972 году ветераны пионер-

— Мы из города Орла. Пионерская дружина имени Ф. Э. Дзержинского школы №1 хранит историю своего знамени. Дружинное знамя было спасено в годы Великой Отечественной войны пионеркой этой школы Антониной Левиной. Знамя пионерской дружины она зашила в подкладку жилета. Вскоре ее угнали в Германию, но знамя она сохранила. Вернувшись на Родину, пионерское знамя Антонина Ивановна вручила дружине. В 1980 году это знамя передано на вечное хранение в краеведческий музей города Орла.

— Мы — из пионерской дружины имени Г. Старостина Абагинской средней школы Амгин-

ского района. Наша дружина за мужество и героизм, проявленные юными пионерами при защите села Абага от белобандитов в ноябре 1927 года, приказом особоуполномоченного ОГПУ и Главнокомандующего вооруженными силами Якутии была награждена Красным знаменем. Хранится оно в краеведческом музее Абагинской средней школы.

Как звали того человека?

Лена Максимова не знает. Высокий седой человек. Немолодой. В Абакане, где все так молоды, это очень заметно. Он любил сидеть во дворе на скамейке и смотреть, как ребята играют. Ребята звали его Деда. А был он соседом Лены — дверь напротив, на лестничной площадке. И они любили иногда поговорить, на ходу, конечно, потому что Лена обычно торопилась — в школу, в кино, на занятия секции. О чем говорили? Об отметках Лены, о школе, о погоде.

О себе он не рассказывал. А она и не расспрашивала. В праздники на его пиджаке появлялись ордена. Как они назывались? Какие подвиги, доблесть, мужество, какие события стояли за этими орденами? Лена этого не знает. Потом Лена и ее родители переехали. А человек тот умер.

Когда Лена об этом узнала, ей было очень печально. И еще было такое чувство, как будто она чего-то не сделала, не исполнила.

Это чувство не покидает ее и сейчас. Оно есть. Особенно когда она приходит в свой школьный музей боевой славы. Лена с ребятами собирает материалы о ветеранах, приглашает их в гости, расспрашивает, записывает воспоминания. Чтобы остались эти воспоминания для истории: каждый музей, даже самый маленький, школьный, работает для будущего.

...Но как звали того человека? Что за жизнь он прожил? Лене Максимовой жаль, что она не успела обо всем этом узнать.

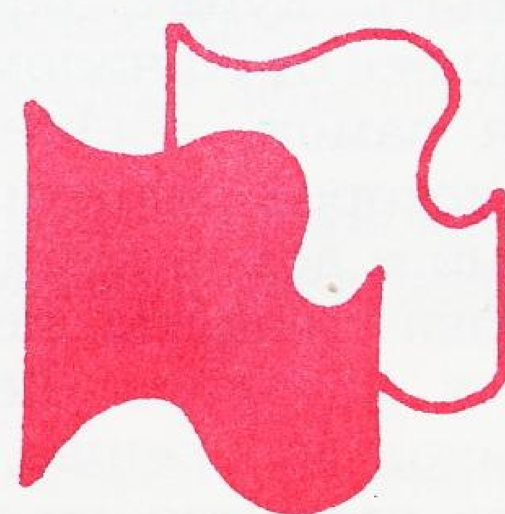
Разве пионерская работа — это то, что ты делаешь в стенах школы, а как только возвращаешься домой, она тут же и заканчивается? Нет, конечно. Или пионерская работа — это то, что делаешь по поручению отряда и дружины? А по поручению самого себя? По поручению своей совести, доброты? История не только в стенах школьного музея, где хранятся старательно оформленные ма-те-ри-а-лы (нехорошее все-таки слово, когда речь идет о человеческих судьбах и памяти, канцелярское какое-то, не пионерское). История всюду. Для нее важна жизнь каждого достойного человека. В том числе и того, чья дверь напротив твоей на лестничной площадке. Потому что, кроме тебя, может, и некому в эту дверь постучаться, расспросить, узнать, оставить в памяти. Это и есть твоя пионерская работа, твоя человеческая работа.

Праздник, праздник...

Ах, какой устроили в «Орленке» в конце смены знаменосцы, горнисты и барабанщики праздник! Даже слайды нашего фотокорреспондента не могут до конца передать его красок. Так стройно проходили по зеленой траве стадиона, освещенной прожекторами, знаменосцы, так торжественно проносили они памятные знамена. Так музыкальны были горны: настоящие горны настоящих горнистов — не фонограмма, к которой так привыкли во многих пионерских дружинах. Про барабанщиков и говорить нечего — дробь была что надо. А как ловко танцевали на зеленой траве девочки и мальчики! И еще фейерверки! И разноцветные фонтаны, и музыка, и фонарики иллюминации. А выше самых высоких фонариков — блистательная, полная, серебряная (даже обычных пятен, кажется, не было) на темном южном небе луна, специально для орленковского праздника... Да уж, был праздник! И назывался он «Салют, мир!». Очень хорошее название для праздника памятных знамен, на котором были взрослые, прошедшие войну, и дети, кому предстоит хранить и память, и знамена, а если понадобится, то и защищать Родину под Красными знаменами.

И. ХРИСТОВАЯ

Фотографии М. ГОСТЮЖЕВА.

М. ПРИЛЕЖАЕВА,
лауреат Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской и премии Ленинского комсомола

НА ГРАН-РЮ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 1.

7

У Жюстена каникулы. С утра мальчишечий народ Лонжюмо собирается в стаи, как птенцы, когда те, расправив крылышки, выпархивают из гнезда, пробуя силы, радуясь чуду полета.

— Эй, Касе-Ку, купаться!

— Эй, Касе-Ку, на луг за цветами! В замке, может быть, купят, заработаем несколько су.

Невдалеке от Лонжюмо в надменном одиночестве высится замок, обнесенный чугунной решеткой, прутья которой похожи на пики. За решеткой сад с клумбами и дорожками, усыпанными гравием; аллеи парка тенисты под раскидистыми кронами стройных платанов. Деревенским ребятам за решетку вход воспрещен. Но, может быть, господам из замка придутся по вкусу луговые цветы?

Сегодня Жюстена не соблазняют ни купание, ни возможность заработать несколько су. Из ума не идет русская школа для учителей. А еще (но это уже совершенная тайна) та приезжая девчонка Зина Мазанова, быстрая и легкая, как стрекоза, немного затронула его любопытство.

— Люди приехали в Лонжюмо и уедут, не наше дело,— говорил отец.— На земле много стран и людей, нам не знать и не видеть.

Жюстен хотел знать и видеть. Поэтому, наскоро перекусив, помня, что к приходу отца надо переделать порядочно хозяйственных дел, помчался ненадолго к дому № 17 по Гран-рю. В школе, наверное, занятия идут полным ходом. Взглянуть хоть глазком. Стараясь быть незаметным, Жюстен занял позицию.

Три важных наблюдения сделал он, подглядывая через застекленную стену за занятиями русских. Первое. Месье Ильин, стоя за преподавательским

столиком, что-то живо рассказывал учителям, своим слушателям. Жюстен не видел его лица, в окно была видна спина. Слушатели сидели на скамьях за длинным дощатым столом и с таким радостным вниманием слушали, что Жюстен — их лица он видел — отчасти удивился, даже позавидовал.

В своем классе он не замечал у ребят слишком большого усердия и особенного интереса к урокам. Да и сам нередко позевывал или обдумывал личные планы, пропуская мимо ушей объяснения грамматических и арифметических правил.

Второе. Не понимая чужой язык, Жюстен в лекции месье Ильина уловил одно, не раз повторенное слово. Дверь класса из-за жары распахнута настежь, Жюстен слышал: Маркс.

Что за Маркс?

Третье, совсем удивительное. В классе присутствовал парижанин Андрэ. Правда, не на виду. Пристроился в дальнем уголке класса и, раскрыв рот, не мигая, слушает рассказ месье Ильина.

«Э! вон оно что! Вон какой ты надувала, а еще камарад называешься!» — рассердился Жюстен.

Но, будучи мальчишкой по натуре незлым, быстро остыл. Урок закончился. Учителя вышли во двор размяться и покурить.

Многие из них были босы. Опять что-то новенькое. В Лонжюмо взрослые босиком не ходят — в сандалиях или сабо.

Впрочем, вчера мэр сказал месье Ильину, что «русские немного странные люди. Немного чудаки».

Но Андрэ? Как вам его притворство понравится?

Жюстен намеревался тотчас кинуться к нему, уличить в надувательстве. Не имеет значения, француз ты или русский, а товарищу выкладывай правду. Вот так.

Но Андрэ не один вышел из класса. Обняв его за плечи, с ним шел слушатель. Разглядывая класс через застекленную стену, Жюстен именно на этого слушателя обратил внимание. Разделенные ровным пробором русые волосы открывают чистый широкий лоб. Небольшие усики, прямой нос. Что же в этом совсем простом лице привлекает? Почему именно за ним внимательнее, чем за другими, наблюдал Жюстен из своего укрытия?

Уж очень хорошо этот человек слушал! Глаза то смеялись, словно являлась ему бог знает какая счастливая весть! То печалились. На лоб набегали морщины. Губы сжимались и, глядя на похмуревшее лицо, догадаешься: кому-то плохо, трудно кому-то. А то гневом зажгутся глаза, тяжелыми кулаками лягут на дощатый стол руки.

«А ведь у него рабочие руки! — внезапно осенило Жюстена. — У моего отца такие. У нашего учителя тонкие пальцы, а у отца...»

Андрей увидел Жюстена.

— Мой товарищ — французский рабочий, то есть отец рабочий, а он, за него ручаюсь, Иван Дмитриевич, — быстро аттестовал он Жюстена, пока тот приближался.

— Тсс! Забыл? — строго остерег Иван Дмитриевич.

— Ах да, Петр! — спохватился Андрей. — Петр, Пьер! — повторял, как бы заучивая.

Иван Дмитриевич Чугурин, рабочий, как все слушатели Ленинской школы, получил при переходе границы новое имя. Теперь, пока не вернется домой, будет зваться Петром.

— Месье Пьер, — познакомил Андрюша Жюстена с Чугуриным.

Жюстен поклонился, снял шляпу: идеально воспитанный юный гражданин Лонжюмо.

Иван Дмитриевич, или, как условились, Петр, ласково потеребил растрепанные вихры мальчонки.

А Жюстен, исполнив долг вежливости, водрузил на затылок соломенную шляпу и по обыкновению закидал Андрея вопросами.

— О чем был урок? И тебе разрешили со взрослыми? У вас разрешают? И тебе интересно? А кто такой Маркс? Я слышу: Маркс, Маркс. Это по-русски. А как по-французски?

Андрей, смешливый мальчишка, по каждому подходящему поводу заливается смехом, как колокольчик. И тут залился, но вмиг посерьезнел.

— Маркс по-русски, и по-французски, и на всех языках есть Маркс, уяснил?

— Кто же он, что на всех языках?

— Как объяснить?! — обратился за помощью Андрюша к Чугурину.

— Видно, ты не до полного разумения дорос, — ответил тот. — Только что на занятиях слушали, до глубины сердца дошло на всю жизнь. Маркс хочет счастья всем людям. Чтобы наступила хорошая жизнь на земле, всем хорошая, для всех справедливая. Чтобы не было обиды никому и нигде. А как того добиться, науку создал. За то мы и почитаем его.

Так говорил Чугурин французскому мальчишке. Жюстен не понимал слов, но что-то доброе, сильное исходило от этого человека, хотелось его слушать и казалось, что все понимаешь.

Чугурина позвал кто-то из товарищей, и он оставил двух приятелей наедине.

— Маркс — ученый-педагог, — сообразил Жюстен, помня разговор месье Ильина с мэром: «Мы будем изучать проблемы педагогики». И круто повернул к своей теме: — Слушай, Андрэ, у меня есть удочка, не самая новая, а лучше всякой новой, мальчишки из замка и те ухватились бы. Да я им нипочем не уступлю. А то есть кожаный кошелечек. Отец на кожевенном заводе работает, один раз сшил мне из обрезков кожи кошелек про запас, когда разбогатеешь, говорит — ха-ха-ха! — тут тебе и кошелек денежки складывать...

— О чем ты? — не понял Андрюша. — Про Маркса говорили, а ты про кошелек завел?

На секунду Жюстен замялся, но тряхнул лохматой головой и решительно:

— Отдам, хочешь? За это учи меня русскому.

Идея Жюстена привела Андрюшу в замешательство. Можно ли? Надо ли?

Но, поразмыслив недолго, он рассудил: что плохого, если его французский дружок научится русскому? Конспирацию Андрюша не нарушит, ни кто Владимир Ильич, ни кто Андрюшина мама, товарищ Инесса Арманд, — ничего, что нельзя, никому не будет открыто.

— Ладно, кошелек пока береги, за так начнем обучение. Слушай: «мер» — «мать», «мамочка», «мама»; «пер» — «отец»; «пень» — «хлеб». Мать, отец, хлеб — повтори. Ну-ка, еще: мать, отец, хлеб. Не глеб, а хлеб, не отьец — отец. Повторяй, повторяй. Ну, довольно, на первый раз хватит.

— Пока хватит, — согласился Жюстен. — Я от тебя не отвяжусь, знай. Если каждый день по три слова заучивать...

— Дальше будем больше, — вдохновился Андрей. — За лето, пока из Лонжюмо не уедем, научу... А ты не лентяй?

— Я — лентяй?! — изумился Жюстен. — Спросика учителя, кто в классе самый прилежный!

Всю дорогу домой он на разные лады повторял три первых слова: мама, отец, хлеб.

8

Сегодня у Надежды Константиновны занятия в школе. Она проснулась ранехонько. Неслышно встала, чтобы не разбудить Владимира Ильича. Он спал на узкой железной кровати напротив у стены. Крепко спал. Сладким сном. Молодец! Здоровье у Володи завидное, если сносит ежедневную двенадцати-пятнадцатичасовую работу, нервотрепку из-за слежки российских и французских шпиков, борьбу с меньшевиками разных толков. А как умеет радоваться радости! Его детище — партийная школа в Лонжюмо — счастливит Володю. Давно она не видела его в таком радужном подъеме, веселой энергии. Дела в школе идут отлично. Занятия с утра до обеда, после обеда до вечера. Учатся рабочие не только усердно — самозабвенно, влюбленно! Володе прямо-таки поклоняются. Да, он всего, всего себя ученикам отдает.

Его занятия по курсу политэкономии не назовешь лекциями. Лектор читает и читает, пусть превосходно, но лекция и урок не одно и то же. Владимир Ильич в школе Лонжюмо — учитель. Передался по наследству отцовский педагогический дар! Отец, Илья Николаевич, директор народных училищ, талантливейшим, благороднейшим был педагогом. Все учителя Симбирской губернии почитали его. А сколь многих учеников окрылил он жаждой познания! А как бился с тупыми чиновниками за просвещение народов многонациональной Симбирской губернии! А сколько пооткрывал школ для чувашей, мордвинов, татар!

Володя! Отец порадовался бы твоей школе в Лонжюмо.

Надежда Константиновна улыбается, перебирая в памяти уроки Владимира Ильича. Она нередко на его уроки приходит. Знает-перезнает, о чем он будет беседовать с учениками. Но как?! Всегда неожиданно, ново. Ученики на его уроках час от часу растут. «Я тоже больше всего учительница,— думает Надежда Константиновна.— Моя партийная работа началась именно со школы».

Однако солнце поднимается выше, розовая кайма по горизонту остывает, небо бледно голубеет. Наступает тихое утро.

Проснулся Владимир Ильич. Встала Елизавета Васильевна. Выпили кофе. Владимир Ильич засел писать статью в газету. Надежда Константиновна торопится в школу. Ее сегодняшний урок посвящен именно газете. Как она готовится, издается, каждый ли знает? Слушателям, когда они вернутся в Россию, всенепременно надо будет иметь дело с большевистскими газетами. Печатаются они в нелегальных, сугубо секретных от полиции и царских чиновников типографиях. Где? Когда? Как?

И в легальной газете надо уметь выступить. Большевистская партия учит использовать всякий случай говорить и писать о рабочей борьбе.

Техника типографских изданий, техника связи с партийными организациями — предмет уроков Надежды Константиновны. Довольно скучная история, но в рассказе Надежды Константиновны оказывается нескучной, чрезвычайно необходимой для будущей работы революционеров-подпольщиков. Класс слушает учительницу с неослабным вниманием. Какие в России есть типографии и как устроить подпольную типографию для печатания запрещенных брошюр? Как эти брошюры и заметки писать? О чем? Для кого?

— Ну-ка, давайте попробуем, напишите каждый о каком-то событии на вашем заводе, о чем хочется бить в набат, не прощать начальству,— предложила Надежда Константиновна.— Но вот что, сначала будем писать в уме. Потом расскажем. Выберем подходящую тему и тогда уж напишем на бумаге. Одному задам писать для нелегальной печати, другому для легальной. Обсудим, в чем разница. Есть ли разница. Такой у нас будет сегодня урок необычный. Вроде игры. Но серьезной игры. Итак, сочиняйте в уме. Головы у вас молодые. Развивайте, упражняйте, крепите память. Готовьтесь к обсуждению и критике. Сюсюкать не будем. Что заслужил, то и получай.

Задумались товарищи. Подперев кулаками виски, каждый глядел перед собой и не видел, погруженный в непривычный труд сочинительства.

Надежда Константиновна с улыбкой наблюдала за ними.

«Трудновато целую заметку держать в уме, когда карандаша нет на подмогу».

— Слишком-то не мудрите,— ободрила она учеников.— Вспомните стоящий факт и изложите. Ясно и коротко.

Кто-то строго ответил:

— Скидкой нас не балуйте.

— Не буду. Работайте.

Надежда Константиновна досконально знает учеников. У нее хранятся документы, анкеты, направления Школьного Комитета ЦК, рекомендации партийных организаций, что их посылали в Ленинскую школу учиться. Все рабочие из разных городов. Все со стажем революционной работы, хоть и молоды. Испытали ссылки и тюрьмы.

Надежда Константиновна знает учеников, конечно, не только по бумагам. Много переговорено, выслушано признаний, дано советов. У каждого на первом плане партийная работа.

А личная жизнь? Сердечная жизнь? Только твоя. К тебе одному относящаяся, тобой одним пережитая? Есть ли любимая девушка? Ждет ли, дождется ли, как семь лет дожидалась Женни Маркса? У того жена, ребятишки, старая мать, родной дом, где пролетело детство, как сказка приснилась...

Класс надолго погрузился в молчание. Ни звука. Надежда Константиновна участливо наблюдает за слушателями. Сейчас они слушают себя, перебирая в памяти пережитое. Вон Белостоцкий. Нахмурил лоб, водит пальцем по столу, воображая, что пишет. Так легче думается.

Чугурин оперся щекой на ладонь, прикрыв ресницами глаза, чтобы ничем не отвлечься, не ускользнула бы мысль.

А Серго Орджоникидзе? Всегда энергично-живой, он и в этот час полон жизни. Взгляд горюч, улыбка морщит губы, видно, что-то интересное вспомнилось, заданное сочинение созревает в уме.

...Кавказ! Нет чудеснее края, нет волшебнее края. Блистающие в лучах солнца вечные льды горных вершин, громады утесов, глухие ущелья, полные тайн, непроходимые леса, пестрые, в цветах, поляны, бурно несущиеся реки...

На Кавказе пролетело детство, полунищее, но богатое любовью и лаской. Вот Серго четырнадцать лет. Он в Тифлисе. Ученик фельдшерской школы, член ученического нелегального кружка и наравне со взрослыми революционерами пропагандист в железнодорожных мастерских и... «Об этом и будет статья»,— гордо думает Серго.

На окраине Тифлиса, у подножия скалы, высится древний монастырь. Рядом, под крышей длинного, скучно-серого здания, укрыто городское водохранилище. Серго объяснили, что нужно делать.

— Не забоишься?
— Я?!
Он не ответил, только со смешком мотнул головой. И, как велено, вошел в серое здание. По лесенке спустился в подвал. Где-то здесь должен быть заложенный кирпичами лаз. Вот он. Серго узнал по приметам. Вынул кирпичи и полез. Не так-то просто. Мальчишка узок в плечах, в поясе тонок, а отверстие вроде еще уже, еле втиснешься.
И тут происходит непредвиденное. Серго наполовину пролез, вдруг хватают за ноги, тащат назад.
Сторож. Водохранилище охраняется.
— Куда тебя леший несет? Зачем?
У сторожа свирепый вид, как у всех сторожей, когда застигают на месте преступления хулиганов-мальчишек.
«Как-нибудь выкрутиться, как?» — мечется в растерянной голове Серго, и... о, простофиля! Ведь ему сказали пароль. Ведь строго-настрого велели затвердить ответный пароль. Затвердил. От растерянности вылетело из ума.
В конце концов обошлось. Вспомнил свой и ответный услышал пароль.
Сторож вмиг подобрел, и Серго вновь, уже при его помощи, втиснулся в лаз. Пробирался ползком на животе, на четвереньках. Дальше лаз шире и выше, можно стать на ноги, нормально шагать. Дальше скала, в ней выбита ниша. Это подпольная типография. Здесь хранится все, что требуется: кассы со шрифтом, запас бумаги, потаенные ящики для документов. В один из них Серго опускает бумажку с текстом листовки против фабричных незаконных штрафов, которыми хозяева душат рабочих. Вечером печатники-революционеры так же тайно проберутся сюда в типографию, напечатают по этой бумажке листовки и Серго будет их разносить по секретным адресам. Оттуда листовки полетят на заводы и фабрики: «Товарищи рабочие, боритесь с эксплуатацией!»

Статья в уме написана. Серго поднял руку, рассказать учительнице и товарищам приключившуюся с ним в школьные годы историю.
— Закончил? Молодец! — похвалила Надежда Константиновна.— Но подождем слушать, пока окончат все.
И вдруг: «Что я! Разве такое можно напечатать в легальной и даже в нелегальной газете! Раскрыть жандармам тайное место и как мы действуем? Эх я! Увлекся воспоминаниями юности».
«Пригорюнился добрый молодец,— заметила Надежда Константиновна.— Видно, что-то не ладится».
А Серго порылся в памяти и припомнил случай беспощадной эксплуатации рабочих.
Ох, как много повстречалось ему таких случаев, когда юношей вел пропаганду в железнодорожных мастерских.
Старшие хвалили: «Справляется с делом. Растет».

Сегодня урок Надежды Константиновны затянулся. Велено сочинить заметку? Сочинили. Никто не желал отмолчаться. Едва не по каждому ответу дискуссия.
«Умная публика,— слушая устные газетные выступления и споры, думала Надежда Константиновна.— Действительно, передовой отряд рабочего класса. Не зря Ильич верит в вас и надеется».
Пока до самого обеда в классе на Гран-рю длились занятия, привычные болельщики школы Андрэ и Жюстен на этот раз отсутствовали. У них действовала своя школа, в которой Андрэ ответственно исполнял роль учителя.
Упрямый малец Жюстен! Твердо вознамерился научиться говорить по-русски: «Писать погодим, после когда-нибудь выучусь, а сейчас давай разговаривать».
— Итак, повторяй,— размеренно, как подобает учителю, произносит Андрэ:— Мой отец — рабочий.
Не так-то легко произнести фразу на чужом языке. Жюстен коверкает слова, путает ударения, произношение ужасно, будто рот набит кашей.
Наконец осилено.
— Правильно. Пять. Что еще хочешь сказать?
— Я тоже буду рабочим,— говорит по-французски Жюстен.
Андрэ переводит.
— Повторяй.
Туговато движется дело. Тем более что урок ведется не в классе. Ученик не сидит за партой. Ученик прибирает комнатенку, подметает пол, варит макаронный суп, моет посуду. Андрэ помогает товарищу, тем временем оба твердят:— Мой отец — рабочий. Я тоже буду рабочим.
— Выучено. Пять. Следуем дальше. Что хочешь сказать?
— Франция очень хороша.
— Правильно, согласен. Пять. Теперь повтори: Россия тоже очень хороша! — диктует Андрей, а про себя: «Россия во сто раз лучше».

— Месье Пьер,— познакомил Андрюша Жюстена с Чугуриным.

Андрюша не хочет обижать Жюстена, поэтому про Россию бормочет вполголоса. Тот еще не так хорошо освоил чужой язык, чтобы понять без перевода.

— Новая тема,— объявляет Андрей.— Я люблю книгу...

Многоточие, пауза. Во-первых, потому, что у Жюстена нет любимой книги, вообще в доме нет книг. Вообще во всем селении редко-редко у кого есть две-три книги. Мэр обещал приобрести для школы небольшую библиотечку, но пока что-то медлит.

Пауза наступила и по другой причине: со двора в дом впорхнула Зина Мазанова. Она не ходит, не бегает — порхает, как стрекоза. Ее и зовут Стрекозой — тоненькая, легкая, быстрая.

— Бонжур,— кивает Жюстену.— Ты не знаешь, где соседи?— спрашивает, имея в виду семью Владимира Ильича, главным образом бабушку Елизавету Васильевну, чтобы помочь по хозяйству, о чем-то потолковать.

— Здгастуй,— по-русски, картавя на французский манер, отвечает Жюстен.

Встречая Стрекозу, он испытывает новое, никогда раньше не испытанное чувство — стеснение, чуть не страх и какое-то непонятное, почти жутковатое замирание сердца. Ему не хочется задирать Зину Мазанову, как часто мальчишки Лонжюмо задирают девчонок, если какая-то кому-то понравится. Задирание — у них род любезности, нечто вроде ухаживания. Жюстену хочется смотреть на Стрекозу и ничего больше. И все. Однако надо хоть что-то

Слушатели горячо обсуждают задачу, поставленную перед ними товарищем Лениным...

сказать, иначе прослывешь дураком, подумает: вот пень!

— Твоя мама тоже учительница, учится в русской школе? — спрашивает Жюстен Стрекозу.

— Нет.

— Значит, учит учителей? По-нашему, значит, профессор.

— Нет.

— Что нет? Что же она делает?

— Варит учителям завтраки, обеды...

— А-а, кухарка! — отчего-то радуется Жюстен. — У нас в замке есть кухарка и разные слуги, лакеи...

Тут неизвестно почему рассердился Андрэ.

— У нас в школе нет лакеев. Тетя Катя Мазанова, Зинина мама, друг моей мамы.

— Друг твоей мамы, мадам Инессы? — удивился Жюстен.

— Да! Да!

— Но ведь мадам Инесса преподает в школе, она из дру... другого общества.

— Дурак, дубина! — ругается Андрэ.

Если б Жюстен знал! Если бы знал, что отец Стрекозы и ее братишки Мишеля, токарь-изобретатель, с молодых лет революционер-большевик, схвачен был жандармами и сослан в жесточайший Туруханский край Сибири, а после бегства из ссылки стал бесстрашным воином революции 1905 года.

Революция побеждена. Расплата ждет большевика — виселица. Товарищи помогли бежать за границу. Помогли семье скрыться от сыщиков и полицейских. И вот Екатерина Ивановна Мазанова с детьми в Париже. Тут встреча с Инессой Арманд. Живут на одной квартире. Сдружились. С Надеждой Константиновной встретились и сдружились раньше, в России.

Тетя Катя Мазанова добра, умелица на все руки, певунья, любима русскими политическими и дома, и в Париже, и здесь, в Лонжюмо.

— Наша хозяюшка, кормилица! — зовут ее слушатели и лекторы школы Лонжюмо, уплетая за обе щеки сваренные ею щи и гречневую кашу, всегдашние и любимые на Руси с древних времен кушанья.

— Ты-ы! Эх, ты! — продолжал кипеть Андрюша Арманд.

— Умолкни. Он ничего не смыслит в наших делах, — сказала Стрекоза. — Бедняжка, — снисходительно промолвила она.

«Бедняжка!» — Андрею показалось, слишком умиленно выговорила она это слово.

Он не читает книг. У него даже любимой нет книги.

— Ох! — Стрекоза укоризненно качнула головой, и концы ее банта на затылке колыхнулись, как крылышки.

В косе бант, на затылке бант — не много ли?

Жюстену нравится. И ее темно-серые глаза под черными дужками бровей, и чуть толстоватый славянский носик нравятся Жюстену.

— Так у тебя нет любимой книги, — сказала Стрекоза, пристально разглядывая Жюстена, как бы что-то читая в нем и обдумывая.

— Неинтересно тебе так жить. Ну, ничего. Не унывай. Добудем тебе любимую книгу. Оревуар.

И упорхнула.

9

Радость — проснуться чуть свет, когда солнце еще не взошло, по розовому полю зари бродят дымчатые облачка, и в предчувствии долгого школьного дня, в ожидании нового, интересного, всегда интересного урока вскочить, весело будя непроснувшихся: «Вставай, подымайся, рабочий народ!»

Наскоро одеться, вперегонки помчаться к реке, с разбегу бултых в прохладные воды Иветты. Стайки серебристых рыбешек брызнут в стороны. Крупная птица снимется с ветки, медленно полетит вдоль реки. Все радость. Кругом радость. Тело налито молодой, звонкой силой.

После купания, хотя учились взахлеб, не позволяя себе пропустить ни минуты урока, все же задерживались посидеть полчасика до занятий на берегу Иветты. Поблаженствовать под легкими лучами только взошедшего солнца.

Конечно, их головы заняты прежде всего учением. Об учении они и говорят. Обсуждают узнанное на лекциях. И особенно то строгое и важное, что не устает внушать Владимир Ильич. Для победы над самодержавием и капитализмом нам нужна крепкая, сплоченная партия. Есть люди, которые мешают сплоченности партии. Надевают маску заботы о рабочем классе, любви к народу. Надо уметь распознавать истинное лицо хитрых и лживых противников партии, чтобы разъяснять рабочим вредность их проповедей.

Надо учиться, много знать, твердо верить в победу революции. Слушатели горячо обсуждают задачу, поставленную перед ними товарищем Лениным. «Вернемся в Россию, пойдем к цели, как учит Ленин: сплочение партии, борьба с дворянско-капиталистическим строем».

...А иногда захватят воспоминания о пережитом. Пережито много. Нет среди слушателей никого, чья молодость протекала безоблачно. Если ты революционер, значит, борец, значит, грозы проносились над твоей головой, не раз глядел в глаза смерти.

Сколь много опасных событий, связанных с революционной борьбой, пережито Серго Орджоникидзе. Пылкий, страстно преданный революционному делу, он в самых трудных обстоятельствах смел и находчив.

В Тифлисе, где учился в фельдшерской школе, уже тогда, с мальчишеских лет, революционная работа составляет смысл его жизни. Кто бы подумал, что этот красивый веселый подросток — давний конспиратор, распространитель листовок против правительства, умеющий обвести вокруг пальца самых опытных сыщиков! Да так ловко, умно!

Вот юный грузин по окончании школы назначен работать фельдшером в приморский город Гудауты. Больница маленькая, одна на многие версты побережья Черного моря. Фельдшеру Серго 19 лет. Жители приморских городов и селений дивятся и радуются усердию фельдшера: неустанно в разъездах, спешит на помощь больным, навещает здоровых — проверить, не подкрадывается ли болезнь.

О, большой смысл в этих фельдшерских встречах с больными, а чаще здоровыми людьми. Он раздает пациентам рецепты, напечатанные собственноручно на гектографе. Лекарства прописывает фельдшер, и не только лекарства. «Рецепты» фельдшера призывают к борьбе с самодержавием, собирают вокруг Серго вольнолюбивых людей.

Наступает революция 1905 года. На Черноморском побережье созданы красные боевые дружины...

Тут, в этом самом захватывающем месте рассказа, Серго перебивают. Александр Догадов, в Лонжюмо получивший имя Павел, самый младший из слушателей, по виду совсем мальчишка — круглолицый, губы пухлые, глаза полны любопытства, — подсказывает: «Про оружие, Серго, не забудьте!»

Догадов знает эту историю, но хочет слушать еще и еще.

К побережью Черного моря на помощь повстанцам направляется корабль, груженный винтовками, бомбами. Черноморцы готовы к восстанию, ждут только оружия и — в бой!

А на море разбушевалась буря, волны, как щепку, швыряют корабль, не дают пристать ему к берегу. Ах, как нужно оружие! Между тем правительство мобилизует казачьи полки, карательные отряды.

— И что же? Что же? — горя нетерпением, торопит Догадов.

Все, затаив дыхание, внимают Серго. Он возбужден, черные глаза мечут искры, щеки пылают.

С великим трудом к борту корабля подходят два баркаса. Сначала на баркасы перегружают оружие. Потом на рыбачьи шаланды. Первую ведет Серго, гребут дружинники. Вперед, вперед! Хлещет дождь, шаланды взлетают на гребень волны, как на гору, и ухают вниз, в водяную пропасть. Наконец, высадились на берег, побежали в ближний городок за подводами, перевезти куда надо оружие, а шаланду в то время сорвало, унесло в открытое море. Вон, чуть видна. Ни секунды не медля, Серго кидается в море. Ледяная вода обжигает, как кипяток. Ноги немеют. В голове бьется яростно мысль: «Спасти, во что бы то ни стало спасти для революционных повстанцев оружие...»

— Написать бы об этом книгу. Зажигающая получилась бы книга,— мечтательно произносит Догадов. Задумался.

— Я не о политических статьях говорю. Политика для нас на первом плане. Без политики мы — не мы. Я о художественных произведениях.

— Как же ты умно говоришь, Павел! Как правильно и умно говоришь!— воскликнул Серго.— Жаль, мало нам здесь удается почитать художественной литературы.

— Мне наш доктор Александров дал почитать Льва Толстого.

— Ну, молодец, молодец! При нашей занятости ухитряешься и на Толстого выкроить время?

Догадов застеснялся, покраснел. Совершенный мальчишка, а уже шесть лет в партии, уже испытаны арест, тюрьма, ссылка.

Стрекоза укоризненно качнула головой, и концы ее банта колыхнулись, как крылышки.

— Я Толстого люблю... выразить не могу, как люблю! Рассказ «После бала» дома читал и здесь, подвернулось, читаю. Чем дальше, сильней поражаюсь: непостижимый гений Толстой! Как знает жизнь, как пишет людей, как ненавидит барство, жестокость правящих, как учит жизни!

— Некоторые объявляют Толстого учителем жизни,— с ноткой сомнения в голосе заметил Белоцкий.

— А что? Да. Учитель.

Назревал спор. С обычной для него бурной энергией вмешался Серго Орджоникидзе. Его фамилию мало кто знает. Знают: Серго.

— Любишь Толстого? А мы не любим? Не поклоняемся? Не гордимся? Нет равных Толстому художников! Но разве ты статьи Владимира Ильича о Толстом не читал?

— Вы, товарищ Серго, образованнее меня,— вконец застеснялся Догадов.

— Э-э!— перебил Серго.— «Вы» — ни к чему. Какой я — вы! Товарищи, значит, ты. Советую, Догадов, вернемся домой, достань статьи Владимира Ильича о Толстом. Убедительно Владимир Ильич показал, как Толстой бичевал подлость буржуазного строя. И тот же Толстой создал учение в полном противоречии с пролетарским, партийным.

— Я узнал и расстроился.

— Толстой учит нас ненавидеть врагов,— все горячей распаляется Серго,— но вместо борьбы проповедует непротивление злу. Буржуазные интеллигентики, журналисты, правительственные лживые газетенки подхватывают чуждую пролетариату проповедь. Одуряют народ. Прячут от народа истинного, великого, нашего Толстого.

— Толстой наш. Мы знаем нашего Толстого,— подхватил Чугурин.

В обсуждение вступили все. Не было среди слушателей Ленинской школы равнодушных людей. Лениво мыслящих не было. Жить — значит узнавать, думать, чувствовать. Значит бороться.

— Кто читал книгу Ленина «Что делать?»? — продолжает Серго.— Все читали. Помните, что сказано там про нас, вчерашних и нынешних пролетариев: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению именно для того, чтобы бороться с врагами...»

— Правда, правда! Что ни скажет Ленин, все правда. Идем под огнем, а не страшны нам враги.

Разговору не виделось конца.

— Время-то, время несется!— спохватился кто-то.

— Товарищи, сегодня с утра первые лекции нашего доктора Александрова. Наверное, уже катит на своем велосипедике к нам из Парижа.

10

Действительно, по шоссе из Парижа катил на велосипеде довольно молодой человек. Узкоплечий, немного сутулый. Время от времени оглядывался. Спутника ли поджидал или опасался слежки? Вернее второе. Париж кишел шпиками, наемниками русской жандармерии. Человек направлялся в Лонжюмо, в русскую партийную школу, показать дорогу шпику опасно.

Преподаватели школы частью поселились в Лонжюмо, как «Ильины» и Инесса Арманд, другие жили в Париже. Снимали комнатенки, ютились

главным образом по рабочим окраинам, зарабатывали на пропитание кто как мог — уроками, статьями в газетах, лекциями. Квалифицированные рабочие, если посчастливится, устраивались на заводы и фабрики. Наверно, непрочно — каждый день грозил расчетом, безработицей. Жили бедно, иногда буквально впроголодь. Люди эти, больше всего русские, были политическими эмигрантами.

Велосипедист, спешивший в Лонжюмо, и был тем «нашим доктором Александровым», о котором сегодня утром после купания говорили слушатели школы. Уже то, что его ласково называли «нашим доктором», означает доброе к нему отношение. Верно, он доктор, верно, хороший человек. Но настоящее его имя не Александров, а Николай Александрович Семашко.

Шоссе бежит мимо ферм, вдоль поселков, аккуратных и приветливых на вид, особенно в это лучезарное утро. Позади ферм мелькают ухоженные тучные поля. Немудрено. Землей владеют хозяйчики-фермеры, их поля, обработанные батраками, снабжают овощами и фруктами «прожорливое брюхо Парижа».

Помнятся Семашко другие поля, на Орловщине, в России, никогда не уйдут из памяти.

Сын многодетного преподавателя, рано умершего, Николай детство и отрочество провел в захудалой усадебке тетки. Рос с крестьянскими ребятами. С охотой, сноровкой исполнял крестьянскую работу. Знал нищую долю безлошадных малоземельных крестьян. Знал бесправие народа.

Однажды кучер Иван поехал в город Елец. По дороге догнал коляску земского начальника. Лошаденка Ивана мала, а шустра. Припустилась во весь опор, обогнала начальника. Тот в ярость: «Ничтожный мужичонка посмел обогнать!» Засадили Ивана на трое суток в «холодную» без питья, без еды. «Сиди обдумывай, кто ты, как посмел вперед начальства выскакать».

Тоска, гнев поднялись в душе подростка. Как ненавидел он земского начальника, его каштановые, торчащие щеточками усики, сытые красные губы, форменную фуражку с малиновым околышем, навсегда возненавидел! Не забудет, не простит обиду и унижение Иван. Много таких случаев унижений народа узнал он, с мальчишеских лет постигнув несправедливость устройства общества. Разумом не мог еще все охватить. Сердце стучало: нельзя так, нельзя!

Своя собственная студенческая жизнь в Москве угнетала беспросветной нуждой. Обед не каждый день, чаще хлеб всухомятку, пшеничный только по воскресеньям, жилье — жалкая каморка.

— Трудновато,— с грустной усмешкой вспоминает Семашко.

Как бороться за лучшую, хотя бы сносную, хотя бы сытую жизнь, он не знал.

Прозрение пришло с книгой Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов». Тогда это была еще не книга. Семашко удалось добыть тайно напечатанную на гектографе работу. За печатание — тюрьма. За чтение — тюрьма. Семашко впился в будущую книгу и не мог оторваться. Дорожил ею, как бесценным сокровищем. Она и была сокровищем. Она призывала революционеров к созданию марксистской партии. Убеждала: рабочий класс есть передовая революционная сила общества. Открывала путь: русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) пойдет «прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной Коммунистической революции». Целые страницы Семашко заучил наизусть, и этот смелый, могучий призыв идти к победоносной Коммунистической революции повторял как стихи. Несколько дней он читал и перечитывал рукопись, но, опасаясь облавы, когда уходил ненадолго или ночью, спускал ее на веревочке в отдушину печи так, чтобы веревочка была незаметна.

Въезжая на велосипеде во двор школы, Семашко услышал голоса, доносившиеся из класса: — Едет, едет... Приехал наш доктор Александров!

Семашко, тщательно одетый, красивый, с высоким прекрасным лбом, серьезным, даже строгим выражением лица, встречаясь с учениками, светлел. С гимназических лет он славился педагогическим даром, давая репетиторские уроки неуспевающим гимназистам, тем зарабатывая себе на пропитание. Привлекал не только заработок. Семашко любил свои два призвания: медицину и педагогику. Педагогика — это и просветительство, и политическая пропаганда, и агитация. В каждом деле, большом и малом, Семашко был истым революционером с тех давних пор, когда юношей впервые узнал поразивший его труд Ленина.

— Здравствуйте, товарищи! — приветствовал Семашко всех, входя в класс, а Серго, слегка кивая, особо. Серго — коллега по профессии, тоже медик. Правда, окончил не университет, а лишь фельдшерскую школу и по специальности не так уж долго работал, но все же...

Семашко ценил бодрый дух Серго, тягу к знаниям, энергию умственной деятельности, беспредельную преданность партии.

— Доброе утро! — загудели слушатели, с удовольствием предвкушая интересный урок.— Доброго вам здоровья, товарищ Александров!

— О здоровье сегодня и пойдет разговор,— подхватил Семашко.— В гениальном труде, которому была отдана вся жизнь великого Маркса, нам открывается обширная панорама действительности, поднимается почти необъятный круг вопросов.

После купания все же задерживались посидеть полчаса до занятий на берегу Иветты.
Обсуждали узнанное на лекциях.
Особенно то дорогое и важное,
что не устает внушать Владимир Ильич...

Бесконечное сочувствие вызывают страницы, рисующие условия жизни рабочего при капитализме. С волчьей жадностью капитал высасывает до последней капли из рабочего кровь. Капитал похищает у рабочего время, необходимое для сохранения здоровья. Лишает рабочего необходимого отдыха. Вконец истощенный чрезмерной работой организм человека не освежается кратким оцепенением вместо сна, которое неумолимо обрывается ранним фабричным гудком. А как преступно эксплуатируется детский труд!

Семашко резко дернул воротничок рубашки, оттянул его. Душно. В классе ни шороха.

— ...На маленькие проворные пальцы детей особенно сильный спрос,— читаем мы в научных исследованиях Маркса.— Сирот от семи до четырнадцати лет набирают из различных работных домов. Помещают в жилища неподалеку от фабрик. Над ними круглые сутки надсмотрщики. Их плетью сгоняют в цеха, до смерти замучивают непосильным трудом. Труд для них пытка. Жизнь — ад. От голода превратившись в скелетики, они, дети, нередко кончают жизнь самоубийством. Может ли что быть ужаснее?

Семашко снова на минуту прервал лекцию. Снова в классе ни звука.

— Теперь некоторые данные о сегодняшнем дне. Статистика оперирует цифрами. Ее свидетельства — точные факты, кричащие, как набат, о беде.

Вот данные статистики о смертности среди различных групп населения в 1911 году, то есть сегодня. Детей бедняков до одного года умирает в пять раз больше, чем детей богатых, а после года до пяти — в десять раз больше. Главнейшие причины смерти — болезни: следствие голодания. Легочные — туберкулез, который не случайно называют пролетарской болезнью.

Таковы трагические обстоятельства жизни рабочих при капитализме. Есть ли выход? Выход один. Чтобы оздоровить рабочий класс, спасти от вымирания детей пролетариата, необходимо уничтожить систему капиталистической эксплуатации. Кто в силах этот подвиг совершить? Большевистская партия. Когда мы поднимем рабочую революцию, свергнем царя, капиталистов, помещиков, тогда построим новое социалистическое общество. Цель социализма — благо народа, а значит, коренное улучшение здоровья народа. Социализм — это здоровье.

— Задумаешься, шибко задумаешься,— рассуждал после лекции Догадов.— Какого вопроса ни коснись, все к политике клонит. Здоровье? На что вроде не политический вопрос, а на поверку партийная важная цель. За социализм боремся, значит, за жизнь трудового народа, за детей рабочего класса, как наш доктор Александров сказал.

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Пройдет семь лет, и «наш доктор Александров» станет первым наркомом единственного в мире Народного Комиссариата здравоохранения, созданного Советской властью, и имя Николая Александровича Семашко будет всему народу известно и дорого.

11

Эту ночь Чугурин спал неспокойно. То подушка нагреется так, что только и знай переворачивай на другую сторону. То привяжется комаришка, ноет и ноет над ухом, беда — не уснешь. А уж что делается на шоссе, уму непостижимо! Раньше Чугурин, едва голова на подушку — тотчас и уснул. А тут колеса повозок гремят не смолкая, грохочут прямо под окном. Непривычная бессонница напала в эту ночь на Чугурина.

Сегодня первые часы занятий — лекции Владимира Ильича по политэкономии. Обычно после уроков он задавал слушателям вопросы. Вечером слушатели должны их обдумать, а завтра отвечать.

— Товарищ Степан,— вызывал Владимир Ильич.

Товарищ Степан — это Иван Вонифантьевич Присягин, москвич, рабочий, активный большевик, даже редактор нелегальной газеты.

— Товарищ Павел, Владимир, Петр...

Сегодня товарищ Петр, то есть Чугурин, помимо заданных всем вопросов, должен описать демонстрацию сормовских рабочих в 1902 году. Эта демонстрация стала особенно широко известна, когда Максим Горький изобразил ее в романе «Мать». Чугурин буквально трепетал от волнения, читая роман. Все верно, все так и было, как Максим Горький рассказывает. Только главному организатору стачки и первомайской демонстрации Петру Заломову писатель дал другое имя, назвал Павлом Власовым...

Чугурин слушал урок Владимира Ильича, но время от времени мысль о предстоящем своем выступлении вызывала в нем беспокойство, и он отводил глаза в сторону, на минуту как бы оглохнув. Удивительно! Владимир Ильич заметил, понял, Чугурин не шелохнулся, а Владимир Ильич понял.

— Товарищ Петр! Внимание. Мы на уроке. Придет ваша очередь, мы тоже внимательно будем вас слушать. Беспокоиться не о чем. Ведь вы расскажете нам о пережитом, что увидено своими глазами. Иногда ораторы волнуются от застенчивости — одолевайте застенчивость. Иногда из тщеславия: понравлюсь ли, похвалят ли? Не гонитесь за похвалами... Однако вернемся к теме урока. Мы рассмотрели закон капиталистического накопления. Капиталисты богатеют, а положение рабочих масс хуже и хуже. Эксплуатация, угнетение, плохое жилье, недоедание, бедность, болезни, высокая смертность — редко встретишь среди рабочих старика. Пролетариат нищает. Возмущение нищего пролетариата растет, а с ним растут его революционные силы. Революция неизбежна, гибель капитализма неизбежна — вот что доказывают нам марксистская наука и примеры жизни.

«Мой пример как раз и есть жизнь»,— подумал Чугурин.

Петра Заломова он знал с юных лет. Петр Заломов немного постарше, и работали они на фабрике в разных цехах, и жили в Слободе Сормово не рядом, но, еще незнакомый с Петром, Чугурин его приметил. Какой-то небудничный, непохожий на многих сверстников, рабочих парней. Не пьет, никто никогда не услышит от слесаря Петра Заломова грубое или бранное слово. Он нравился Ване Чугурину. Однажды Ваня догнал его утром по дороге на фабрику.

— Будем знакомы.

— Давай,— согласился Заломов. Через недолгое время они были уже не только знакомыми, а друзьями. Петр Заломов просвещенней, начитаннее и, главное, как смело судит об устройстве общества!

Раньше думалось Ване: рабочим везде худо, что в Сормовской Слободе, что в городе Нижнем, на том берегу Оки, что в белокаменной Москве, что в Петербурге, столице Российской империи. Двенадцать — четырнадцать часов каждодневно стой у станка до смертной усталости. Все тело болит, ноги еле держат, в ушах висит ругань мастеров, беспричинные штрафы, страх безработицы. Дома, в убогой хате, безрадостно, тоска гонит в кабак. Навек беспросветная жизнь.

— Никто рабочим не пожалует лучшую, самим добывать надобно,— сказал Заломов. И дал Ване листовку. С нее началось.

Листовка рассказывала о бедственном существовании рабочих. Это на своей шкуре известно. Чем же она окрылила Чугурина?

Будто осенним вечером в пасмурном небе разорвалась черная туча, раздвинулась в сторону, ушла, и во весь горизонт багряным цветом полыхнула заря. Так после той листовки запылало сердце Чугурина.

— Прочитай и передай другим,— велел Заломов.— Да осторожно. Шпики на фабрике по всем цехам рыщут.

За первой — вторая и третья, много листовок стало попадать в руки Чугурина. Все звали к борьбе, учили рабочих бороться. А после... возвращаясь однажды после работы домой, Петр Заломов сунул Чугурину в карман куртки газету под названием «Искра». «Из искры возгорится пламя». Само название будило смелость и мысль. Чугурин читал заметки, статьи, призывы «Искры». Дивился — будто о себе, своем житье-битье, своих бедах и думах читает.

И радовался: «Искра» вконец уверила — революция будет. Рабочий класс, довольно терпеть рабство, копи силы, набирайся знаний!..

Чугурин набирался знаний в революционном кружке. Распространял среди верных рабочих листовки и «Искру». Жизнь наполнилась важным смыслом. Появилась цель.

— Будто вихрем меня подхватило, и несло, и несло... Верно, Владимир Ильич, вы из политэкономии нам объяснили: возмущение нашего пролетариата растет, а с тем растут его, то есть наши, революционные силы.

Так на уроке Владимира Ильича рассказывал Чугурин о начале своего боевого пути.

Товарищи слушали, Чугурин ловил на себе ободряющий взгляд Владимира Ильича, и хотелось сильнее и ярче нарисовать картину стачки и первомайской демонстрации в Слободе Сормово. Будто сейчас, видит Чугурин толпы рабочих, собравшихся в то утро у ворот фабрики. В цеха не шли... В грозном молчании стояли, ожидая знака. Вышел из толпы Петр Заломов, вскинул Красное знамя. «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!»

Знак подан, толпа двинулась главной улицей

Сормова. Петр Заломов со знаменем впереди. Гремит песня:

Вставай, подымайся, рабочий народ,
Вставай на борьбу, люд голодный...

. Демонстрация растет, ширится, заливая улицу, как Волга и Ока, обнимающие с двух сторон Сормовскую Слободу, заливают берега в половодье. Из домов высыпали на улицу женщины, дети. Люди шагали за песней и знаменем, опьяненные чувством своей смелости.

— Будто от больного сна пробудились, то думали, нет нам просвета, а тут почуял рабочий класс силу. Так и Вы, Владимир Ильич, в «Искре» писали.

— Демонстрация шествует, неслыханные революционные песни несутся над Сормовом, поднимают народ. Знамя впереди плещется на ветру, ведет людей. Мастеров и хозяев не видно. Рабочий класс шествует. Вдруг... поперек улицы встала стена. Солдаты, плечо к плечу. Целое войско против нас начальство выставило. Винтовки наперевес, ощерились штыками. Загородили дорогу.

Чугурин замолчал.

— Говори,— нетерпеливо торопил кто-то из слушателей.

— Вашу «Искру», в которой писалось о демонстрации, Владимир Ильич, я тогда только добыл, как отсидел срок в тюрьме. Изрядно похватали жандармы, а не всех... Нас много, всех не переловишь. Остались товарищи, «Искру» читали, речи на суде Петра Заломова и других там напечатаны. Что герои геройски себя на суде повели, не отступили, не сдались, рассказано в «Искре». Поднимает к борьбе за свободу рабочих Ваша «Искра», Владимир Ильич.

— Наша рабочая «Искра»,— мягко поправил Ленин. Волнение Чугурина его заразило. Чугурин вызывал в нем интерес и симпатию. Бесхитростный, прямой. Товарищи его уважают.

— Развитой рабочий, как жадно тянется к знаниям,— скажет Надя. И добавит:— Нервняга большой.

Владимир Ильич спорит:— Нервняга? Нет. Впечатлительный, чувствует сильно. Ты заметила, дети к нему льнут, любит детей, а ведь совсем еще молод. Золотая черта в человеке — любовь к детям.

Надежда Константиновна нередко присутствовала на занятиях Владимира Ильича, была и сегодня.

«Володя не только политик, философ, к тому же и педагог замечательный,— думала она.— Понятно объяснил рабочим закон политэкономии, другой считал бы и довольно. Ан нет, он живые иллюстрации ищет, чтобы каждый и умом, и сердцем постигнул и свой опыт заново пережил. Тогда и теория крепко врежется в память».

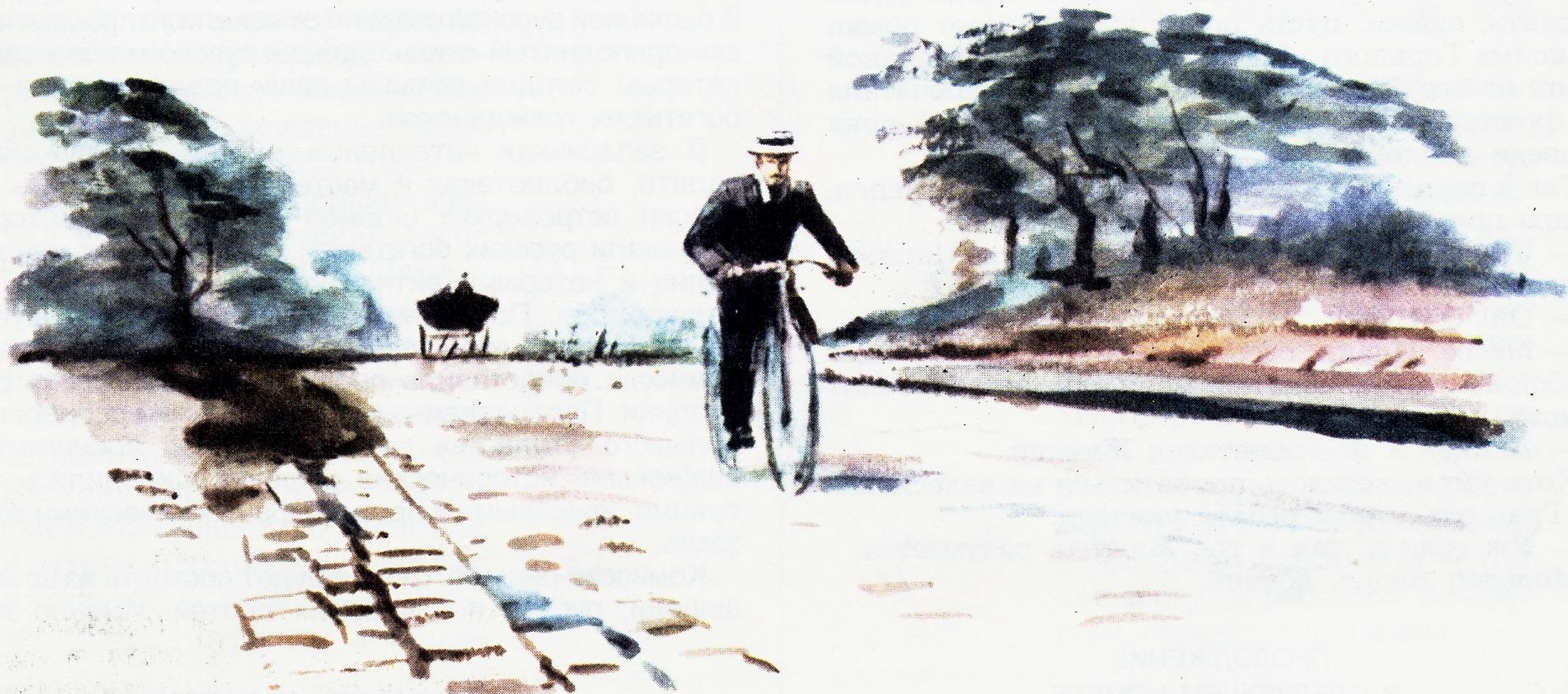
Вспомнились Надежде Константиновне дни, месяцы, годы обдумывания «Искры». Бездна изобретательности, ума и души отдана Владимиром Ильичем на создание необходимейшей для партии, для рабочего класса, для будущей революции газеты. Найти товарищей, авторов, распространителей «Искры». Где выпускать газету? Дома нельзя. Против царя, против помещиков и капиталистов? Разве можно! С первым же номером схватят жандармы.

И за границей опасно. Вспомнился Лондон 1902 года. Туда пришлось перекочевать редакции «Искры» из Мюнхена. Российская разведка пронюхала — в Мюнхене издается революционная газета, поднимающая рабочих на восстание против царского строя. Стало опасно, не нынче — завтра нагрянут жандармы. Пришлось искать новый адрес. Лондонские революционеры, социал-демократы, подыскали «Искре» приют. Печатание продолжалось. Из разных городов России шли в «Искру» вести о бедственном положении рабочих, нарастании буйной рабочей борьбы. Пришла весть о Сормове. Как гордился Владимир Ильич и уважал сормовичей, поднявших Красное знамя, объявивших самодержавию бой! Все годы в изгнании, в чужих странах, Владимир Ильич скучал о Волге. Хранил светлую память о детстве в Симбирске. Там началась его Родина.

«Говорят, тесен мир,— размышляла Надежда Константиновна.— Тесен или нет, а знали мы, что верный революционер Чугурин, но что с Петром Заломовым дружил, на Сормовской демонстрации рядом шел, перед солдатскими штыками не дрогнул, это лишь нынче узналось».

— Итак, подводим итоги,— закончил урок Владимир Ильич.— Рассказ товарища Петра подтвердил закон, открытый марксистской политэкономией:

По шоссе из Парижа катил на велосипеде довольно молодой человек...

капитал богатеет, пролетариат все бедней и бесправней, революционные силы пролетариата растут. Задаю вопросы к завтрашнему дню...

В разгаре чугуринской речи к наружной стороне застекленной стены русской школы прильнула физиономия любознательного Жюстена. Приплюснув нос к стеклу, он наблюдал и слушал бы — дверь в класс, как обычно, открыта,— если бы достаточно усвоил русский язык. Увы! Как ни старались Андрэ и Стрекоза, успехи его в русском были не столь велики, чтобы понять хоть что-то из рассказа Чугурина. Он видел его возбужденное, счастливое лицо, видел добрый взгляд Владимира Ильича, обращенный к Чугурину, распахнутые в любопытстве и восхищении голубые глазенки Андрэ и завидовал этим людям, которые так дружно и согласно живут, какой-то особенной жизнью живут.

После урока слушатели окружили Владимира Ильича. Как всегда, было о чем потолковать, поделиться мыслями. Или позвать: «Вечером сходим на Иветту, посидим на бережку, как дома, споем наши, русские песни, а, Владимир Ильич?»

Владимир Ильич заметил: Андрюша Арманд с доверчивой лаской прильнул к Чугурину, тот обнял его за плечо. «Как славно»,— подумал Владимир Ильич.

Они вышли из класса вместе, Чугурин с Андрюшей. Жюстен ждал во дворе.

— Иван Дми... то есть, извините, товарищ Петр,— сказал Андрюша, увидев Жюстена,— этот мальчишка, мой французский товарищ, непременно спросит, о чем Вы рассказывали. Нельзя открыть про Сормовскую демонстрацию и листовки или можно?

— Нельзя. Мы здесь школьными учителями значимся, педагогикой и повышением образования заняты. Рассказ о рабочей забастовке к нашей теме вроде не очень подходит. Подозрения не вызвать бы.

— Как же быть? Жюстен не отстанет, такой любопытный, ни за что не отстанет!

— Гм, да. Сообразить надо, гм. Объясни, что ответишь перед нашим отъездом из Лонжюмо.

— А что тогда отвечать?

— Там подумаем. Сейчас заинтригуй. Нагороди таинственности.

— А тогда? Значит, врать?

— Врать не будем. Слушай, идея! Когда будем уезжать, скажи, пусть после нас почитает роман Максима Горького «Мать». В этой замечательной книге на все вопросы ответ. Она у них напечатана по-французски. Объясни своему Жюстену. А пока проведи дипломатию.

Так и решили. Жюстен и вопроса задать не успел, Андрэ прямо-таки оглушил его новостью:

— У месье Ильина велосипед, привез из Парижа, представляешь!

— Ой! Ой! Ой!

— Месье Ильин обещал, вот только выпадет свободный часок, покатает меня или даже позволит самому покататься.

— А мне? А я?— заметался Жюстен.

Хоть умри, хотелось прокатиться на велосипеде по Гран-рю, чтобы ребята увидели.

— Уж если я, так и ты, Жюстен, разумеется.

Молодец Андрэ, ловкий.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

23 ФЕВРАЛЯ —
ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ
И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

КОСТЮМ ДЛЯ БОГАТЫРЕЙ

Этим летом в городском саду я разговорился с мальчишкой, который выделялся среди товарищей своим боевым видом. Сережа не знал, что на боку у него висит не сабля, а палаш. И что размахивает он не пистолетом, а револьвером. Но свой головной убор он уверенно и просто назвал буденовкой.

Сколько десятилетий прошло с той поры, как не носят наши воины эти островерхие шлемы; не раз и не два менялась форма Советской Армии. Но даже дети хорошо представляют сегодня, как именно были одеты витязи гражданской войны. Однако немного знают они о том, как и когда родилась эта замечательная одежда.

Создавалась Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Ее бойцам нужна новая военная форма. И вот весной 1918 года специальная комиссия объявила конкурс на лучший образец формы. Условия: спортивность, легкость одежды, ее удобство для боя и работы, демократичность.

Художники горячо откликнулись на этот призыв. Шла гражданская война, схватка нового мира со старым. Бойцы революции — рабочие и крестьяне — проявляли небывалый героизм, готовность умереть за власть Советов. Это была героическая эпоха. И от художников костюма она требовала создания героического образа солдата.

Участвовали в конкурсе такие знаменитые живописцы, как В. Васнецов и Б. Кустодиев. Современники Великого Октября, они остро ощущали связь времен. В былинной русской старине отыскали тот романтически-приподнятый стиль одежды русского воинства, с которым сегодня связаны наши представления и о богатырях гражданской.

В запасниках нетопленых музеев, в Оружейной палате, библиотеках и мастерских создавались наброски островерхих шлемов — тех самых, которые защищали русских богатырей от вражеских мечей и палиц и которыми витязи не раз черпали воду из великих рек. Появлялись рисунки кафтанов, рубах, обуви. И когда год восемнадцатый подошел к концу, комиссия представила проекты Реввоенсовету республики. Прославленные военачальники собрались у большого стола, за которым не раз принимались важнейшие исторические решения, склонились над яркими, красивыми и немного фантастическими эскизами.

Комиссия решила: форма будет состоять из шлема, шинели, рубахи и... кожаных лаптей. Именно лап-

Окончание на последней обложке.

«Беспрестанно гудят паровозы. Уходят длинные эшелоны. Это ваши отцы, братья, родные, знакомые идут на фронт — туда, где отважная Красная Армия ведет с врагами бой, равного которому еще никогда на свете не было.

По ночам, отражая нападения вражеских самолетов на наши города и села, ослепительно вспыхивают огни прожекторов, грозно грохочут орудия наших зенитчиков.

Утром вы слышите слова военной команды, мерный топот. Это мимо окон вашей школы проходят батальоны народного ополчения.

Но так же, как всегда, ни днем, ни часом позже первого сентября вы начинаете свою школьную учебу.

В добрый путь!»

Эти слова замечательного писателя Аркадия Петровича Гайдара прозвучали в радиопередаче «Пионерская зорька» 1 сентября грозного 41-го года. Свое выступление он закончил словами:

«Страна о вас всегда заботилась, она вас воспитывала, учила, ласкала и частенько даже баловала.

Пришло время и вам — не словами, а делом — показать, как вы ее цените, бережете и любите».

Миллионы ребят в красных галстуках слышали голос Гайдара. Повсюду стали создаваться тимуровские команды. А живой голос писателя донесла до ребят и сохранила для истории радиогазета «Пионерская зорька», день рождения которой — 17 апреля 1925 года.

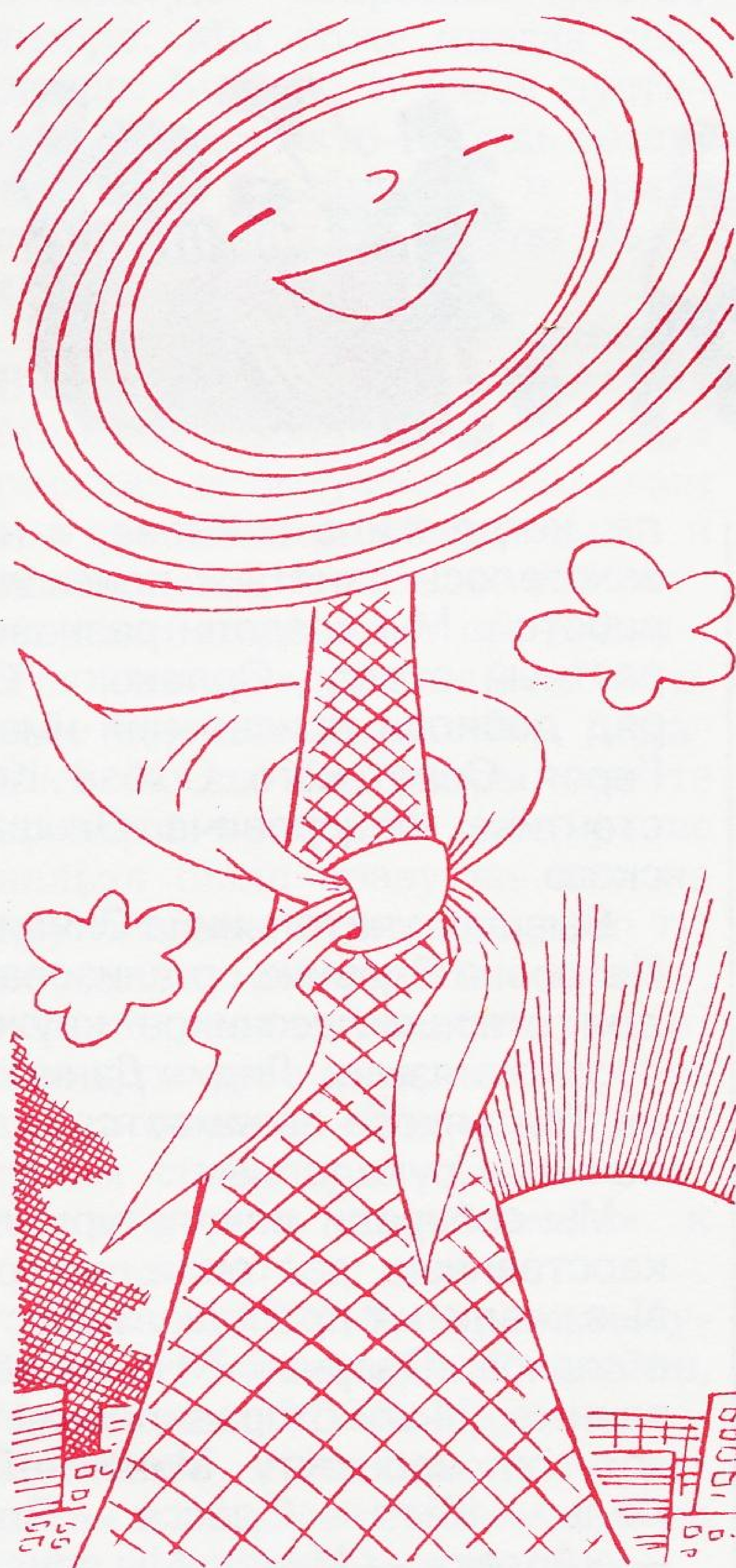
По «Пионерской зорьке» звучал в 1935 году бойкий голос таджикской пионерки Мамлакат Нахангowой, первой из пионеров награжденной орденом Ленина.

По «Пионерской зорьке» выступали прославленный летчик Валерий Чкалов, герои челюскинской эпопеи, покорители Арктики, стахановцы первых пятилеток. Ребята слышали голос первого летчика-

Малая Пионерская Энциклопедия

Радиогазета

космонавта Земли Юрия Алексеевича Гагарина и его звездных братьев и сестер. «Пионерская зорька» бывала в гостях у строителей БАМа и «Атоммаша», на многих ударных комсомольских стройках. Авторы «Зорьки» — ветераны партии и ученые, писатели и композиторы, хлеборобы и сталевары. И ни один выпуск пионерской радиогазеты не обходится без голоса самих пионеров. У «Зорьки» — сотни корреспондентских пунктов, тысячи юных корреспондентов во всех уголках страны. Их рассказы — о поиске неизвестных героев, о трудовых десантах, о дружбе с октябрятами. «Зорька» проводит с юными радиослушателями диспуты о дружбе мальчиков и девочек, о том, кого можно считать активистом, что такое мужество.

Вышла в издательстве «Молодая гвардия» или в «Детской литературе» новая интересная книжка — и «Зорька» передает или отрывок из нее, или небольшую рецензию о новой книжке.

Написал композитор новую пионерскую песню — и она вскоре звучит в «Пионерской зорьке».

Два раза в неделю выходит газета «Пионерская правда». И два раза в неделю «Зорька» дает обзоры этой газеты, отмечает самое интересное, что публикуется в ней.

«Пионерская зорька» проводит среди радиослушателей самые разнообразные конкурсы, в том числе по русскому языку, викторины. «Зорька» организовала спортивные состязания юных конькобежцев «Серебряные коньки». В передачах «Зорьки» много интересных рассказов о жизни зарубежных пионеров, о важных событиях в нашей стране и на всей планете.

Есть у «Зорьки» одна особая передача: она звучит второго октября, в день старта пионерских дружин и отрядов на новые дела во имя Родины. В этот день «Зорька» передает Всесоюзную радиолинейку.

Тысячи писем идут по простому адресу: «Москва, Радио, «Пионерская зорька». По самым интересным адресам разъезжаются радиожурналисты, чтобы потом в репортажах и интервью рассказать о том, как живут и работают пионерские отряды и дружины.

Всесоюзный пионерский сбор-поиск «ВЕРНОСТЬ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ»

В пионеры меня приняли в апреле 1966 года в клубе имени Лобкова. Было очень торжественно. Присутствовало много ребят, не только из нашей школы № 13, но и из других дружин района. Ветераны войны и труда повязали нам красные галстуки. Бывшие пионеры-тимуровцы нашей улицы помогли и нам, девчонкам и мальчишкам дома № 13 по улице Серова, организовать штаб Тимура.

Дом наш построен буквой «П». Посредине двора была большая площадка. Пенсионеры нашего дома, тоже бывшие пионеры, подняли нас на то, чтобы превратить эту площадку в сад. Вместе мы убрали ненужный хлам, посадили деревья, разбили цветники, устроили игровые площадки.

В том помещении, где сейчас клуб «Гренада», Нина Ивановна Пахотина, человек увлеченный и жизнерадостный, устроила для нас группу продленного дня. Мы там готовили уроки, а в свободное время выжигали по дереву, делали мягкие игрушки, аппликации. Все вместе мы учились кататься на коньках, на лыжах, ходили в музей и в походы. Был у нас позже свой кукольный театр, для которого мы сами делали куклы, а потом и теневой театр, для которого мы тоже научились делать фигурки. Со спектаклями мы выступали в детских садах. К нам во двор посмотреть на наши выступления приходили ребята чуть ли не со всего города.

Так постепенно мы почувствовали себя пионерским отрядом. И отряд нашего двора стал бороться за право носить имя героя-земляка. Мы писали в разные места, собирали материал о жизни и подвиге Героя Советского Союза Николая Бенеша. И завоевали, наконец, право носить его имя. Группа продленного дня стала нашим дворовым клубом «Гренада». С благодарностью мы все вспоминаем наше пионерское детство. С благодарностью думаем о ветеранах нашего двора, которые щедро делились с нами своими пионерскими умениями и навыками, учили многое делать своими руками, не бояться трудностей. А главное — они передавали нам свою активную жизненную позицию.

Теперь, когда я окончила уже институт, работаю в конструкторском бюро и воспитываю троих детей, я все время думаю о том, как важно человеку еще в детстве избавиться от равнодушия к окружающим, почувствовать себя нужным людям. Теперь и я стараюсь помогать сегодняшним пионерам нашего двора, нашего клуба «Гренада», штабу Тимура.

Елена ВАЛЕНТОВА,
город Омск, улица Серова, 13.

ДЕЛО, КОТОРЫМ МОЖНО ГОРДИТЬСЯ

Мы живем в необычном дворе: по соседству находится республиканский интернат персональных пенсионеров. Ребята нашего двора встречаются с ветеранами, приглашают их на свои праздники. Ветераны тоже помогают нам. Вера Матвеевна Рогожникова увлекла нас рассказом об отряде красных следопытов, которым она руководила, когда жила в Киеве, и нам захотелось заняться поисковой работой. Мы создали разновозрастный отряд «Орленок». Отряд добился присвоения имени Героя Советского Союза Константина Федоровича Ольшанского.

Бывшая учительница Зинаида Петровна Вдовина организовала для старшеклассников кружок русского языка. Лидия Даниловна Третьякова занимается с девочками рукоделием.

Мы собирали макулатуру, лекарственные растения, не раз выезжали на прополку капусты в совхоз «Озерный». На заработанные деньги отправились в поход по маршруту Минск — Гомель — Киев — Одесса — Ялта — «Артек» — Минск. Мы искали Пелагею Ивановну Вишневскую, мать Героя Советского Союза Бориса Степановича Вишневского, который погиб под Николаевом. Она не знала, что за проявленные героизм и мужество ее сын награжден посмертно. В год сорокалетия Победы над фашистской Германией мы начали еще поиск: сбор материалов о шести белорусских женщинах, награжденных Международным обществом Красного Креста медалью «Флоренс Нойтингейл».

Если раньше мы не знали, чем заняться, то сейчас мы, наверное, самые непоседливые люди. Я считаю, что нам очень повезло со взрослыми друзьями.

Ирина ШУМЕЙКО,
комиссар разновозрастного отряда «Орленок»,
поселок Ждановичи,
Минский район.

СТОИТ ЛИ ССОРИТЬСЯ?

В пятом номере «Пионера» прошлого года Марина Богорадова рассказала, как поссорилась с давними своими подругами только из-за того, что отказалась пойти с ними гулять — не успела приготовить уроки. Девочки обиделись, и плохо стало всем — испортилась атмосфера в классе. «Как быть?» — спрашивает Марина. В ответ на ее вопрос пришло сразу несколько десятков писем. Некоторые из них мы опубликовали в № 12 «Пионера» за прошлый год. Но авторы писем захотели еще поговорить и о том, стоит ли ссориться.

Раиса ЖУНУСОВА, с/з «Авангард», Павлодарская область. Из-за пустяка, Марина, ссориться не стоило. Это похоже на то, как у Гоголя поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Можно спорить, не соглашаться, если есть серьезные разногласия. Например, ты не одобряешь своих подруг, когда на уме у них только «фирменные» вещи. Или твои подруги выдали тайну, которую ты им доверила. Ты могла бы сказать им что-то в осуждение. Но не ссориться. И не вовлекать в свою ссору других, не осложнять отношения в классе. Теперь, мне кажется, вам надо собраться вместе и поговорить по душам. А пока тебе одиноко, я готова стать твоей подругой. Мой адрес: Павлодарская область, Павлодарский район, с/з «Авангард», улица Новая, 88, Жунусовой Раисе.

Марина МЕЩЕРЯКОВА, поселок Октябрьский, Тбилисский район, Краснодарский край. Марина, я думаю, ты поступила правильно, что, не сделав уроки, не пошла гулять. Очень важно, чтобы ты сама для себя знала, что поступила правильно, даже если тебе не удастся это объяснить другим. Но ты все же попробуй. Очень трудно жить в классе, который раскололся.

Света КОРОТКОВА, село Александровское-Невка, Убинский район, Новосибирская область. Марина, а знают ли ребята, из-за чего вы поссорились с девочками? Неужели никто не видит, что девочки были не правы? Надо как можно скорее исправить ошибку, начать все сначала.

Залика АРАЗОВА, поселок Ю. Мамедалиева, Азербайджанская ССР. Марина, не отвечай грубостью на грубость, сохраняй спокойствие и будь с подругами вежлива. Тогда они скорее поймут, что не правы. Еще постарайся понять и их: может, ты правильные вещи сказала обидно? Без взаимоуважения и взаимопонимания не может быть дружбы. И еще я советую — сохраняй чувство юмора. Мы тоже иногда ссоримся. Бывает, и из-за пустяков. Но вдруг кто-нибудь пошутит, все улыбнутся, и сразу станет ясно, что глупо было ссориться.

Оля ФЕДОРОВА, поселок Валамаз, Удмуртская АССР. Марина, прочитала я твой рассказ и подумала: «Какими мы все бываем обидчивыми и мелочными, тем более это глупо в отношениях с друзьями». Что стоило девочкам помочь тебе сделать домашнее задание? И вы бы потом вместе провели вечер. А тебе разве нельзя было сразу же или на другой день объяснить, что ты не идешь с ними только потому, что не успела сделать уроки? Сказать девочкам, всем ребятам в классе: «Мы же друзья, зачем ссориться?» Нельзя самому терять дружелюбия к остальным, отделяться.

Валя ТИТОВА, деревня Кучеево, Марпосадский район, Чувашская АССР. Марина, может быть, в этой ссоре ты видишь только себя? Посмотри на себя со стороны, попробуй.

Наташа ОРЛОВА, поселок Ново-Вязники, Владимирская область. Вот когда причина настоящая, тогда надо отстаивать свою позицию. Особенно чтобы защитить слабого или сохранить нормальную обстановку в коллективе. Тогда можно и поссориться. Вернее, побороться за свое мнение. У нас одна девочка стала командовать всеми, настраивать всех друг против друга. Тут уж приходится вступать в бой.

Наташа АКИМОВА, село Тютнярь, Кузнецкий район, Пензенская область. У нас случилось так: я и мои подруги подготовили концерт и четыре раза выступили в клубе. Жители села с удовольствием приходят на эти выступления. Концерты им нравятся. Но тут кто-то заревновал, и стали распускать о нас сплетни. Но мы не стали выяснять отношения с теми, кто против нас злорадствует. Мы подумали: о нас скажет наше дело. А время рассудит.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ! Мы отобрали такие письма, в которых, на наш взгляд, были самые разумные высказывания. Добавлять к ним мы ничего не станем. Судить всегда легче, чем поступать. Поступать же по совету всю жизнь не станешь. Приходится думать самому, искать свою форму отношений с друзьями, со всеми, с кем сталкивает жизнь. Какую бы ни определил каждый для себя позицию в отношениях с людьми, ясно одно — она не должна быть мелочной. Пусть каждый сохраняет чувство достоинства и не оскорбляет достоинства других.

ЕСЛИ И ТЫ ЗАХОЧЕШЬ ПРОДОЛЖИТЬ ЭТОТ РАЗГОВОР, пиши нам. МАЛЬЧИКИ, разве у вас нет своего мнения, своей позиции? Ждем и ваших писем.

101459, ГСП, Москва
Бумажный проезд, 14, 11 этаж
«отряд говорит с отрядом»

Алексей ВОРОБЬЕВ

... И УСЛЫШИШЬ ТЫ ТРУБЫ ПОБЕДЫ

Среди ночи она очнулась. Показалось, что из темных углов ползут неясные звуки. Мыши? Да нет, им просто нечего делать здесь, нечем кормиться в этой страшной холодной камере. Но что же тогда?

Тереза приподняла тяжелую, будто свинцом налитую голову, прислушалась. Тихо... Откинулась на жесткие доски, закрыла глаза. Снова зазвенело в ушах, снова поползли из углов шорохи. Слова... Это же слова! Такие знакомые...

Синим туманом подернулись очи,
Сердце стучит, как тяжелый набат.
Топчет палач твою грудь среди ночи.
Кто ты? — Твой брат...[1]

Когда вторая мировая война пришла на польскую землю, варшавской школьнице Терезе Богуславской было десять лет.

Необъятное горе навалилось на весь народ — в Варшаву потянулись санитарные поезда с ранеными.

В одном из военных госпиталей работала мать Терезы. Когда она дежурила, Тереза приходила ей помогать. Она читала бойцам фронтовые сводки, помогала писать письма домой, кормила тяжелораненых. Не так уж много сил было у Терезы, но тратила она их щедро, тоже по-своему защищала родной город.

Стоял сентябрь 1939 года, теплый, в разноцветных осенних красках. Гитлеровские войска все быстрее катились к Варшаве. То было время растущей скорби и последних робких надежд.

Краски сентября потускнели быстро. Пришли дожди, а с ними — серые, хмурые дни фашистской оккупации.

Польская армия была разбита, но народ не прекратил борьбы, ее возглавили коммунисты. В подполье создавались диверсионные группы, накапливались силы для отпора врагу. Патриоты сопротивлялись «новому порядку», какой принесли

[1] Здесь и дальше перевод А. Воробьева.

на польскую землю захватчики. Вместе со взрослыми в этой борьбе плечом к плечу стояли харцеры.

Для борьбы необходимо оружие. Мальчишки лазили по развалинам домов, по окраинам города, искали пистолеты и винтовки.

Из уст в уста передавали в те дни рассказ о подвиге харцера Веслава Петрыковского, по кличке «Орлик».

Как-то на улице порыв ветра распахнул куртку Веслава. Проходивший мимо немецкий жандарм увидел у него за поясом рукоятку пистолета. Орлик успел выхватить оружие первым. Выстрелом в упор он сразил гитлеровца. Но уйти от погони не сумел. На чердаке старого дома он долго отстреливался от гестаповцев, а когда кончились патроны и последняя пустая гильза зазвенела по полу, Орлик бросился из окна на мостовую. Он погиб, но не сдался врагу.

Многие харцеры знали о подвиге Орлика, хотели походить на юного героя. Мальчишки каждый день стреляли, чтобы метко, как Орлик, поражать врага. Девчонки... Девчонки тоже боролись с фашистами.

В школе, где училась Тереза Богуславская, девчонки создали фонд помощи жертвам гитлеровского террора. Собирали по домам продукты, лекарства, одежду для семей тех, кто был арестован и замучен в тюремных застенках. Поддерживали у людей веру в то, что они не одиноки в своем горе, что близится час возмездия оккупантам, веру, которую так упорно старались сломить фашисты.

Девчонки рисковали не меньше тех ребят, что ходили по Варшаве с пистолетами.

17 октября 1943 года на улице Пенькной (Красивой) против школы, где училась Тереза, остановились крытые фургоны. Фашисты прикладами вытолкнули из них арестованных по подозрению гестапо жителей Варшавы. Раздалась команда. Оглушительно громыхнули выстрелы... Это была одна из публичных казней, которыми оккупанты старались запугать варшавян.

Девчонки смотрели на казнь из окон школы и не могли удержаться от рыданий. А через несколько дней Тереза принесла в школу свои стихи. Они назывались: «17 октября 1943 года». Каждая строчка отзывалась болью и гневом, призывала к борьбе. Кто-то из подруг по дороге в школу оставил на месте казни букет цветов, а потом еще, еще. Снова и снова появлялись цветы у стены, где фашисты расстреляли безоружных людей. И оккупанты не могли этому помешать.

Тереза бродила по тихим улочкам старой Варшавы, и стихи складывались сами собой: о мужестве солдат и терпении матерей, о страданиях и надеждах стариков и детей, о городе, который ждет освободителей. Потом девочка записывала строчки, и у тех, кто читал эти стихи, как будто прибавлялось силы жить и бороться. Тереза нашла свое оружие...

Подруги видели, что вести о новых казнях глубоко потрясают юного поэта, что Тереза рвется в бой с врагом. Они старались убедить ее, что для открытого боя силы пока неравны. Но уберечь Терезу не удалось.

В одном из самых красивых мест города, в аллеях Иерусалимских, гестаповцы схватили Терезу в тот момент, когда она наклеивала на стену листовку со своими стихами. Ее бросили в страшную тюрьму Павияк, где были замучены тысячи патриотов. «Кто послал? Сколько вас? Назови адреса...» Фашисты били ее ногами и прикладами винтовок. Но девочка молчала.

Черны тюремные своды...
Рвется твой вздох из разбитой груди.
И быстрокрылою птицей свободы,
Светлой мечтой сквозь решетки летит...

Эти стихи, сочиненные в тюрьме, она нашептывала, когда было особенно тяжело. Стихи согревали, помогали собрать всю волю в кулак, чтобы выдержать пытки.

...Ничего не добившись, ее выпустили из Павияка. Гестаповцы посчитали, что больше нечего опасаться упрямой девчонки: в тюрьме у нее развился туберкулез, и сражаться она уже не сможет. Но гестаповцы ошиблись.

В августе 1944 года в Варшаве вспыхнуло восстание. Сотни харцеров вслед за своими старшими товарищами-подпольщиками вышли на улицы с оружием в руках.

Это были самые счастливые дни для Терезы Богуславской. Но это были и ее последние дни...

Как-то в перерыве между боями она открыла тетрадь со стихами. Тонкие, слабые пальцы едва держали карандаш.

Верь: врагов одолеешь, отступят все беды.
Закалишься в огне и в сраженье кровавом.
День придет — и услышишь ты трубы победы.
Становлюсь пред тобой на колени, Варшава!..

Она писала, а на соседних улицах грохотали тяжелые орудия фашистов, на освобожденные повстанцами кварталы пикировали бомбардировщики со свастикой на крыльях. Она писала и прощалась с родным городом, ибо силы покидали ее...

Терезу Богуславскую похоронили на Воинском кладбище Варшавы, которую освободили советские войска. Там, где лежат патриоты, погибшие с оружием в руках.

НА ТВОЮ КНИЖНУЮ ПОЛКУ

Помни их имена

Знаете ли вы, ребята, о подвиге югославского мальчика Слободана Андуновича? Когда фашисты оккупировали Белград, Слободан создал из своих одноклассников-гимназистов группу помощи партизанам. Однажды они обнаружили склад оружия и тайно вывезли оттуда много винтовок и патронов. А потом, рискуя жизнью, переправили это оружие в горы партизанам.

Слободана схватили фашисты. Его пытали, но он не выдал товарищей. Фашисты каз-

нили героя. Ему было четырнадцать лет, когда оборвалась его жизнь...

А вот еще имена. Юная партизанская санитарка Лепа Радич погибла от рук фашистов в пятнадцать лет. Юный партизан болгарин Иван Криваралчев замучен фашистами в марте 1944 года. Никарагуанец Луис Флорес в восемь лет стал членом подпольной группы, борющейся против режима диктатора Сомосы. В девять лет он был убит реакционерами... О подвигах этих и многих других юных героев-антифашистов рассказывает книга **«Помни их имена»**, выпущенная в издательстве **«Молодая гвардия»**.

В конце книги ее авторы, писатели и журналисты, обращаясь к вам, юным читателям, пишут:

«Не заканчивается летопись героических дел ваших зарубежных сверстников. И сегодня они в гуще политических событий. Их бросают в тюрьмы, подвергают пыткам, но они не сдаются, ряды их множатся. Будьте же солидарны с юными патриотами, чьи горячие сердца протестуют против сил зла! Боритесь вместе с ними за главное право детей — жить в мире!»

С. БЕДЕНКО

Ал. ЯКОВЛЕВ

Много воды утекло в Эльбе

6 октября 1964 года за активное участие в антифашистской борьбе, героизм и мужество немецкому гражданину Фрицу Шменкелю было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Пионеры из школы селения Крейниц, что раскинулось на берегу Эльбы надалеко от города Риза (округ Дрезден), создали кружок юных историков. Кружковцы собирали сведения о немецких героях-антифашистах. Ко-

В апреле 1945 года близ селения Крейниц встретились советские и американские войска. На снимке один из монументов в память о том далеком событии.

Члены кружка юных историков школы имени Героя Советского Союза Фрица Шменкеля.

Фотографии бывшего военного фотокорреспондента «Правды» А. УСТИНОВА.

нечно же, такая весть не могла оставить их равнодушными.

Полетели письма в разные уголки ГДР, где жил и работал Фриц Шменкель, в Калининскую и Смоленскую области, где он воевал.

...С тех пор много воды утекло в Эльбе. Пионерам крейницкой школы удалось воссоздать биографию Фрица Шменкеля, разыскать людей, знавших героя-антифашиста.

Фриц Шменкель родился 14 февраля 1916 года в семье коммуниста в городке Варзове. В декабре 1938 года его призвали в гитлеровскую армию. Фриц выступал против фашистских порядков в армии и вскоре оказался в тюрьме. Когда Гитлер напал на Советский Союз, Шменкелю милостиво разрешили «искупить вину перед фатерляндом». Его направили на Восточный фронт.

Но Шменкель и не думал воевать за Гитлера. Он уходит к партизанам и храбро сражается против фашистов. Весной 1943 года он получил советскую боевую награду — орден Красного Знамени.

Фриц Шменкель погиб в феврале 1944 года.

Его имя носит теперь школа в Крейнице. В школе есть музей героя-антифашиста. В нем собраны десятки фотографий, документов, воспоминаний очевидцев, рассказывающих о боевой жизни замечательного немецкого патриота.

Музей Фрица Шменкеля стал священным местом в школе. Здесь проходят пионерские сборы дружины. Юным тельмановцам повязывают здесь пионерские галстуки. На пионерские праздники в гости к ребятам приезжали Эрна Шменкель, жена героя, и его дети.

Юные историки школы Крейница продолжают поиски материалов, связанных с именем героя. Так они узнали, что в школе № 40 города Харькова есть пионерский отряд имени Шменкеля и КИД, которые собирают сведения о Шменкеле. Руководит КИДом учительница-пенсионерка Галина Кузьминична Шкурко.

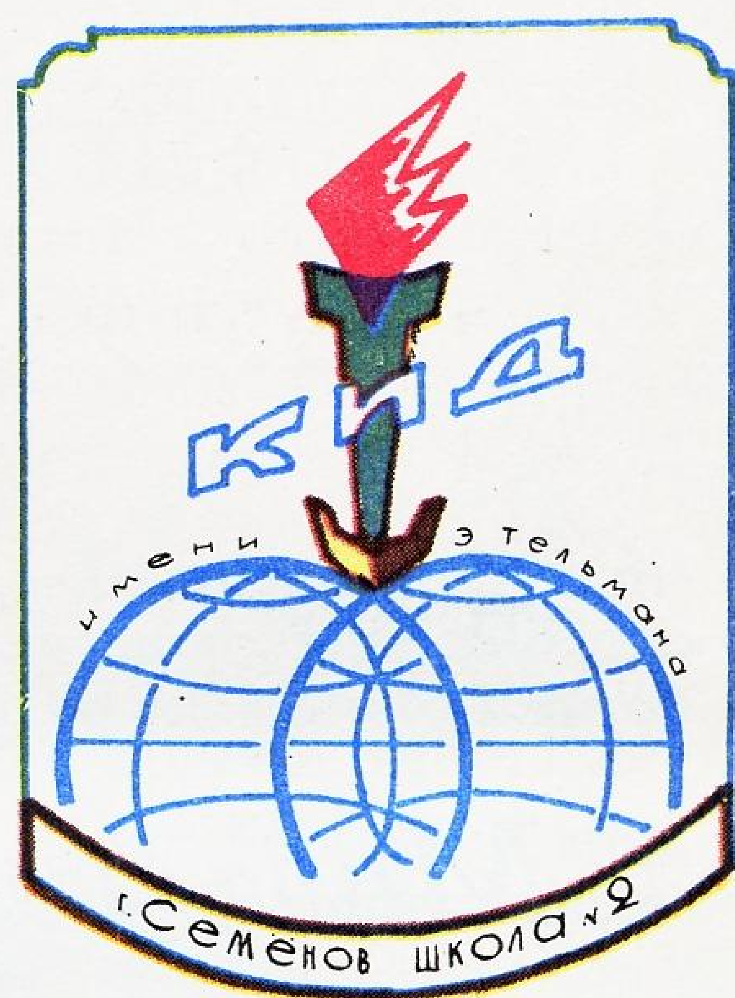
Пионеры-тельмановцы завязали с кидовцами Харькова переписку.

Поисковая работа юных историков Крейница стала частью экспедиции пионеров-тельмановцев «Моя родина — ГДР».

От редакции: Пионерские отряды и КИДы, желающие переписываться с немецкими пионерами, могут написать им по адресу:

Fritz-Schmenkel-Oberschule
DDR-8401-Kreinitz

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

В декабре 1981 года редакция объявила смотр эмблем и девизов клубов интернациональной дружбы, работающих при школах, дворцах и домах пионеров и школьников, по месту жительства. Мы получили сотни откликов. В № 7 за 1982 год и в № 5 за 1983 год были подведены промежуточные итоги смотра. Сегодня мы подводим окончательные итоги. Вот эмблемы, отмеченные грамотами «Пионера» как наиболее интересные:

КИД школы № 164 города Баку;

КИД имени Э. Тельмана средней школы № 2 города Семенова Горьковской области;

КИД «Параллели» средней школы № 6 города Красноуральска;

КИД имени Г. Димитрова школы № 1 города Оренбурга.

Оригинальные эмблемы и девизы прислали КИДы: Дома пионеров поселка Октябрьский Тургайской области Казахской ССР; Дома пионеров села Выльгорт Сыктывдинского района Коми АССР; Дома пионеров поселка Маслянино Новосибирской области; средней школы № 43 города Андижана Узбекской ССР; Дворца пионеров города Ижевска; восьмилетней школы поселка Октябрьский Архангельской области.

«Пионер» благодарит всех кидовцев, участвовавших в нашем смотре, и желает вам, ребята, больших успехов в интернациональной работе, в подготовке к XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве.

НАВСТРЕЧУ

XII ВСЕМИРНОМУ

ЧАН ДАНГ КХОА

* * *

Хочет земля объяснить на словах
Нам что-то важное,
Но не умеет.
И раскрывается в сладких плодах
Тайна, которая в ней зеленеет.

Перевел Андрей Чернов.

ХО ХЫУ

Мальчишка

Когда я вернулся в Ханой,
Когда я вернулся домой,
На улице случайно
Встретились мы с тобой,

Маленький мальчишка,
Ладная фигурка,
Лихая походка,
Набекрень пилотка,
Винтовка в руках
И песенка на губах.

Когда я вернулся в Ханой,
Когда я вернулся домой:
— Здравствуйте,— сказал ты мне.
— Прощай,— сказал ты мне.—
Я теперь связной.
Я ухожу в бой.
Встретимся на войне!

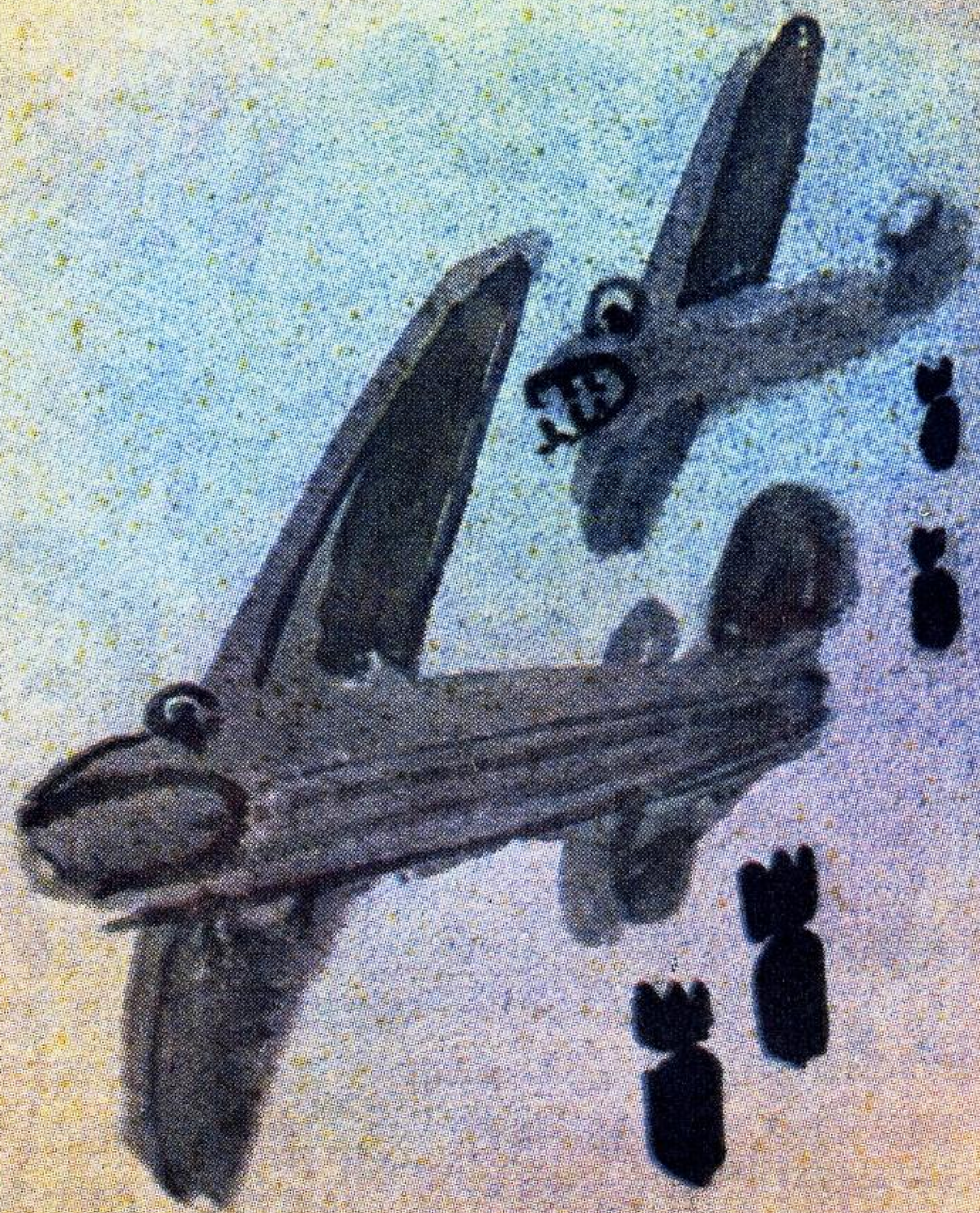
Ты засмеялся, Лыом,
Ты помахал рукой,
Ты исчез за углом,
Слившись с людской рекой,
Покинув родной кров,
Туда, где горел Юг,
Туда, где лилась кровь,
Ушел мой маленький друг.

Думаю об одном:
Где ты сейчас, Лыом?
Может быть, ты лежишь
В дальнем поле ничком.
Сладко дышит рис.
Пахнет молоком.
Эй, Лыом, отзовись.
Где ты сейчас, Лыом?

Твой затерялся след.
Даже письма нет.
Эй, мальчуган,
Ладная фигурка,
Лихая походка,
Набекрень пилотка,
Винтовка в руках
И песенка на губах!

Стихи вьетнамских поэтов

СУАН КУИНЬ

Где зимует жара

Куда уходит зной?
Он здесь, с тобою и со мной!

Гляди, как зноем дышит чай.
Не обварись-ка невзначай!
От чашки бабушкиной пар,
Ей кровь согреет терпкий жар.

И жаром светит апельсин,
Что в зиму на ветвях висит.
В нем бродит сладкий летний сок,
В нем солнца спрятался кусок.

В одежках прячется тепло
Дождям и холоду назло.
И греет взрослых и ребят
Все дни холодные подряд.

А ночью — как нам повезло! —
Под одеялом спит тепло.
Оно запряталось в вино.

И в сердце мамином оно.
Обнимет мама — и тотчас
Таким теплом овеет вас!

Перевела И. Токмакова.

Рисунок С. ОСТРОВА.

Детство счастливое, детство героическое

«Барабан бьет тревогу» — так называется книга, которую выпустило недавно издательство «Молодая гвардия». Автор ее журналист **Виктор Крючков.**

Эту книгу он посвятил юным борцам за мир, участникам XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Каждый год в «Артеке» на международную смену собираются юные посланцы со всех уголков планеты. Разное у них детство, разные судьбы. Голод, непосильный труд, раннее сиротство — удел ребят в тех странах, где правят военные хунты. Пули, бомбы и смерть подстерегают ребят в горячих точках планеты. Но детство всегда живет надеждой на счастливое будущее. Как символ счастья, радости, дружбы предстает перед нами пионерская республика «Артек» на берегу Черного моря.

Об артековцах, твоих зарубежных ровесниках, и об «Артеке» в их судьбе рассказывает автор в своей книге.

Ливанец Шади Абухабиб привез в «Артек» страшный сувенир — маленький зазубренный осколок бомбы. Бомбу сбросил на дом Шади в Бейруте израильский самолет. Осколком оконного стекла ранило бабушку, едва не погиб сам Шади.

А вот рассказ о юном киприоте Сотирисе Теохиридисе, о том, какие беды и страдания несет детям война.

В Декларации прав ребенка, принятой Организацией Объединенных Наций, сказано: «Человечество обязано давать ребенку лучшее, что оно имеет».

В нашей стране, во всех странах социалистического содружества все лучшее отдано детям. В книгу В. Крючкова вошли и очерки о счастливом детстве, о радости детского труда и творчества, радости светлой мечты.

«Кем ты мечтаешь стать, Янка?» — спросил автор пионерку из Чехословакии Янку Когутову. А Янка еще не выбрала себе профессию. Но, кем бы она ни захотела стать — учительницей, как ее любимая преподавательница по ботанике, инженером, как мама и папа, железнодорожником, как дедушка,— любая мечта Янки осуществится. В этом она убеждена. И пионер из Кампучии Кае Сован верит в свою мечту, в счастливое будущее, какое принесла на кампучийскую землю новая жизнь. Верит Кае: кампучийский народ никогда не позволит, чтобы в страну вернулись изуверы полпотовцы.

Книга В. Крючкова «Барабан бьет тревогу» будет полезна активистам клубов интернациональной дружбы, ребятам, принимающим участие в подготовке к XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве, всем юным книголюбам.

В. КОРОЛЬ

НАВСТРЕЧУ XII ВСЕМИРНОМУ

ОТ ФЕСТИВАЛЯ К ФЕСТИВАЛЮ

Берлин, 5—20 августа 1951 года, III Всемирный фестиваль молодежи и студентов

6 августа. Несмотря на запреты и препятствия полиции, молодежь Западной Германии продолжает прибывать в Берлин. 125 юношей и девушек из города Бремен остановили тормозным краном пассажирский поезд, курсирующий между Ульценом и Брауншвейгом, близ межзональной границы, и таким образом попали на территорию ГДР.

* * *

10 августа. На одном из крупнейших предприятий ГДР, металлургическом комбинате Геннигсдорф, состоялась международная встреча молодых горняков. На встрече присутствовали делегаты Шотландии, Италии, Швеции, Южной Африки, ГДР, Австралии и Западной Германии. По предложению итальянской делегации молодые горняки приняли резолюцию, в которой призвали горняков всех стран бороться за мир под лозунгом «Ни одной тонны угля, ни одной тонны руды для военных целей империалистов!».

* * *

12 августа. «Слово предоставляется делегату Бельгии Франсуа Бруэрсу»,— объявляет председатель. На трибуну поднимается худенький светловолосый подросток. На шее у него красный галстук, в руках — листок из блокнота. Чуть робея, мальчик начинает говорить. Да, он делегат бельгийской молодежи и сборщик подписей за Пакт Мира. Ему 12 лет. Где он собирает подписи? Да везде: на улице, на площадях, в школах.

«Мы, бельгийские братья, не хотим быть сиротами, не хотим, чтобы наши отцы гибли на войне,— заявляет мальчик, и голос его становится глуше и взрослее.— Поэтому я собираю подписи. И не только я — многие мои товарищи также ходят с подписными листами».

Собравшиеся дружно аплодируют юному пионеру, и в глазах их столько радости и гордости, как будто они хотят сказать: «И мы с тобой, Франсуа, и мы с тобой!»

* * *

Первая премия в конкурсе на лучшее стихотворение, поэму, новеллу, посвященные борьбе за мир, единодушно присуждена молодому греческому поэту Костасу Янопулосу за поэму «Последняя песня». Это замечательное произведение рассказывает о героической борьбе греческих патриотов за мир и свободу. Создано оно поэтом в ночь перед казнью. Костас Янопулос был казнен монархо-фашистскими палачами в 1948 году. Но поэма его вырвалась на свободу и сейчас, как и бессмертная книга Юлиуса Фучика, вдохновляет на подвиги миллионы борцов за мир во всем мире. Премия в 100 тысяч франков, присужденная за поэму, будет передана в фонд помощи молодым греческим патриотам, томящимся за колючей проволокой.

Ирина СТРЕЛКОВА

ПЕРВОЕ СРАЖЕНИЕ

Рисунки М. ПЕТРОВА.

Весной 1919 года на Восточном фронте Красная Армия, испытывая нехватку патронов и снарядов, отступала под напором отлично вооруженной, численно превосходящей армии Колчака. Белые захватили Уфу, за ней Стерлитамак, Белебей, Бугульму и рвались к Волге. Белогвардейские газеты обещали, что недели через две Колчак будет в Москве.

Владимир Ильич Ленин видел, что на востоке назревает чрезвычайная опасность. Надо напрячь все силы. Волга, Урал и Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны.

В Самаре[1] к командующему 4-й армией Фрунзе явился прямиком из Москвы сухощавый, подтянутый командир с лихо подкрученными усами.

— Вас направили учиться в Академию Генерального штаба. Почему вы решили оставить занятия? — строго допытывался командующий армией.— Скучна военная наука?

— С науками управимся потом,— отвечал командир, картинно опираясь на серебряный эфес сабли.— Сначала надо управиться с белыми. По моим расчетам, сейчас самое время готовиться к решительному наступлению.

— Что у вас за расчеты? — заинтересовался Фрунзе.

Командир усмехнулся в усы:

— Весной пахнет. Скоро начнется распутица, она Колчака придержит, особенно артиллерию. Тут можно и ударить под дых! — Командир размашисто повел рукой.

— Распутица? — переспросил командующий.— Местные жители уверяют, что она растянется не меньше как на месяц.

— Так точно! Месяц с гаком! — подтвердил командир и хитро прищурился.— А вы, стало быть, уже спрашивали?..

Этого командира звали Василием Ивановичем Чапаевым. Он прославился отвагой и военной смекалкой — потому его и послали учиться военным наукам. В Красной Армии тогда не хватало образованных военных специалистов. Смекалки достаточно, чтобы, допустим, командовать полком. Другое дело — руководить крупными соединениями, крупной военной операцией. Высшие командные посты в Красной Армии тогда занимали перешедшие на сторону революции офицеры бывшей царской армии.

Чапаев решил, что Фрунзе тоже из бывших офицеров. Выправка, четкая и сжатая речь, знание тонкостей службы, упор на железную дисциплину. «Военная косточка», может быть, даже генерал.

В тот же день командующий армией сказал начальнику штаба Федору Федоровичу Новицкому:

— Для будущего наступления нам нужны такие командиры, как Чапаев. Полагаю, он способен командовать дивизией. Инициативен, смел, разбирается в тактике. Пишите приказ о назначении Чапаева начальником 25-й дивизии. И дадим ему Иваново-Вознесенский особый коммунистический полк.

О будущем наступлении командующий 4-й армией говорил пока только со своим начальником штаба.

— Нашлись кабинетные стратеги, которые считают, что мы должны отступить за Волгу, она станет нашей линией обороны. А как нам ее потом форсировать? Колчака надо бить на левом берегу. Надо нанести ему решительный контрудар, нацелившись с юга. Отсюда, где стоит наша 4-я армия.

— Сил одной армии мало,— возражал Новицкий.

— Разумеется, мало,— продолжал Фрунзе.— Надо объединить все четыре армии, все южное крыло Восточного фронта.

— Но даже если и так...— Новицкий, глядя на карту Заволжья, качал головой.— Вы вложите все силы в контрудар, а тем временем Колчак захватит Уральск, Оренбург.

— Уральск и Оренбург продержатся! — уверенно сказал Фрунзе.— Это рабочие города, с большими революционными традициями. Это крепости, которыми Колчаку не овладеть.

— Допустим...— задумчиво произнес осторожный Новицкий.— Но для успешного наступления необходимо иметь в тылу крупный резерв, необходима, следовательно, длительная подготовка.

— Резерв, разумеется, необходим. Но длительная подготовка — нет! — решительно заявил Фрунзе.— Мощный, внезапный удар должен быть нанесен как можно скорее... План рискованный, но в нынешних обстоятельствах единственно возможный.

[1] Ныне г. Куйбышев.

— Единственно возможный, — согласился Новицкий.— И вы, я вижу, готовы представить свой план командованию фронта. Все возражения, которые должны сделать опытные штабисты, я, кажется, уже сделал...

Федор Федорович Новицкий надел военный мундир еще мальчиком. Кадетский корпус, военное училище, годы службы царю и отечеству, война с Германией, открывшая генералу Новицкому всю гниль и фальшь царского строя. И счастливый день после революции, когда солдаты избрали Новицкого командиром корпуса. Избрали! Доверяют! Это его потрясло.

В Иваново-Вознесенске Федор Федорович Новицкий формировал полки, идущие сражаться за Советскую власть. На юг — против Деникина. На запад — против Юденича. На восток — против Колчака.

Однажды в его кабинет вошел председатель Иваново-Вознесенского губисполкома Михаил Васильевич Михайлов-Фрунзе, товарищ Арсений по старой подпольной кличке, известной всему Иваново-Вознесенску и окрестным городам.

— Я новый военный комиссар,— представился Михайлов-Фрунзе.— Продолжайте вашу работу. Я постараюсь быстрее войти в курс дела.

К удивлению Новицкого, Михайлов-Фрунзе неплохо разбирался в военной теории, читал в подлинниках труды немецких, французских, английских, итальянских военных историков.

— Где вы изучали итальянский? — полюбопытствовал Новицкий.— Бывали в Италии?

— К сожалению, нет. Кроме Швеции, куда ездил от ивановознесенцев на четвертый съезд партии, я нигде за границей не бывал. А языки...— комиссар пожал плечами.— Их можно изучить в России, если имеешь несколько лет абсолютно свободного времени.

Новицкий смутился. Он понял, что подразумевает комиссар под «абсолютно свободным временем». Годы, проведенные в тюрьме и на каторге. Товарищ Арсений был в 1905 году одним из руководителей знаменитой Иваново-Вознесенской стачки. Полиция его выследила и арестовала. Военный суд вынес приговор: смертная казнь через повешение. В защиту приговоренного выступил писатель Владимир Короленко. Профессора Петербургского по-

В этот миг переломился весь бой за Уфу, и военная удача повернулась к красным. Командующий сам поднял в штыки!

литехнического института просили сохранить жизнь студенту Михаилу Фрунзе — этот юноша может стать гордостью русской науки. Почти два года шла борьба за его жизнь, почти два года провел он в камере смертников. Наконец, казнь была заменена шестью годами каторги.

— А Михайловым я стал, бежав из ссылки,— рассказывал комиссар Новицкому.— Из Сибири. Война уже шла. Где, думаю, спрятаться? В окопах. Да и поучиться пора военному делу. Скоро революция. В 1917 году возвращаюсь сюда, меня встречают на станции. Вижу, на двух палках кумачовое полотнище: «Привет Арсению (Фрунзе)»... Так я стал Михайловым-Фрунзе.

Когда Михайлова-Фрунзе назначили командующим армией, вместе с ним отправился на фронт и Новицкий — начальником штаба. Бывший генерал был первым, кто увидел в профессиональном революционере Михаиле Васильевиче Фрунзе выдающегося полководца.

План контрудара против Колчака во фланг и в тыл двигающейся на запад армии белых был принят командованием Восточного фронта, одобрен Лениным. Фрунзе дал согласие возглавить все южное крыло Восточного фронта в составе четырех армий.

А по степи уже катилась весна — стремительная и неукротимая. Она прочертила на бескрайней белизне черные линии дорог, обозначила проталинами пригорки, голубыми лунками засветились овраги. И вот уже ни пройти ни проехать — распутица. Только по ночам дороги сковывал ненадолго мороз — и тогда земля звенела под конскими копытами, как чугун.

Морозной ночью мчался по степной дороге всадник в шлеме с красной звездой. В полевой сумке он вез подписанный Михайловым-Фрунзе приказ 021 — секретный приказ о решительном наступлении.

У самой линии фронта всадника задержал разъезд красных.

— Кто такой?

— Комбриг Авалов. Вот документы.

Посветив спичкой, молодой командир просмотрел документы. Все в порядке. Авалов, командир 74-й бригады.

— Осторожней, товарищ, — предупредил молодой командир.— Тут совсем близко белые.

Не догадывались красные конники, что при этих словах радостно вздрогнул комбриг Авалов.

Прибыв на Восточный фронт, предатель метил выше — на штабную работу. Но чем-то Авалов сразу насторожил Фрунзе. Его не оставили при штабе, отправили в бригаду, стоявшую в резерве. Авалов бежал в тот день, когда из штаба пришел приказ о наступлении.

В ночной тьме ему удалось проскочить мимо красных застав. Авалова повезли в штаб Колчака. Он видел железнодорожные составы с пушками, броневиками, солдат в суконных английских шинелях, крепких сапогах, с новенькими винтовками, подсумками, полными патронов. Красным, оборванным и разутым, не устоять против этой силы, несмотря на все старания доморощенных стратегов.

Штаб Колчака размещался в специальном поезде, на вагонах красовались новенькие таблички «Кунгур — Уфа — Москва». В салон-вагоне у карты, разостланной на большом столе, штабные разбирали доставленный Аваловым приказ Фрунзе. Тревога распространялась по всему поезду. Отменялись вчерашние распоряжения, давались новые. Штаб белых торопился перебросить части туда, куда нацелился Фрунзе. До дня наступления, названного в приказе 021, оставалось пять суток.

Где, когда, какой полководец вел решающее сражение по плану, который был заранее известен противнику?

Командующий Южной группой войск Фрунзе отдал приказ о немедленном выступлении. Он выигрывал у противника пять — нет, уже только четверо! — суток. Полководец, ведущий свое первое крупное сражение, с удивительной точностью и дерзостью рассчитал все, что должно произойти. Противнику известен план операции? Значит, теперь ему станет известно, что спешно отданные новые распоряжения запаздывают. За Красной Армией преимущество во времени. И в силе — потому что наступление есть часть военной силы. Колчак может перегруппировать войска, но он не может изменить настроение крестьян, насильно мобилизованных в белую армию, колчаковские солдаты будут переходить на сторону красных. Противник постарается ударить в тыл? Нацелится на Уральск, Оренбург и, конечно, на Самару? Рабочие крепости выстоят. Главная из них — Самара защищена оборонительными сооружениями. Их строительством руководил военный инженер, равного которому не было ни в одной армии мира, Дмитрий Михайлович Карбышев[1].

Наступление Южной группы войск началось 28 апреля 1919 года. Как пишут военные историки, это была знаменательная веха в истории гражданской войны и в личной биографии Михаила Васильевича Фрунзе.

В мае победно завершилась Бугурусланская операция. За ней — Белебейская. Не сдались осажденные рабочие крепости Уральск и Оренбург. Сотнями и тысячами переходили на сторону красных колчаковские солдаты.

...По разъезженным степным дорогам Фрунзе на трофейном автомобиле ехал в 25-ю стрелковую дивизию. Она захватила плацдарм на левом берегу реки Белой. По ту сторону реки, в Уфе, были сосредоточены отборные офицерские части, на подступах возведены мощные укрепления.

— Орудий у них полтораста, пулеметов не меньше как семьсот,— докладывал командующему Чапаев, хвастая осведомленностью своей разведки. А почему бы и не похвастать? Какая еще разведка может преподнести Михаилу Васильевичу вот такую занятную штуку.

— Перехвачено распоряжение Колчака,— докладывал Чапаев, пряча усмешку.— В случае, если удастся взять в плен бывшего полковника Генерального штаба Михайлова, по нынешнему прозвищу Фрунзе, то означенного Михайлова надлежит немедленно препроводить к Колчаку...— Чапаев ждал, как оценит это известие Михаил Васильевич.

— Скажи-ка, — командующий шутливо приосанился.— Полковник Генерального штаба. Очень лестно.

Чапаев от пришедших в его дивизию иваново-вознесенских рабочих уже давно знал, кто такой Фрунзе, принятый было им за генерала. И знал, почему и зачем командующий прибыл в 25-ю дивизию накануне штурма. Уфа — ключ ко всей Сибири! Но даже Чапаев не догадывался, какую роль назначает самому себе командующий всей Южной группой войск в день переправы через Белую и штурма Уфы. А командующий заявил категорически, что

---

[1] Имя Карбышева известно сегодня всем — герой Великой Отечественной войны генерал-лейтенант Д. М. Карбышев раненый попал в плен и был замучен гитлеровцами в концлагере Маутхаузен.

намерен переправиться через Белую с передовыми частями — тем более, что в их числе будет и Иваново-Вознесенский полк.

В ночь на 8 июня началась переправа через Белую. Чапаевцы выбили противника из окопов, захватили небольшой плацдарм на правом берегу. Коротки летние ночи! С рассветом над переправой закружились вражеские аэропланы, свесившись за борт, летчики швыряли бомбы; стремясь попасть в пароходы, битком набитые красными бойцами. Реку заволокло дымом, и под его прикрытием пароходы добрались до противоположного берега. На одном из пароходов переправился через Белую командующий.

Иваново-Вознесенский полк много раз поднимался в атаку, но свинцовый дождь прижимал бойцов к земле. И вдруг из-за косогора вырвались всадники. На полном скаку один из них спрыгнул с коня, выхватил у кого-то из бойцов винтовку.

— За мной! В атаку!

— Арсений! — покатилось по цепи.— С нами Арсений!

Товарищ Арсений учил их в 1905 году стрелять из револьвера! Вместе с Арсением они сражались на баррикадах Пресни!

Рабочий полк со штыками наперевес кинулся вслед за Арсением. В этот миг переломился весь бой за Уфу, и военная удача повернулась к красным. Артиллерия белых продолжала вести ожесточенный огонь, вились над переправой аэропланы, но Чапаев, наблюдавший за боем с левого берега, видел, что победа близка. Ему самому не раз приходилось поднимать в атаку пехоту, мчаться впереди конников. Так он же начдив! А тут командующий сам поднял в штыки!.. И ведь предвидел возможность такого момента. Все предвидел. Полководец...

Михаил Васильевич, разгоряченный боем, скакал к реке в сопровождении ординарцев. Его узнали вражеские летчики. Два аэроплана, бомбивших переправу, скользнули навстречу всадникам. Бомба ударилась о землю за спиной Михаила Васильевича. Взрывом его отбросило в сторону. Но тотчас он поднялся на ноги. Жив!

Еще сутки длился бой за Уфу. 9 июня, к исходу дня, 25-я дивизия вошла в город.

После победы над Колчаком Михаил Васильевич получил новое назначение — командующим Туркестанским фронтом.

Поезд командующего шел в Ташкент. В открытое окно врывался теплый ветер, ветер детства. Где-то совсем близко родной дом. После побега из ссылки там о нем ничего не знают. Этот край был отрезан белыми от центра России. Что с матерью? С братом?

Ташкент встречал командующего со всеми военными почестями. Приложив руку к козырьку, Михаил Васильевич обходил строй. Бойцы, наслышанные о строгости Фрунзе, замерли, не шелохнутся. Обойдя строй, Михаил Васильевич направился к группе командиров. Но кто там стоит рядом с ними? Костя! Старший брат.

Они смогли поговорить только вечером.

— Мама живет в Верном [1],— рассказывал Константин Васильевич, известный в этом краю доктор.— Мама все эти годы была убеждена, что ты мирно поживаешь в своем любимом Иваново-Вознесенске. А я, сидя в нашем родном Пишпеке [2], тоже ничего не слышал о тебе. Лишь после узнал, что атаману Анненкову кто-то сообщил, что в Верном живет мать Фрунзе. Атаман рвался захватить город. Верненцы отбились, город все годы оставался советским...

— Надо что-то написать маме,— виновато произнес Михаил Васильевич..— Объяснить... Ты ложись. Я еще посижу.

Что же все-таки написать? Он представил себе маму в неизменной просторной кофте. Сама еле грамотная, мама, оставшись после смерти отца одна с малыми детьми на руках, твердо решила всем четверым дать образование — обоим сыновьям, дочерям Люше и Лиде. Перебивались с хлеба на квас, но все учились в гимназии, после гимназии учились дальше. И каково было маме получить в 1905 году письмо из Петербурга от младшего сына-студента: «Милая мама, у тебя есть сын Костя, есть и дочери. Надеюсь, что они тебя не оставят, позаботятся о тебе в трудную минуту, а на мне ты, пожалуй, должна поставить крест... Потоки крови, пролитые 9 января, требуют расплаты. Жребий брошен, рубикон перейден, дорога определилась: отдаю всего себя революции...»

А суд над сыном? Смертный приговор? Каторга? Сколько седин у мамы по вине младшего сына.

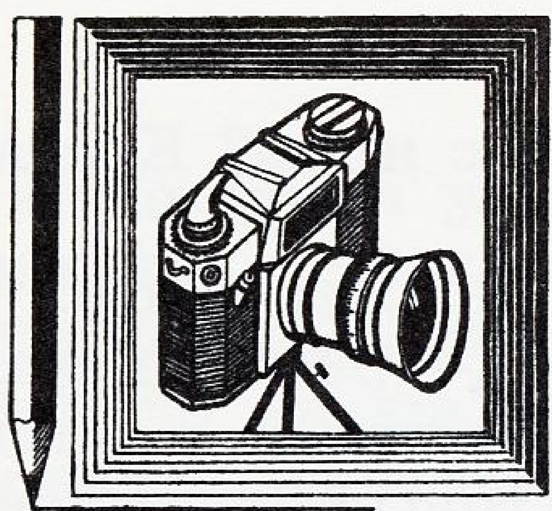
«Дорогая мама,— писал он, стараясь выводить буквы разборчивей.— Пишу тебе в первый раз после долгого, долгого перерыва. Ты уже, конечно, знаешь, что я в Ташкенте и состою в роли командующего армиями Туркестанского фронта. Как видишь, я был вынужден силой обстоятельств подвизаться на военном поприще...»

Михаил Васильевич перечитал последнюю строку, рассмеялся. Ах, ты, сочинитель! «Вынужден подвизаться...»

Дописал письмо, положил в конверт. Первый бой он принял в 1905 году во главе дружинников вооруженных револьверами против казаков, разгонявших иваново-вознесенских ткачей. А сколько еще боев впереди — неизвестно. Однако уже недалек день, когда Красная Армия победит всех врагов и ее бойцы и командиры вернутся по домам, чтобы строить новую жизнь. Но кто-то и останется служить на военной службе, чтобы строить сильную и надежную Красную Армию. И он, Михаил Фрунзе, тоже останется. Он теперь навсегда человек военный.

---

[1] Ныне г. Алма-Ата, столица Казахстана.
[2] Ныне г. Фрунзе, столица Киргизии.

ОДЕССА

У городов, как и у людей,— разные характеры. У Одессы характер веселый и — мужественный. Мужество свое одесситы доказывали и в прошлом веке, в Крымскую войну, когда не позволили врагу захватить город, и в дни революции 1905 года, и в дни гражданской войны. Но ярче всего проявился характер города в годы Великой Отечественной войны.

По планам фашистов город должен был стать важной базой снабжения армий, рвущихся к Крыму и Кавказу. Советское командование приказало: «Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности...» 5 августа 41-го началась героическая оборона города.

Одесситы создали три линии оборонительных рубежей, построили баррикады на улицах. Каждый — взрослый и подросток — посильно участвовал в борьбе с врагом.

Противник стянул под Одессу трехсоттысячную армию. Город остался без воды. Но работали заводы, выпуская танки и бронепоезда, минометы и гранаты. Но стойко обороняли Одессу советские воины и ополченцы. За дни обороны летчики 69-го истребительного авиационного полка под командованием 25-летнего майора Л. Л. Шестакова сбили 115 вражеских самолетов. Героически сражались с фашистами бойцы 1-го полка морской пехоты под командованием полковника Я. И. Осипова.

73 дня продолжалась оборона Одессы. На 73 дня была скована целая гитлеровская армия. Позже, в 1942 году, за героическую защиту Одессе было присвоено почетное звание «Город-герой». Одесса стала первой в ряду городов, носящих это высокое имя. А в 1965 году ее наградили орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда».

Оккупация тоже не сломила мужество Одессы. Партизаны и подпольщики уничтожили более 5 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, взорвали 27 воинских эшелонов, 16 мостов, сожгли 248 автомашин...

Среди тех, кто боролся с оккупантами, были и пионеры. Леня Бачинский участвовал в обороне города, а когда пришли фашисты, стал одним из организаторов подпольной группы «За Родину». Когда группа по доносу предателя была схвачена, Леня очень старался облегчить участь товарищей. Всего за несколько дней до освобождения Одессы враги расстреляли пионера...

Одесса освобожденная, Одесса восстановленная помнит, как и вся наша страна, своих защитников, своих героев.

Фотографии В. АРСИРИЯ и издательства «Планета».

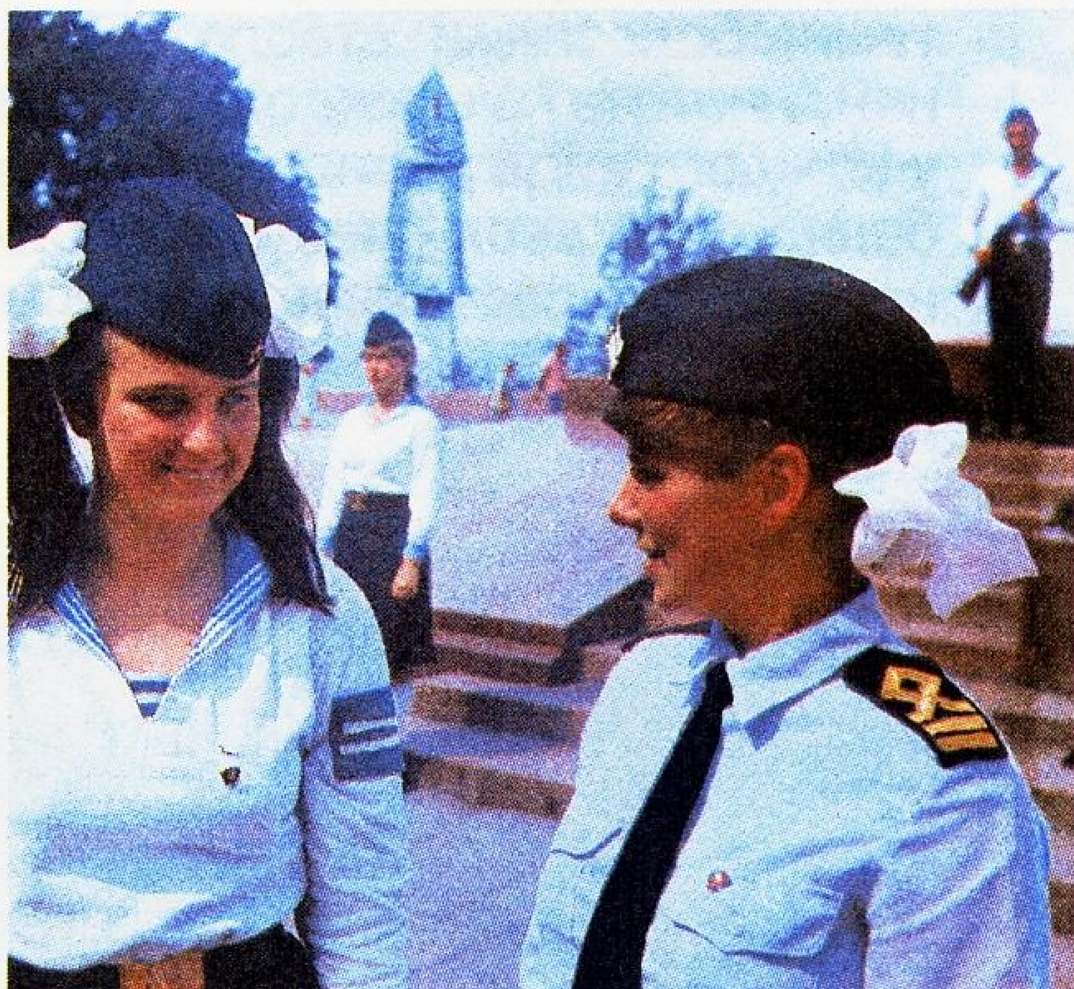
Героическая оборона.
Мужественная борьба в годы оккупации.
И вот наконец — освобождение.
Весна 44-го — победная для одесситов.
И наверное, тогда и солнце светило по-особому,
помогая советским бойцам,
и ветер веял попутный,
ускоряя движение вперед, к Великой Победе.

Одесса — город морской.
Заходят в его гавань корабли
из далеких стран, корабли,
везущие самые разные грузы.
И когда находится у моряков
свободная минута, идут они
гулять по прекрасной Одессе.
И обязательно выходят
на аллею Славы. К памятнику
Неизвестному матросу.
Он погиб, защищая
Землю от гибели.
Погиб, чтобы в его родной город
могли приходить
мирные корабли с мирным грузом.

НАШ ДРУГ — ЛЕС

На вопросы юнкоров Московского Дворца пионеров отвечает председатель Государственного комитета СССР по лесному хозяйству
Алексей Ильич ЗВЕРЕВ.

А. И. Зверев. Рад приветствовать вас, дорогие ребята. Вы пришли ко мне по заданию редакции журнала «Пионер», чтобы узнать больше о лесе, о том, как его выращивают и охраняют в нашей стране. Ваш интерес мне понятен. Более миллиарда гектаров занимают наши лесные массивы. Это почти четвертая часть всех лесов планеты. А, например, хвойных пород и того больше — около шестидесяти процентов всех мировых запасов. Вот какая у нас огромная зеленая кладовая!

Наташа Стеблецова. Но леса и вырубается тоже много?

А. И. Зверев. Да, ежегодно «снимается» лес с площади примерно в два миллиона гектаров. Этого требует народное хозяйство. Из древесины делается бумага, а без нее сегодня и шагу ступить нельзя. Газеты, книги, тетрадки. А мебель, а строительные материалы? Да что там говорить: более 20 тысяч изделий готовится ныне из древесины — краски, одежда, лекарства, смолы, дрожжи... Растет экономика страны, возрастают наши потребности — все больше древесины нужно. От этого никуда не уйти.

Марьяна Ионесян. Значит, ле́са у нас становится все меньше и меньше. Не получится ли так, что скоро его вообще не будет?

А. И. Зверев. Нет, Марьяна, так не получится, хотя твоя тревога понятна. Этот вопрос сейчас многих волнует. Не только у нас, но и в других странах. Действительно, вырубка лесов приобрела довольно широкие масштабы. По подсчетам ученых, тропические леса ежегодно уменьшаются на 7,5 миллиона гектаров. Джунгли уничтожаются с устрашающей скоростью — примерно 20 гектаров в минуту.

Поэтому такой необходимой стала в наше время профессия лесовода, человека, который воссоздает леса, приходит на вырубленные места и, точно волшебник, с помощью современной науки, техники преображает землю. Ежегодно мы сеем и высаживаем около миллиона гектаров сосен, елей, лиственниц, дубов, тополей, лип... К тому же у леса есть чудесная способность — самовозобновляться. Забота лесовода — помочь этому естественному процессу. Где надо — внести в почву удобрения, разрыхлить жесткую лесную подстилку, убрать сорняки. Тут и наука — лесоводство — дает свои рецепты, и техника помогает.

Хочу заметить: СССР занимает ведущее место в мире по восстановлению лесов. Только за годы десятой пятилетки деревья посадили на десяти миллионах гектаров. Уже давно в нашей стране высаживается леса больше, чем вырубается. И вот результат: покрытые лесом площади за последние 20 лет увеличились почти на 45 миллионов гектаров. За всем этим — напряженный и благородный труд всех наших лесоводов.

Сергей Данилов. Расскажите, пожалуйста, подробнее о профессии лесовода.

А. И. Зверев. Лес — это сложная зеленая лаборатория. И лесоводу, Сережа, надо основательно знать биологию, ботанику, химию, почвоведение, физику, зоологию. Иначе в лесу делать нечего. Посудите сами: как можно выращивать ту или иную породу, когда не представляешь, как она относится к почве, свету, теплу? Или не знаешь, как бороться с различными вредными организмами — бактериями, вирусами, растениями-паразитами, болезнями стволов, корней, листьев? У каждой породы, у каждого вида дерева свои особенности, своя индивидуальность. И это постоянно надо помнить. Вот почему в лесном хозяйстве сегодня трудятся люди самых различных профессий: лесничие, почвоведы, ботаники, лесомелиораторы, «зеленые доктора» — фитопатологи и энтомологи, механизаторы, парашютисты-пожарники... А я еще не сказал о «сторожах леса» — лесниках, о специалистах, занимающихся выращиванием семян в питомниках! И все же главная профессия у нас — это лесничий. Он объединяет в своих руках все лесное дело, за все в ответе — от качества семян до выращенного столетнего дерева. Главная забота лесничего в том, чтобы всегда и везде лес нас радовал, одаривал нас своими замечательными плодами, полезными и нужными человеку.

Володя Галкин. А какая тех-

ника помогает лесоводу выращивать деревья?

А. И. Зверев. Самая разнообразная. Тут и лесохозяйственный трактор и машина для расчистки вырубок от корней, валежника, пней. Это надо делать, чтобы подготовить площадки под посадку лесных культур. За высаженными деревцами надо постоянно ухаживать, так велит агротехника. Вот этой цели служат разные конструкции культиваторов. Одни, скажем, для уничтожения сорной растительности, другие приспособлены работать на крутых склонах. Кстати, о крутых склонах. Чтобы высадить деревья на крутизне (я имею в виду овраги, балки), надо сначала создать террасы. Тут и предлагает свои «услуги» машина-террасер. Она аккуратненько нарежет терраски — теперь сажай лес. Быстро, удобно, безопасно. В нашем распоряжении целый ряд лесопосадочных машин для различных природных зон. Даже для барханных песков. Места там труднопроходимые. Так вот, эта машина предназначена для посадки саженцев в степи или пустыне. Есть лесопосадочное устройство, которое создано специально для автоматической посадки сеянцев хвойных пород.

Словом, у лесоводов машины и агрегаты на все случаи жизни. И семена посеять, и саженцы посадить, и почву подготовить.

Не решена у нас еще проблема с лесными пожарами. Загорается лес часто, особенно в засушливые годы. Летом ежедневно взлетают в небо 600—650 самолетов, вертолетов лесной авиации. На борту — парашютисты-пожарники. Это мужественные люди, которые спускаются буквально в огонь. Парашютисты-пожарники имеют самые современные средства для борьбы с огненной стихией. Для охраны леса от пожаров сконструированы специальные лесопатрульные автомобили, пожарные лесные вездеходы. Приходит в лес и телевидение. Специальные телеустановки помогают своевременно обнаружить места загораний.

Словом, техника очень нам помогает. Правда, подчас ее не хватает. Но мы добиваемся, чтобы год от года ее становилось все больше и больше.

Дима Козенков. Алексей Ильич, что значит лес лично для вас?

А. И. Зверев. Лес стал моей жизнью, это моя работа, это моя и каждодневная забота. И, конечно, любовь. Как для любого человека. Как, надеюсь, для каждого из вас.

Лес в нашей жизни... Порой об этом не каждый задумывается. Лес так привычен. В деревне выйдешь за околицу — вон он, лес. Да и в городе: сел в электричку — вот и роща, вот и сосновая опушка. Но стоит только поглубже вдуматься, и понимаешь: без леса наша жизнь была бы вообще невозможна. Недавние исследования наших ученых с помощью космической техники показали: жизненно важное значение лесного покрова Земли для человечества можно сравнить со значением Мирового океана. В образовании почвы, влаги, растительности на Земле едва ли не самая важная роль принадлежит лесу.

А часто ли мы задумываемся, ребята, над тем, откуда берется чистый воздух? Можно без всякого преувеличения сказать: лес — это «фабрика кислорода». Не секрет, что многие города, промышленные центры выделяют в атмосферу немало вредных газов, углекислоты. Огромное количество кислорода сжигают автомашины, самолеты. Так, крупный пассажирский лайнер за восемь часов полета расходует 70—75 тонн кислорода. Кто же проветривает нашу планету, кто дает ей живительный чистый воздух? Лес. Гектар леса в год очищает примерно 18 миллионов кубометров воздуха! Только один гектар сосновых насаждений, подобно огромному пылесосу, извлекает из воздуха 36 тонн пыли ежегодно, а буковые леса и того больше — до 70 тонн. Легкие наших городов и сел — вот что такое лес!

Сергей Данилов. Я слышал, что лес помогает и нашим полям.

А. И. Зверев. Действительно, это так. Лес предотвращает разрушительные паводки на полях, смывы почв, мешает образованию оврагов, задерживает пыльные бури. Лесоводы страны считают своим долгом помочь полеводам выращивать хорошие урожаи. Создаются полезащитные лесные полосы. Они-то первонаперво и останавливают овра-

ги, которые являются сущим бедствием для полей и пашен. Эти зеленые полосы останавливают подвижные пески. За последние годы нами создано свыше пяти миллионов гектаров зеленых лесных полос. Что это дало? Пыльные бури на Северном Кавказе и на Украине, прошедшие весной 1984 года, не нанесли серьезного ущерба полям. В зерносовхозе «Гигант» Ростовской области, на территории которого созданы целые системы полезащитных полос, урожайность зерновых культур за последние восемь лет на шесть центнеров больше, чем в соседних хозяйствах, где лесных полос пока нет.

Катя Сеченова. Многие ребята, которые живут в селах, помогают лесоводам. Расскажите, пожалуйста, как?

А. И. Зверев. Да, мы благодарны мальчикам и девочкам за такую помощь. И она весома. Достаточно сказать, что у нас в стране имеется **восемь с половиной тысяч школьных лесничеств.** Ребята, состоящие в них,— верные друзья и помощники наших рощ, дубрав, парков. Юных лесоводов привлекает романтика лесного дела. Да это и понятно. Работа в лесу, общение с живой природой развивают у ребят любознательность, прививают любовь к прекрасному. Я всегда помню слова Горького, что любовь к природе есть частичка любви к Отчизне.

Лес, как я уже говорил,— это своего рода лаборатория, а какая лаборатория без исследователей? Юные лесоводы Моквинской средней школы Ровенской области многие годы выполняли поручения лаборатории кибернетики Московской сельскохозяйственной академии. Ребята изучали сигналы информации среди птиц и насекомых. Члены школьного лесничества Боровой средней школы Оренбургской области надежно охраняют жемчужину наших русских лесов — Бузулукский бор. Только за последние годы ребята из «зеленых патрулей» посадили тут несколько тысяч сосенок, пропололи большие площади от сорняков, сделали множество кормушек и домиков для птиц.

Юные лесоводы Эстонии ежегодно восстанавливают до двух тысяч гектаров леса. Они измеряют и наносят на схематические карты гнезда рыжих муравьев — этих санитаров леса, наблюдают за перелетными птицами.

Словом, мы высоко оцениваем работу юных лесоводов, видим, какую большую помощь оказывают они народному хозяйству. В следующей, двенадцатой пятилетке мы ждем от наших молодых друзей таких же славных дел.

И пусть всегда слышатся их голоса в березовых рощах и горных лесах, тайге и дубравах. Похвально, что тимуровцы ведут операцию «Сад Мира».

Катя Сеченова. А как быть нам, горожанам? Я тоже хотела бы ухаживать за лесом.

А. И. Зверев. Я полагаю, что школьные лесничества, «зеленые патрули» могут быть не только в сельских школах. И в городе им дело найдется. Посмотрите, сколько под Москвой пригородных лесов. А городские парки, сады, скверы! Над этими зелеными уголками можно взять шефство под руководством учителей биологии. А местные органы лесного хозяйства всегда пойдут такому желанию навстречу.

Маша Гречюшникова. Алексей Ильич, спасибо большое за очень интересный рассказ. Можно задать еще один вопрос — личный?

А. И. Зверев. Задавай...

Маша Гречюшникова. Вы охотник? И еще: какие вы больше всего любите грибы собирать?

А. И. Зверев. Сказать по правде, рука не поднимается убить зверя. Хотя к охотникам отношусь с большим уважением. А грибы? Грузди люблю собирать, белые... Вот только свободного времени маловато.

Вам, дорогие юнкоры, желаю всего доброго. Буду рад, если наша беседа поможет пионерам, всем читателям «Пионера» с еще большей любовью относиться к лесу, беречь его, ценить как верного и незаменимого зеленого друга...

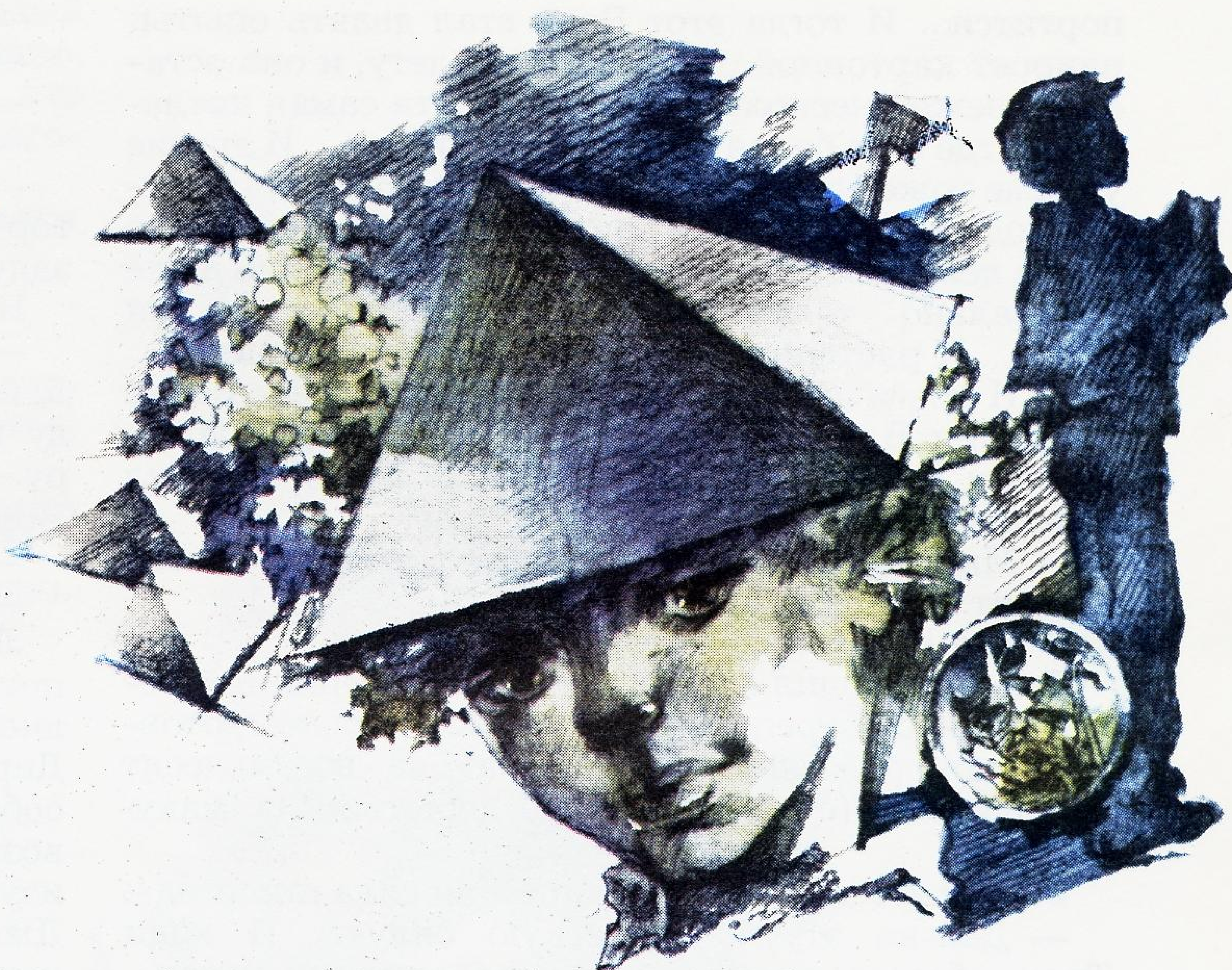
Беседу записал Юрий КРУТОГОРОВ.

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

ТАЙНА ПИРАМИДЫ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. СТЕРЛИГОВОЙ.

Неудачный опыт

Дверь приоткрылась, в канцелярию просунулась кудлатая светло-желтая голова.

— Здрасте, Евдокия Герасимовна. Борис Иванович у себя?

— Директор занят,— без малейшей ласковости сообщила секретарша.

Голова вздохнула:

— Что же мне делать...

— Закрыть дверь, Воробьев, вот что. Слишком часто ты захаживаешь к директору без всякого дела. Нашел себе приятеля.

Евдокия Герасимовна работала в школе тридцать лет и была старше Бориса Ивановича вдвое. Она твердо знала, что ученики не должны приходить к директору. Их должны к нему приводить. Пятикласснику Джонни Воробьеву эта точка зрения была известна. Он не стал спорить и разъяснил:

— Я не сам. Анна Викторовна велела.

Евдокия Герасимовна проявила некоторый интерес:

— Вот как? Она удалила тебя с занятий?

Джонни не успел ответить. Из-за приоткрытой кожаной двери кабинета донеслось:

— Евдокия Герасимовна, там кто-то пришел?

— Воробьев из пятого «А»,— последовал сухой ответ.

— Пусть...— сумрачно сказал директор. И пятиклассник Воробьев мимо поджавшей губы секретарши ступил в кабинет.

Там он еще раз сказал «здрасте» и еще раз вздохнул.

Борис Иванович меланхолично перебирал на столе ведомости и объяснительные записки прогульщиков. Буркнул:

— Садись, не торчи.

Джонни сдержанно вздохнул третий раз и опустился на краешек стула у двери.

— Ну?— спросил Борис Иванович.— Опять?

— Анна Викторовна. Из-за пирамид...

Борис Иванович поднял от бумаг лицо.

— Каких пирамид? Вы что, в пятом классе за геометрию взялись?

— Это не геометрия... Из-за египетских.

— Еще не легче... Насколько я знаю, Анна Викторовна ведет математику, а не историю.

— Математику,— подтвердил Джонни, разглядывая портрет симпатичного педагога в очках по фамилии Ушинский.

— Изложи суть события,— сказал директор.

— Подробно?— оживился Джонни.

— Кратко.

— Ладно. Пирамиды — это шляпы. Из картона. Ученые считают, что под такими шляпами мозги работают активнее. Мы эти шляпы специально сделали, потому что по математике сегодня самостоятельная работа. Сели, надели, а она... Анна Викторовна то есть... она в крик. Говорит, сорвали урок... вот...

— Дальше.

— Я хотел объяснить. Она говорит: «Объяснять будешь директору. Иди и объясняй». Я пришел.

— Все?

— Все,— сказал Джонни. Педагог по фамилии Ушинский смотрел на него с сочувствием. Борис Иванович — без. Он знал, что Джонни Воробьев не нуждается в сочувствии, особенно если считает себя правым. Борис Иванович смотрел со смесью утомления и любопытства. Утомления было больше.

— Свихнусь я тут с вами,— сообщил он.— Только вторая четверть началась, а у меня уже давление, как у хронического гипертоника... В отпуск бы. На песочек, на берег. И чтобы лето кругом...

— Ой, хорошо бы!— согласился Джонни.

Директор дотянулся до этажерки с газетами и папками. Из-под папок вытащил шахматы (они сухо громыхнули в клетчатой коробке; директор быстро оглянулся в дверь).

— Давай?— сказал он Джонни.— Мне разрядка нужна...

— Давайте...

Доску положили на объяснительные записки. Джонни перебрался на подлокотник могучего кресла у стола и начал расставлять фигуры.

— В той четверти счет у нас был два-два,— напомнил Борис Иванович.

Джонни кивнул.

— А все-таки что это за идея с пирамидами?— спросил Борис Иванович.— И чья? Твоя?

— Не моя, а француза Антуана Бови́. Он египетские пирамиды изучал и один раз задумался: почему в них мумии так хорошо сохраняются? А потом еще увидел, что, если какой-нибудь зверь забредет в пирамиду и там помрет, он тоже не

портится... И тогда этот Бови стал делать опыты: накроет картонной пирамидой котлету, и она остается свежей несколько месяцев... Эта самая котлета... А где еще белая пешка? Ой, вот она... И другие ученые тоже опыты делали. Например, тупая бритва под пластмассовой пирамидой за несколько часов делается опять острая. В Чехословакии даже специально такие пирамидки продаются для бритв... И растения под пирамидой лучше растут...

— И мозги лучше варят. Да?— подал голос Борис Иванович. В голосе его было все, кроме доверия. Но Джонни подравнял ряд черных фигур и ответил спокойно:

— Мы не успели коллективно проверить. Но так говорят... То есть пишут.

— Где пишут?

Джонни сходил к оставленному у двери портфелю. Принес потрепанный журнал. Это был мартовский номер «Юного следопыта» за восемьдесят первый год (судя по всему, добытый из макулатуры).

— Вот тут заметка. «Магическая сила пирамид».

— Дай-ка эту «Магическую силу»... И ходи. Твои — белые, прошлый раз ты черными играл.

Джонни двинул пешку. Борис Иванович тоже. Джонни еще. Борис Иванович, поглядывая то на доску, то в журнал, сходил опять. Джонни задумался. Борис Иванович бормотал:

— «...Если верить исследователям, процесс мышления облегчается и становится более интенсивным внутри пирамиды и в пирамидальной шляпе... Фактически перечень экспериментов бесконечен... Научного объяснения свойства пирамид пока не получили...»

— Я сходил,— напомнил Джонни.

— Сейчас... Ерунду какую-то напечатали, а вы верите... Тут и рубрика-то несерьезная: «Загадки, гипотезы, курьезы»...

— А почему тогда бритвы затачиваются?

— Ты это сам видел?

— А что, разве журнал может врать?

— Н-ну... Все равно чушь какая-то.

— Ну, пускай чушь,— сказал Джонни и вывел коня за линию пешек.— Все равно вреда от этого никакого нету. Чего было скандал устраивать?

— И большой был скандал?— нехотя спросил директор.

— Изложить в подробностях?

— М-м... нет. Анна Викторовна сама изложит на перемене.

— Со своих позиций,— сумрачно сказал Джонни и вывел на большую диагональ слона.

— Естественно,— заметил Борис Иванович.— Каждый заботится о своих позициях... Впрочем, ты не заботишься: смотри, сейчас тебе будет классическая вилка.

— Не будет, я вот сюда...

— А я так!

— Ах ты...— шепотом сказал Джонни и запустил пятерню в кудлатый затылок. С полминуты он сидел на подлокотнике в позе озадаченного павиана. Потом метнулся к портфелю и выхватил из него что-то плоское и картонное. Это «что-то» щелкнуло и развернулось. Джонни накрыл желтые космы картонной шляпой-пирамидой. Деловито вернулся к столу.

— Ну-ну,— сказал Борис Иванович.— Давай-давай...

Джонни «дал». Вывел ферзя из-под удара, спокойно посмотрел, как директор забирает белую ладью, и сказал:

— Шах.

— Подумаешь...

— Еще шах.

— Ну и...

— Ну и тогда ваш ферзь полетит.

— Ч-черт,— непедагогично высказался директор. Ферзя он спас, но потерял коня и слона. И задумался. Надолго.

Наконец Джонни деликатно покашлял.

— Подожди,— поморщился Борис Иванович.— Дай-ка...— Неожиданно он снял с Джонни пирамиду и накрыл ею свою волнистую русую шевелюру.— Ага... Хитрый трюк с пешкой у вас, товарищ Воробьев, не выйдет...

— Как сказать,— отозвался Джонни.

— Вот так и ска...

Ласково закурлыкал телефон. Борис Иванович посмотрел на него как на отпетого нарушителя дисциплины. Трубку не взял. Приоткрылась дверь. Директор судорожно снял шляпу и положил перед собой. Джонни оглянулся. Он успел заметить, что у возникшей на пороге Евдокии Герасимовны от изумления сами собой воздвиглись на лоб очки. Джонни съехал с подлокотника и укрылся за высокой спинкой. Евдокия Герасимовна с придыханием сказала:

— Борис Иванович, вам звонят.

— Меня нет,— страдальчески произнес директор.

— Но... Это заведующий гороно.

— Я на показательном уроке.

Джонни сквозь спинку кресла ощутил взгляд секретарши. И отчетливо понял, что ему, Джонни, здесь не место. Ученики не должны знать, что директор умеет говорить неправду.

— Я надеюсь, вы пошутили,— деревянным голосом проговорила Евдокия Герасимовна.— Я уже сказала Игорю Степановичу, что вы сейчас возьмете трубку.

На худом лице Бориса Ивановича отчетливо нарисовалась зубная боль.

— Да...— обреченно сказал он в трубку.— Да... Привет и тебе, дорогой Игорь Степанович... Ну, не хочу я об этом сейчас, не время. Так не хочу, что даже просил соврать уважаемую Евдокию Герасимовну, что меня нет. Но она неколебима в своих убеждениях... Да, писал, сам знаешь, раз говоришь. Нет, не так. Пока только просил узнать, есть ли возможность... Не надо, Игорь Степаныч, мы оба знаем, что ты будешь рад... Зато спокойнее... Ну хорошо, хорошо. Потом... До вечера.

Он с облегчением плюхнул трубку на аппарат. Опять нахлобучил пирамиду, словно хотел ею защититься от всех неприятностей. Но тут же спохватился и надел ее на Джонни. И усмехнулся:

— Бедная Анна Викторовна... Представляю, что она испытала, когда увидела вместо ваших нечесаных макушек такие вот... четырехскатные крыши.

— Не знаю, что испытала,— насупился Джонни.— Но крик был большой... Она почему-то думает, что мы все ей назло делаем. А мы наоборот. Хотели процент успеваемости повысить.

— Не жалуйся,— сказал директор.— Она совсем неплохой человек.

Джонни защитил пешкой короля и пожал плечами:

— Никто не говорит, что плохой. Только неопытный... Мы на нее и не злимся. Если первый год человек с пятиклассниками работает, чего с него спрашивать... Может, еще воспитается.

— Будем надеяться,— сказал директор.

— А вы надеетесь?— осторожно спросил Джонни.

— Надеюсь... Я с Анной Викторовной как-то разговаривал про ее дела... и вообще про жизнь.

Она говорит, что с детства мечтала учительницей стать. А раз человек мечтает... А то ведь есть такие, что идут в пединститут просто так, потому что больше некуда податься. А зачем соваться в педагоги, если сроду этого не хотели?

— А вы?..— спросил Джонни и слегка испугался своей дерзости.

— Что?

— Ну, вы... хотели?

— Я хотел,— сказал Борис Иванович.— Я с восьмого класса с маленькими возился... А ты, кажется, с первого, да?

— При чем тут я?— подозрительно спросил Джонни.

— Это я так... Ах ты, как же я пешку-то прошляпил...

У возникшей на пороге Евдокии Герасимовны от изумления сами собой воздвиглись на лоб очки. Джонни съехал с подлокотника кресла и укрылся за высокой спинкой.

— Может, потом доиграем?— деликатно предложил Джонни.— А то вы сегодня какой-то... грустный.

— Думаешь, завтра буду веселее?

— Неприятности, наверно? Из-за нас, да?— посочувствовал Джонни.

— Не только из-за вас... Все одно к одному. Письмо вот пришло, что Ленка заболела. Дочка.

Джонни вскинул ресницы. Про дочку он слышал впервые. Директор жил один в комнате при школе.

— Она с матерью в Краснодаре,— объяснил Борис Иванович.

— А! Потому что здесь квартиру не дают,— догадался Джонни.

— Потому что... директор школы, а не доктор наук,— слишком ровным голосом сказал Борис Иванович. И вдруг смешал на доске фигуры.— Все, Джонни. Сдаюсь.

— Ну, зачем вы так?— смутился Джонни.— Могла быть ничья...

— Не люблю ничьих. Лучше давай еще раз. До звонка двадцать минут.

— Только вы возьмите сейчас мою шляпу. Чтобы равные шансы были, а то нечестно.

— Возьму...

«В этом что-то есть...»

Во второй партии Борису Ивановичу везло больше. Но он оставался невеселым. Неловко глянул на Джонни и сказал:

— Я тут слегка разболтался о семейных делах. Это между нами, ладно?

— Вы же меня знаете,— успокоил Джонни.

Борис Иванович наконец улыбнулся.

— Знаю... С самого начала. Мы ведь в один год с тобой в школу пришли. Ты в первый класс, я в директора... А познакомились четвертого сентября, после шумной истории с водопроводом. Я тебя сушил в этом кабинете...

— Я помню,— поспешно сказал Джонни.— Вам шах, Борис Иванович.— Ему не хотелось касаться подробностей.

Борис Иванович поправил шляпу-пирамиду и продолжал вспоминать:

— А потом операция «Зеленый слон». Это уже через год...

Джонни заулыбался. Операция была героическая, стыдиться нечего.

— В общем, знаем мы друг друга пятый год,— подвел итог директор и задумчиво глянул из-под шляпы.— Поэтому ответь мне, Евгений Валерьевич, на один вопрос. Только честно.

— Если получится,— осторожно сказал Джонни.

— Получится. Скажи: какой я директор?

— Как это какой?— растерялся Джонни.

— Ну, какой? Плохой, хороший? Средний?

Джонни не думал ни секунды. Он сказал то, что знал:

— Самый хороший в Советском Союзе.

— Я серьезно...

— И я серьезно. Это все знают.— Джонни был даже слегка раздосадован. Он не любил говорить общеизвестные вещи.

— Все знают,— усмехнулся Борис Иванович.— Кто может знать про весь Советский Союз?

— Ну... это я так сказал. Просто лучше, чем вы, директору быть ни к чему...

— Ты, наверно, меня не понял,— вздохнул Борис Иванович.— Дело не в том, что мы играем с тобой в шахматы и я иногда прощаю твои фокусы...

— Ох уж, вы прощаете...— сказал Джонни.

— Однако... согласись, что отношусь с пониманием.

— С пониманием вы ко всем относитесь,— холодновато сказал Джонни.— Я про это и говорю.

— Ты, кажется, обиделся... Или тебе показалось, что я напрашиваюсь на комплименты?

— Мне другое показалось,— хмуро сказал Джонни.— Кто-то считает, что вы не такой уж хороший директор, да?— И он посмотрел на телефон.

Борис Иванович тоже посмотрел на телефон.

— Вы им не верьте,— сказал Джонни.

— А ты не хотел бы стать директором?— вдруг спросил Борис Иванович.

— Как это?— изумился Джонни.

— Ну, необязательно директором, а вообще учителем. Когда вырастешь.

Джонни не любил делиться планами на будущее. Даже с самыми хорошими людьми. Но сейчас разговор шел такой, что приходилось быть откровенным.

— Я еще точно не знаю,— неуверенно проговорил Джонни.— Вообще-то мне больше хотелось путешественником... Как Тур Хейердал, например. Или археологом, всякие тайны раскапывать. В общем, открытия делать.

— Хорошее занятие,— согласился Борис Иванович.— Я об этом тоже мечтал. Но, понимаешь... Тех, кто станет делать открытия, кто-то должен сначала учить...

— Я понимаю...

— И еще вот какая штука... Конечно, открытия делаются в экспедициях. И в лабораториях, и в космосе. Но не только. Есть еще работа: помогать людям делать открытия каждый день.

— Это значит нам помогать,— с пониманием сказал Джонни.

— Конечно. Разве, когда человек узнает букву «А», это не открытие? Или когда впервые слышит, что Земля круглая. Или про атомы...

— Или про пирамиды,— улыбнулся Джонни.

— Или про пирамиды... Кстати, в них, кажется, в самом деле что-то есть...

— Да? А почему вы решили?

— Потому что тебе мат,— с удовольствием сказал Борис Иванович.

— Как это?

— А вот так. Куда ты пойдешь? Сюда? Все равно...

Джонни не огорчился.

— Ладно. Значит, три-три,— сказал он и встал. Хотелось потянуться, но при директоре, особенно при самом лучшем, потягиваться неудобно.

Опять закурлыкал телефон. За дверью послышался сдержанный голос Евдокии Герасимовны:

— Бориса Ивановича нет, он на открытом уроке.

Джонни деликатно прикусил улыбку. Директор досадливо посопел. Потом сказал:

— А перед Анной Викторовной ты сегодня же извинись.

— Ну вот...— расстроенно откликнулся Джонни.

— Не «ну вот», а извинись.

— Я, конечно, могу,— снисходительно сказал Джонни.— Только это непедагогично.

— Что-о?

— Она решит, что я и правда виноват, а это неправда. А обманом никого не воспитаешь.

— Но ты же в самом деле виноват!

— Я?!

— А кто же! Ты зачинщик. Эксперимент затеял,

а посоветоваться с Анной Викторовной не додумался. Отсюда и скандал. Какое ты имел право ставить опыт на ее уроке без ее разрешения?

Джонни озадаченно взлохматил затылок.

— Да... Это я не сообразил... Я так и скажу: «Извините, что забыл посоветоваться».

— Вот-вот. Так и скажи.

— Так и скажу.

Пожалейте дракона!

После третьего урока Джонни повстречал на лестнице Инну Матвеевну. Она ужасно обрадовалась. Она сказала, что ищет его целый день.

— Женя, ты должен меня спасти!

— Ладно,— сказал Джонни.

Он, конечно, не знал, от чего надо спасать Инну Матвеевну, которая в давние времена учила его в младших классах. Но понимал, что это его долг. Кроме того, Инна Матвеевна была мамой Катьки Зарецкой. Если Джонни ее не спасет, Катька решит, что он поступил так назло. Ей, Катьке, назло. А это было бы мелочно и недостойно.

— Спасу,— пообещал Джонни.— Сегодня?

— Да! Мы с моими третьеклассниками придумали новогоднее представление. Такой спектакль. Одна знакомая, одноклассница моя бывшая, она в библиотеке работает, написала целую пьесу. Очень славная пьеса, как раз для ребят, но там участвует чудовище...

У Джонни от сдержанного интереса под желтыми космами зашевелились уши.

— Прекрасное страшное чудовище, Змей-Горыныч с тремя головами. Но его надо сделать, а никто не знает, как. Они все у меня в классе какие-то бестолковые, ни капельки инициативы. Только галдят. Не то, что были вы... Помнишь, каких прекрасных огнедышащих чертей вы мастерили во втором классе?

Джонни помнил. Он внутренне усмехнулся. Но он был джентльмен и не стал напоминать, что три года назад огнедышащие бесы из пенопласта и лампочек не вызывали у Инны Матвеевны столь большого восторга. Тем более что второклассники развлекались ими отнюдь не на празднике...

— Значит, чудовище...— задумчиво сказал он.

— Да! Женя, я дам тебе сценарий, он коротенький, ты его быстро прочитай, а после четвертого урока приходи к нам на классный час. Хорошо?

Джонни солидно кивнул.

— А почему ты к нам домой не заходишь, Женя? Так давно уже не был...

Джонни мигнул. Он умел себя сдерживать, но сейчас у него чуть-чуть не вырвалось:

«Спросите у Катьки».

И тогда, наверно, произошел бы такой разговор:

«У Кати? Женя... Неужели вы поссорились?»

«Вот еще...»

«А что же случилось?»

«Просто... как ни придешь — ее или дома нет, или торчит там Алхимик».

«Что за Алхимик?»

«Ну, этот... Вовка Шаповалов из Катькиной школы. Шестиклассник...»

«Ах, этот... Я поговорю с Катей. Он не очень мне нравится. Какой-то хулиганистый на вид».

«Что вы, Инна Матвеевна! Он нормальный парень! Он, знаете... такой целеустремленный. И способный. Мы с ним друг друга понимаем».

«Тогда почему нельзя дружить втроем?»

«Я это Катьке тоже говорил... И Алхимик, по-моему, говорил...»

«А она что?»

«Она?.. Да ну ее, Инна Матвеевна. Давайте лучше про чудовище...»

К счастью, этот горький и недостойный Джоннина характера диалог лишь стремительно прокрутился у него в голове и оборвался, будто пленка в испорченном магнитофоне.

— Уроков задают выше головы, Инна Матвеевна. Не третий класс,— неохотно сказал Джонни. И стал заталкивать в портфель мятую тетрадку со сценарием праздника.

Сценарий Джонни прочитал на уроке истории. Несколько раз он морщился, будто разжевал гнилую сливу.

Но на классном часе в третьем «Б», когда Инна Матвеевна рассадила и успокоила галдящих питомцев, Джонни сказал:

— Это хорошая пьеса. Ваша знакомая, Инна Матвеевна, просто настоящая писательница... Только у меня тут одно маленькое замечаньице. Можно?

Инна Матвеевна радостно закивала.

— Значит, тут что... Двоечник Федя попал в Тридевятое царство, и этот Змей-Горыныч должен его сожрать. Если Федя не решит задачку и не ответит на вопросы... А помогать Феде все ребята в зале должны, да?

— Совершенно верно. Это такой спектакль-игра...

— Игра хорошая,— вздохнул Джонни.— Только, наверно, ваша знакомая в школе давно училась. Сейчас программы посложнее. А тут задачка такая... уж совсем простенькая. Тут и думать нечего, даже двоечнику...

— Это, Женя, мы поправим. Нам главное — как со змеем быть!

— Я тоже думаю, как быть,— озабоченно произнес Джонни и обвел глазами класс. В классе было разнообразное настроение. Кто-то слушал, кто-то зевал, кто-то на задних партах затевал нешумные потасовки. Кто-то вполголоса беседовал о своих делах. Инна Матвеевна несколько раз громко призывала к спокойствию и обещала «взять дневники».

Джонни подумал и прямо сказал:

— Инна Матвеевна, вы ведь еще не обедали...

— Н-нет... А что?

— Вы сходи́те в столовую, пока там народу немного. А мы тут все обсудим.— Джонни глянул на Инну Матвеевну ясно и ласково. Именно поэтому она заволновалась. Но что она могла сделать? Спорить с Воробьевым, когда он за что-то берется всерьез, бессмысленно.

— Но... здесь все будет спокойно?

Джонни снисходительно улыбнулся:

— Как в тихий час в санатории для глухонемых.

Он проводил бывшую любимую учительницу (и Катькину маму) до двери, дверь прикрыл, повернулся на каблуках и отчетливо сказал третьему «Б»:

— Встать!

В третьем «Б» сидел всякий народ. Но среди всякого народа было человек семь, которые знали Джонни с детского сада. Люди из славной Джонниной армии — той, что не раз прославила себя хитрыми операциями с красивыми названиями, а Крепостную улицу и ближние переулки потрясала громовыми схватками в войне за справедливость.

Боевая дисциплина у этих ветеранов была в

крови. Они пружинисто рванулись из-за парт и вытянулись, преданно глядя на командира.

И весь класс поднялся за ними: кто-то по привычке, кто-то с испуга, кто-то решил, что идет завуч Василиса Рудольфовна.

— Смир-рно...— сказал Джонни.

Каблуки щелкнули, и надвинулась такая тишина, что стало слышно, как на четвертом этаже воспитательница с продленки жалобно требует вызвать чью-то маму. Это было неразумно: оттого и продленка на свете, что мамы на работе. Отметив про себя такую деталь, Джонни заговорил:

— Вольно... Только без писка. Черт знает что! Вроде бы третий класс, а будто ясли на прогулке. Небось в пионеры скоро будете вступать, отряд появится. Ну и отряд будет! Стадо розовых мартышек!.. Димка, я тебе похихикаю... Слушайте все. Вопросы решаем коротко... Тебе что?

Белобрысая тощая девочка тянула руку. Она что-то пискнула — совсем неразборчиво от робости. Но чуткий Джонни уловил суть.

— В музыкальную школу? Пожалуйста. Музыка — вещь важная, без нее никуда. Кому еще в музыкальную? Тоже можешь идти. Кому во всякие бассейны и секции? Ух ты, сколько чемпионов! Ладно, топайте... А кто просто хочет гулять? В операции «Горыныч» будут участвовать только добровольцы, дело опасное... Ну, чего остановились? Кто пошел — гуляйте. А ты куда? Нет, вот ты, со звездой на рукаве! Ты командир звездочки? Командиры остаются на местах. Что значит некогда? Зачем тогда тебя выбирали? Инна Матвеевна назначила? Ну и... правильно назначила, если сами своими головами ничего не можете решить. А по закону командира должна выбирать звездочка. Ну-ка, эта звездочка, поднимите руки!.. Так. Предлагаю перевыборы. По-моему, самый хороший командир будет Мишка Панин... Кто там пищит «тройки»? Выбирают не за отметки, а за руководящий талант... Кто за? Кто против? Ясно, Мишка у нас скромный. Итак, Панин — командир. А ты, мальчик, теперь гуляй с чистой совестью... Кому попадет? Мне?! Тебе попадет? Ничего, скажешь: «Воробьев провел перевыборы...» Все, ближе к делу! Кто пошел — тот пошел, а добровольцы сели... Встать. Я сказал «сели», а не «грохнулись, как скелеты с балкона»... Се-ли... Вот так. Приступаем к первому вопросу. Пьесу все читали? Понравилась?

«Добровольцы» молчали. Джоннины подчиненные презрительно, остальные — с вопросом в глазах и сомнениями в душе: какой ответ нужен решительному пятикласснику Воробьеву?

Джонни прошелся неторопливым взглядом по двум десяткам голов. И снисходительно сказал:

— Правильно. Пьеса «Федя и Змей-Горыныч» — чушь на рыбьем жире. Манная каша... Таких глупых двоечников не бывает. Да и вообще! Стоит ехать в Тридевятое царство, чтоб таблицу умножения учить... Только вы про это Инне Матвеевне ни слова. А то она скажет знакомой, которая писала, а та страдать начнет. Писатели — они такие. У меня знакомый поэт есть в десятом классе, дак с ним беда. Чуть покритикуешь, а он потом два дня ходит, как отравленная лошадь...

— А что делать?— спросил с передней парты Дима Васильков — давний Джоннин адъютант и соратник.

— Пьесу потихоньку переделаем,— пообещал Джонни.— Главное в конце. Это же свинство какое-то! Когда этот дурак Федя решает все задачки, Змей-Горыныч подыхает! Зачем?

— Жалко Горыныча,— сумрачно сказал Мишка Панин.

— В том-то и дело! Он в пьесе самый симпатичный... И вообще кто такой Змей-Горыныч? По своей породе это трехголовый дракон. Животное самое редкое. Таких животных надо в Красную книгу заносить и охранять, а не наоборот... Ну кто там пищит, что сказка? В сказках они тоже повывелись. За последнее время ни одной сказки со Змеем-Горынычем нет. Вот одну написали, да и то гробят зверя в конце. Надо, чтобы он не сдыхал, а подружился с Федей... Кто будет играть Федю?

— Он в бассейн ушел,— сказал Дима Васильков.

— А кто Горыныча играет, еще не назначали,— подал голос Панин.— Можно, я буду?

— Горыныча будут играть несколько человек,— разъяснил Джонни.— Это же громадина. Два человека надо, чтобы таскать такую махину, да по человеку на каждую голову.

Над партами взметнулись руки.

— Тогда я одну голову,— настаивал Панин.

— Ладно... Головы будут разные. Две пожилые, а одна молодая и веселая. Ну, вроде как мальчишка. Пускай ее зовут Степка или еще как-нибудь...

— Вовка!

— Лучше Никита!

— Сам ты Никита! Джонни, пускай Витька!

— Подумаем,— решил Джонни.— Эта голова раньше всех и подружится с Федей. И остальных уговорит... А играть ее лучше всего Юрику Молчанову, у него голос подходящий... А где Юрка?

Несколько человек нестройным хором объяснили, что Молчанов болеет уже две недели.

— Что с ним?

— Кажется, грипп...

— Не-а, он простыл...

— Или ангина...

— Или ангина,— передразнил Джонни.— Две недели человек болеет, а вы к нему зайти не можете!— Он говорил сурово, чтобы приглушить голос собственной совести.— Лодыри. Небось всякие сборы про дружбу и товарищество проводите, а тут...

— Я заходил. Он весь простуженный,— сказал Панин.— И голосу никакого, только сипит и шепчет.

— За столько времени один раз один Панин заходил,— хмуро проговорил Джонни.— В разные свои бассейны и музыкальные школы каждый день мотаетесь, а к человеку зайти...

— Мы с Вадиком тоже ходили,— жалобно оправдался Дима Васильков.— А его мама сказала, что он, может быть, заразный.

— Сами вы заразные. Ох, воспитывать вас и воспитывать... Ладно, слушайте задание. Операция «Горыныч», пункт номер один. Звездочка Панина пойдет на стройку у стадиона, там валяются куски проволоки. Нужны для каркаса. Остальные притащат из дома старые мешки (новые тоже можно) и всякий брезент. А все девочки — толстые иголки и нитки. Шить Горынычу шкуру.

— А огнем плеваться Горыныч будет?— спросили с задней парты.

— Огнедышащую часть я беру на себя. А вы вот что... Операция «Горыныч», пункт номер два. К субботе каждый принесет по десять донышек от консервных банок. Банки надо найти, а донышки аккуратно вырезать. Белые и желтые, золотистые... Ну что, сами не соображаете, зачем? Чешуя у дракона сама не вырастет... А те, кто сегодня ушел, принесут по пятнадцать донышек, нечего от общего дела увиливать... Теперь встали. Тихо, справа по одному — в раздевалку и по домам.

Девочка с похожими на облака бантами осторожно сообщила:

— Извините, но у нас еще вопрос на классном часе. Обсуждение успеваемости. Инна Матвеевна говорила...

— Пожалейте Инну Матвеевну,— нахмурился Джонни.— Сколько ей тут с вами толковать об одном и том же? У нее семья, ребенок... К тому же все равно полкласса разбежалось... А успеваемость надо не обсуждать, ее повышать надо.

— Как?— послышался робкий вопрос.

— Не словами, а делом. Я знаю один способ: с помощью пирамид... Только сперва посоветуюсь с Инной Матвеевной, а то вы тут нагородите фокусов...

Полупенни с корабликом

Маленький Юрик Молчанов был давним Джонниным адъютантом. Неизменным и беззаветным. Раньше он жил неподалеку от Джонни. Потом родители Юрика развелись, и он переехал с матерью к бабушке, в старый дом на краю оврага.

— Операция «Горыныч», пункт номер два,— сказал Джонни.— К субботе каждый принесет по десять донышек от консервных банок.

Дом был от Крепостной улицы за десять кварталов. Джонни заходил туда только один раз и, по правде говоря, не очень помнил дорогу.

Идти не хотелось. Беспокойства за Юрика Джонни не чувствовал. Простуда — дело обычное. Посидит Юрик дома, отдохнет от школьных забот, попьет чаю с вареньем — и снова на уроки.

Но не идти было нельзя. Всем известно, что Джонни — командир. У командира есть долг. Никуда не денешься. Особенно после того, как обругал третьеклассников за нечуткость. Лучше уж сходить, чтобы потом совесть не кололась и не кусалась. Джонни знал, какое это вредное существо — совесть. Связываться с ней — себе дороже...

Денек был серый и зябкий. На подстывшую грязь сеялись редкие снежинки. Порой за низкими облаками угадывалось солнце, но ненадолго. Чтобы не плутать в переулках, Джонни двинулся тропинкой вдоль оврага. Он долго продирался через ломкий бурьян, вдоль косых щелястых заборов, за которыми гавкали незнакомые псы. Шепотом чертыхался и отдирал от штанов ржавые колючки чертополоха.

Наконец он увидел дом Юрика. Дом стоял на самом краю оврага, а маленькая, похожая на граненый фонарь веранда вообще висела над пустотой. То есть не висела, конечно, а упиралась в бурьянный откос двумя тонкими столбами. Словно кто-то пристроил к старому, кособокому дому стеклянную избушку на курьих ногах.

Крыльцо выходило в заросший кленами переулок (листья с кленов давно облетели, но семена-крылышки висели гроздьями и с тихим звоном терлись друг о друга). Джонни не нашел кнопки звонка и поколотил в дверь с осыпавшимся деревянным узором. Подождал, сердито пожал плечами, хотел поколотить еще... В сторонке рядом с косыми воротами звякнула щеколдой калитка. И Джонни увидел Юрика.

Юрик был в мохнатой шапке, в накинутом широком ватнике. Из-под ватника торчали длинные ноги в красных байковых штанинах, толстых носках и громадных калошах. Юрик улыбался с нерешительной радостью.

— Я тебя в окошко увидел,— сказал он сипловато.— Иди сюда. Там дверь давно заколочена...

В доме пахло чистыми полами, влажной кадушкой из угла и березовыми листьями. Как у знакомой бабки Наташи, к которой Джонни заходил иногда в гости. Джонни увидел плетенные из тряпичных жгутов половики и начал торопливо дергать «молнии» на сапожках (их, как всегда, заедало). Юрик скинул ватник и калоши и теперь топтался рядом. Поверх красной теплой куртки он был обвязан крест-накрест пушистым платком.

— Я тебе бабушкины тапки дам,— сказал он.

— А бабушка в чем останется?— строго спросил Джонни и поймал себя на том, что неизвестно отчего стесняется.

Юрик тихонько засмеялся и объяснил:

— Бабушки дома нет. Она теперь на работу устроилась, дежурит в красном уголке при жэке... А мама тоже на работе, я совсем тут один,— добавил он. Видно, почуял Джоннину неловкость.

Джонни наконец стянул сапоги, снял куртку и шапку. Спросил, чтобы поддержать разговор:

— Чего это бабушка работать надумала? Она ведь уж... ну, пожилая совсем.

— Она на полставки. Сорок рублей — тоже заработок,— с незнакомой для Джонни серьезностью сказал Юрик.— Мама у отца деньги за меня брать не хочет, а жить-то надо...

Юрик переступил вязаными носками и вздохнул. Он казался очень тонким, несмотря на байковый костюм и платок. За окнами темнело, в кухне горела яркая лампочка. От этой лампочки Юркино лицо было совсем бледным. На скулах проступили еле заметные веснушки.

Джонни ощутил что-то вроде виноватости перед верным своим адъютантом. И подумал, что ничего он толком о Юркиной жизни не знает.

— С отцом, значит, совсем не встречаетесь?— тихонько спросил он.

— Мама его видеть не хочет, раз он... с другой женой теперь... А когда мамы нет, он приезжает... Два раза. Меня на мотоцикле катал... Джонни, ну чего мы на кухне стоим? Пошли!

В комнате тоже горел свет. На старинной кровати с медными шариками лежало скомканное одеяло, на одеяле — замусоленная книжка «Урфин Джюс и деревянные солдаты». Юрик проговорил торопливо и опять сипловато:

— Джонни, ты садись. Вот хорошо, что пришел...

Джонни сел на краешек кровати (кровать задребезжала сеткой). Хмуро объяснил:

— Эти балбесы только сегодня сказали, что болеешь... Ангина или ОРЗ?

— Пневмония,— с оттенком гордости откликнулся Юрик.— Меня бабушка малиновым вареньем лечит, а мама антибиотиками... Только это варенье они прячут, когда уходят. Говорят: «Налопаешься его, вспотеешь и еще пуще простынешь». А смородиновое не прячут. Будешь со смородиновым чай пить?

— Буду,— решительно сказал Джонни. Во-первых, надо было прогнать дурацкую неловкость. Во-вторых, ни в школе, ни дома он не успел пообедать.— А поесть у тебя что-нибудь найдется?

Юрик заморгал.

— Только манная каша...

Джонни тихо передернулся.

— Я ее сам не ем,— виновато прошептал Юрик.— Мне оставят, а я так... Лучше уж чай.

— Значит, до вечера голодным сидишь?— почти по-настоящему возмутился Джонни.— И ничего приготовить не можешь?— Потом спохватился, вспомнив собственное раннее детство:— Или тебе не велят газ включать?

Юрик улыбнулся, блеснули ровненькие зубы (а летом он был щербатый):

— У нас электрическая плита... Почему не велят? Что я, дитя малое? Просто... Что готовить-то?

— Что готовить! А говоришь, не дитя... Картошка есть в доме? Чистить умеешь?

— Умею... Как-то не додумался.

— Пошли!

Если надо специально сидеть и разговаривать, бывает, что беседа не клеится. А за работой разговор идет сам собой.

Джонни и Юрик устроились на корточках перед корзиной с картошкой. Очистки сыпались на старую газету. Голые картофелины плюхались в кастрюлю, как веселые купальщики в бассейн. Джоннины — почаще, Юркины — не так быстро. Но все же Юрик чистил неплохо, старательно. Джонни его похвалил между делом и продолжал рассказ о пирамидах. О скандале в классе. И о том, как пирамида помогла директору выиграть шахматную встречу.

— Ну, правда, он и раньше играл неплохо,— признал Джонни заслуги противника.

— Удивительно,— вздохнул Юрик.

— Что?— не понял Джонни. Он подумал: может,

Юрик считает удивительным, что он, Джонни, играет в шахматы с директором?

Но Юрик говорил не про то. Он знал, что Джонни мог бы сыграть и с самим школьным министром.

— Удивительно, зачем этим древним египтянцам такие пирамидищи?— Он поднял на Джонни очень серьезные глаза.— Вот этого я не понимаю...

— Это же фараоны велели для себя строить. Они думали, что если такие знаменитые, значит, памятник после смерти должен быть громадный.

Юрик пожал плечами, и пушистый платок на нем как-то зябко шевельнулся.

— А зачем громадный памятник, если человек умер? Вот когда у нас дедушка умер... а он знаешь какой знаменитый врач был на весь город... ему совсем небольшой памятник сделали. Просто камень — вот такой.— Юрик поднял над собой ладошку с ножом.

Джонни почуял Юркину печаль и какую-то тревогу. Он сказал осторожно, даже чуточку ласково:

— Ну, ты, Юрка, подумай. Фараоны же ничего хорошего на свете не делали, только народ угнетали, их никто без пирамид и не запомнил бы. На́ фиг они нужны? А твоего дедушку и так все помнят, он вон сколько хорошего разным людям сделал.

— Ага... он хороший был врач...— шепотом отозвался Юрик и опять взялся за картошку.— Всех лечил. Только себя не смог. Он от легких умер... Джонни, а бабушка за меня боится, что у меня легкие такие же слабые. По наследству.

Чтобы с размаха успокоить Юрика, Джонни сказал сурово и не очень обдуманно:

— Вот уж ерунда! Наследственность от деда не бывает, она бывает от отца!

И сразу понял: об отце-то лишний раз не надо бы... Он досадливо покряхтел и пробормотал:

— Ну, хватит уж. Давай сковородку.

На сковороде под широкой эмалированной миской нарезанная картошка шипела, потрескивала, бормотала. Из-под миски постреливали капельки масла. От шкворчащих звуков на кухне было очень уютно.

За окнами тоже было хорошо. К вечеру облака разбежались, теперь над кухонной разноцветной занавеской был виден зеленоватый закат, а повыше заката светил похожий чем-то на Юрика месяц — тоже тоненький и бледный. Юрик сидел у блестящей белой плиты и смешно морщился, когда стреляло масло. Но не отодвигался. Он увидел, что Джонни смотрит в окно, и сказал:

— Я люблю, когда тонкий месяц...

— Я тоже,— признался Джонни.— Он такой... сказочный немножко.

— Ага... А бывает еще тоньше. Совсем вот такой. И тогда знаешь что бывает? Внутри у этого месяца такой серый круг, чуть заметный. Джонни, ты видел?

— Видел. Это темная Луна. Она от нашей Земли свет отражает, поэтому ее видно немножко. Это лучше всего зимой смотреть...

— Да... Джонни, а один раз я видел знаешь что? Месяц вот совсем тоненький, будто ниточка. А вокруг того темного круга тоже ниточка светится, еще тоньше. Будто золотистый волосок.

— Такого я не помню,— признался Джонни.

— А я видел. Правда!

— Это, наверно, верхушки на лунных горах светились,— сказал Джонни.— На границе света и тени. Я где-то читал про такое... Эта граница как-то по-научному называется. Что-то вроде термометра... А, терминатор!

Юрик, вывернув шею, все смотрел в окошко. Покачал ногой, пожалел:

— Досадно только, что месяц редко такой тонкий бывает... А зато, когда потолстеет, он похож на кораблик. Я с ним играю.

— Как?— удивился Джонни.

— Ну...— Юрик засмущался, громко ойкнул от очередной капельки масла, потер щеку, а потом рассказал все-таки:— Это простая игра. Я спать лягу, а он из-за края окошка выплывает. Тихо-тихо так... Сперва нос, потом серединка, потом весь. Надо только головой не шевелить и смотреть одним глазом, а потом правый глаз закроешь, а левый откроешь — и месяц опять спрятался. И снова потихоньку показывается...

«Надо попробовать»,— подумал Джонни. И вдруг встревожился, даже обиделся за Юрика:

— А разве ты на кухне спишь? В комнатах-то окна в другую сторону!

— Я...— Юрик запнулся. Потерся острым подбородком о платок на плече. Тихонько признался:— У меня каюта есть... Морская. Хочешь, покажу?

Если выражаться точно, это была не каюта, а скорее корабельная рубка. Она располагалась внутри стеклянного «фонаря». С трех сторон светились прозрачные стенки в частых переплетах. За стеклами виден был дальний берег оврага с черными крышами и тополями. И месяц, конечно. Сейчас месяц казался гораздо ярче, потому что на него смотрели из темноты.

Юрик зажег лампочку. Она была слабая, желтоватая, но Джонни сразу увидел главное — штурвальное колесо посреди рубки. Конечно, колесо было не настоящее. Оно было велосипедное, с примотанными к спицам деревянными рукоятками. Рукоятки Юрик, видимо, выстругивал сам — они сохранили следы тупого кухонного ножа. Держалось колесо на сколоченной из досок стойке. К этой же стойке была прибита неструганая полочка, и на ней лежал маленький школьный компас. От пола к потолку уходила веревочная лесенка — будто ванты на парусном корабле.

Джонни мельком отметил про себя, что все это можно было сделать лучше. Аккуратнее, красивее и грамотнее. Но если не придираться, здесь было неплохо. Да и что требовать от малыша Молчанова!

Джонни осторожно покрутил штурвал и сказал с уважением:

— Хорошо тут у тебя. Все как по правде...

Юрик заулыбался, вытащил из-за штурвальной стойки пухлую конторскую книгу.

— А вот еще... Это будто вахтенный журнал. Только я в него ничего не пишу, а наклеиваю. Я все про всякие корабли собираю.

В «журнале» были открытки и марки, фотографии из журналов — с фрегатами и эсминцами, подводными лодками и старинными каравеллами. Были газетные вырезки с заметками про морские приключения и аварии. А еще смешные картинки про разные случаи из морской жизни.

Джонни стало по-настоящему интересно. Сначала он листал стоя. Потом оглянулся, куда бы присесть. Увидел у стены голую раскладушку.

— Я на́ ней сплю,— объяснил Юрик.— То есть спал. Летом... Сейчас не разрешают, потому что здесь во все щели дует. Бабушка говорит, что я здесь и простудился...

— Ты давай не очень свою простуду затягивай,— предупредил Джонни.— Тебе нельзя с хриплым голосом. Кто будет Степку играть?

— Что... играть?

— Ой, я же не рассказал!.. Пошли, а то картошка подгорит.

Картошка не подгорела. Она оказалась в самый раз. Половину они съели, а половину оставили маме и бабушке («Вот удивятся!— радовался Юрик.— И не надо будет с ужином возиться»). Пока расправлялись с картошкой, Джонни рассказал про операцию «Горыныч». И про то, что голову Степку должен обязательно играть Юрка. Она, эта голова, должна будет песенки петь, а у Юрки вон какой голос певучий. Он еще в детском садике на утренниках с этим голосом выступал.

Юрик всю историю слушал весело, но под конец загрустил.

— Наверно, у меня не получится,— прошептал он.

— Получится,— твердо сказал Джонни.— В твоем возрасте все люди талантливые.

— Ну и что, что талантливые... А меня, наверно, в санаторий до самых каникул отправят и даже еще на каникулы. Врач сказала, что надо в санатории лечить, мама сейчас о путевке хлопочет. Это зимний санаторий «Березка». Для ребят. Там и школа есть.

— Жалко...— озадаченно сказал Джонни. И спохватился:— Ну, ничего. Зато вылечишься как надо. И там интересно, народу много. Это вроде пионерского лагеря.

Юрик, однако, не развеселился.

— А я в лагере ни разу не был... Джонни, мне что-то даже и не хочется. Дома, наверно, лучше. Я как-то привык...

И Джонни сразу понял: Юрик заранее боится, что будет скучать. По дому, по ребятам в классе, по своим кораблям. По маме и бабушке. И ведь в самом деле будет, никуда от этого не денешься. Такое почти с каждым бывает, кто уезжает надолго и впервые. И сам Джонни вроде не тихий мальчик, не плакса, а первые вечера в лагере, после отбоя... Да чего уж там...

Негромко и очень серьезно Джонни сказал:

— Надо перетерпеть, Юрик. Раз уж такое дело.

— Ага. Я буду... пере... терпливать. А может, еще и не получим путевку.

— Если поедешь, возьми с собой вахтенный журнал. Будешь и в санатории кораблики наклеивать.

— Ага, я буду...

Юрик сказал это так печально, что Джонни почувствовал себя виноватым. Ему, Джонни, покидать родной дом не надо было. А помочь Юрику он не мог. И утешить ничем не мог... Хотя...

Он полез в карман.

— Юрик! Раз ты все про корабли собираешь, я тебе одну штуку подарю. Вот...— Джонни раскрыл кулак. На ладони лежала желтая, размером с пятак монетка.

Но это был не пятак, а британский полупенни 1957 года (HALF PENNY — было написано по кругу. Значит, половинка пенса, английский грош). Летом на Джоннин день рождения монетку подарила Катька. Подарила и тут же спросила:

«Правда, я на нее похожа?» — и ткнула в крошечный профиль королевы Елизаветы.

Джонни совсем не хотелось в этот праздничный день ссориться. Но правда была дороже, и он осторожно сказал:

«М-м... У тебя нос кверху закорючкой, а у нее вон какой рубильник».

«Ну, подумаешь, нос. Зато шея похожа. И волосы... Особенно ленты».

Джонни с облегчением согласился, что ленты похожи. И сунул полупенни в карман. Так эта денежка и кочевала у него по карманам. Ни на что другое она не годилась: коллекции монет у Джонни не было, а сменять полупенни на что-нибудь интересное как-то неловко. Подарок все-таки.

Но сейчас Джонни отдал монетку без раздумий. Ну и пусть подарок! Во-первых, он не главный, потому что Катька подарила еще книгу «Квентин Дорвард» из «Библиотеки приключений». Во-вторых, у него монетка все равно без дела, а Юрка обрадуется. В-третьих, пускай Катька дарит подарки Алхимику, а Джонни как-нибудь обойдется.

Юрик взял полупенни и даже дышать перестал. Конечно, не из-за королевы. На другой стороне был отчеканен старинный фрегат. Маленький, но такой... такой весь аккуратненький, четкий. Даже все ступеньки на вантах различимы, даже узор на вымпеле.

Юрик целую минуту смотрел на кораблик, улыбался и тихо качал монетку на ладони. Потом поднял на Джонни глаза. И глазами нерешительно спрашивал: «Это правда мне?.. А тебе не жалко?»

— Бери, бери,— сказал Джонни.— Я в них все равно не разбираюсь, а тебе пригодится.

— Это, кажется, «Золотая лань» Фрэнсиса Дрейка,— прошептал Юрик и погладил кораблик мизинцем.— Я на картинке видел.

— Вот и хорошо, что «Золотая лань»... Ладно, Юрка, я домой двинусь. Аннушка столько примеров задала решать! Это потому, что самостоятельную работу в классе сорвали.

— А ты под пирамидой решай.

— Я и так... В журнале написано, что эти пирамиды во всех делах помогают.

— Надо мне тоже попробовать,— сказал Юрик.

Он опять натянул ватник и шапку, сунул ноги в калоши и проводил Джонни до дверей. Из сеней пахнуло холодом.

— Смотри опять не застудись,— ворчливо сказал Джонни.

— Ничего, я закутанный... Джонни...

— Что?

— Я забыл сказать... Спасибо за кораблик.

— Да ладно...— пробормотал Джонни и опять ощутил непонятную неловкость. Мельком глянул в лицо Юрика. Он привык смотреть на него сверху, но теперь Юркины глаза были почти вровень с Джонниными. Потому что Юрик стоял на пороге... Но нет, не на пороге он стоял: Джонни машинально посмотрел на Юркины калоши и увидел, что они на половицах. Рядом с Джонниными сапогами.

И наконец Джонни понял, почему Юрка сегодня кажется странным и чуточку незнакомым. Он очень вырос. Неужели за эти две недели? Или просто Джонни раньше не замечал?

«Когда люди болеют, они быстро растут,— подумал Джонни,— это все говорят».

Юрик сказал:

— Ты сейчас иди по этой улице до угла, там свернешь и сразу увидишь клуб строителей. А от него автобус прямо до Крепостной.

— Да ну его, этот автобус, он два раза в сутки ходит. Я пешком, напрямую...

— Тут переулки запутанные, а фонарей нет...

— По звездам дорогу найду,— усмехнулся Джонни.

Юрик вежливо засмеялся шутке.

— Да правда по звездам,— сказал Джонни.— Крепостной холм как раз на севере. По Полярной звезде доберусь.

— Ты все звезды знаешь?

— Да ну, все... Полярную да еще Большую

Джонни осторожно покрутил штурвал и сказал с уважением:
— Хорошо тут у тебя. Все как по правде...

Медведицу, созвездие. Мне хватает... А Вовка Алхимик — он правда все созвездия сразу определяет. У него карта специальная есть...— Джонни и сам не знал, чего опять вспомнил Алхимика.

— А раньше еще звездные глобусы были. Старинные,— сказал Юрик.— Я видел в книге про Колумба.

— Они и сейчас есть,— возразил Джонни.

— Сейчас? По-моему, нету...

— Есть,— сказал Джонни.— Я сам видел в Москве. Там такой музей, называется «Выставка Морфлота», в старой церкви на Сретенке. В нем всего много: модели всякие, карты, приборы штурманские. И глобус тоже. Вот такой, не очень

большой, в ящике. Желтый, а звезды на нем черные... Он для того, чтобы по звездам в море путь прокладывать...

У Юрика глаза сделались большие и темные.

— А еще что там есть?— спросил он шепотом.

— Еще?.. Ой, Юрка, там еще корабельная рубка есть! Как у тебя. Только настоящая, с ледокола.

— Я и не знал, что в Москве такой музей есть... Вот бы побывать!

— Поедешь в Москву и побываешь.

— Я туда редко езжу. Маме некогда, бабушка говорит, что болеет... Я последний раз был давно, еще в первом классе...

Что мог сказать Джонни? Он, конечно, сказал:

— Можем вдвоем съездить! Тебя отпустят?

Юрик просиял:

— Меня с тобой хоть куда отпустят!

— Мы там несколько дней можем прожить!— вдохновился Джонни.— У Веры, у моей сестры двоюродной. Помнишь, в детском саду работала? Мы с ее мужем, с Валентином Эдуардовичем, знаешь какие друзья! Это тот, которому я прошлым летом нечаянно лысину покрасил. Помнишь?

Юрик радостно закивал. Как не помнить эту замечательную историю!

— Надо ему новый рецепт от облысения отвезти,— деловито сказал Джонни.— Древнегреческий. Вода, вскипяченная с семенами редьки. Я в одной газете вычитал...

— А когда поедем?

— Вернешься из санатория, и поедем. Дело нехитрое.

— Я в санатории буду дни считать,— серьезно сказал Юрик.

— Лучше не считай. Тогда они быстрее побегут,— посоветовал Джонни.— Ладно, Юрик, я пошел.

...Грязь окаменела от холода, снежная пыль на земляных комках серебрилась, когда из окон падал свет. И на дороге в застывших колеях блестела остекленевшая вода. Иногда в этих узких зеркальцах отражался месяц. Он светил Джонни в левую щеку. А впереди, под волокнистым облаком, Джонни разыскал Полярную звезду. И улыбнулся. И подумал: «Почему это я не хотел идти к Юрику? Вон как хорошо все получилось».

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Мкртич КОРЮН

БАСНИ

Образованная Мышь

С хлебной корочкой к Мышонку
Пробиралась в норку Мышь.
Вдруг за нею Кот вдогонку:
— Не уйдешь из лап,
Шалишь!..

Оказалась Мышь, однако,
Не из робкого числа
И — представьте! — как собака,
Громко лаять начала.

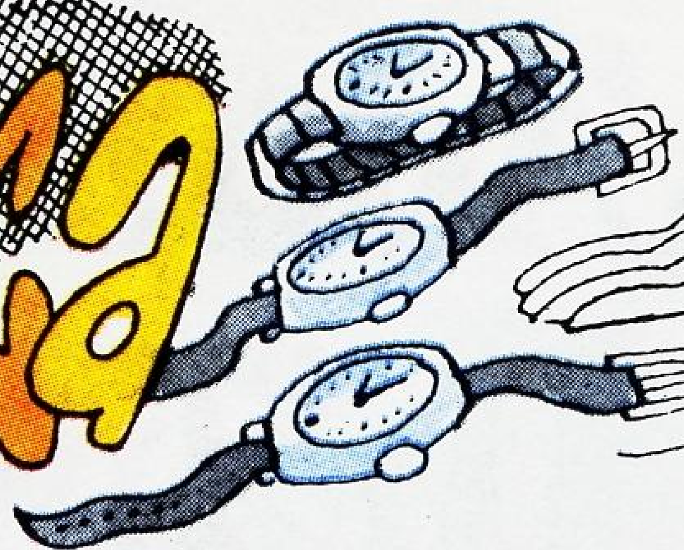
Пораженный этим фактом,
Под собой не чуя ног,
От испуга или как там —
Кот пустился наутек.

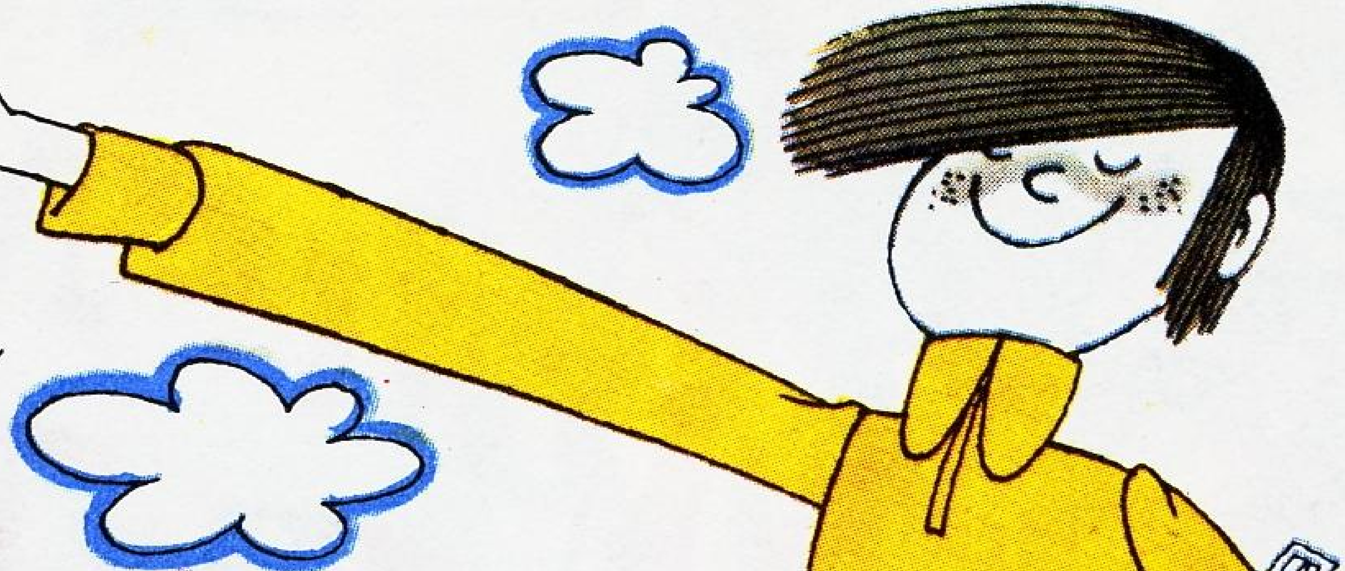
А Мышонку в поученье
Мышь сказала:
— Будь толков.
Понял пользу изученья
Иностранных языков?!

Цена Князя

В Севан,
Случайно оступясь,
Свалился подгулявший Князь.
«На помощь! — он вопил.— Тону!»
Он как топор пошел ко дну.
Но тут, явив отвагу,
Какой-то парень молодой
Вдруг распластался под водой
И вытащил беднягу.
Спасителю,
умерив дрожь,
Кидает Князь потертый грош.
Таким бесстыдством поражен,
В порыве осужденья
Гудит народ
Со всех сторон:
— Мала ж цена спасенья!..
И только старый дед-рыбак
Заметил, между прочим, так
(Он видел эту сцену):
— Нет, Князя не хулите зря.
Себе-то, честно говоря,
Он лучше знает цену.

Перевел с армянского
Борис ГАЙКОВИЧ.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель: Придумай существительное, оканчивающееся на мягкий знак!
Ученик: Ужасть!

Рушан Курбанов,
Саратовская область.

* * *

Учитель: Напиши предложение со словом «посеять»!
Ученик: Три дня тому назад я «посеял» свои часы...

Л. Кузина,
г. Москва.

* * *

Учитель: Сочини короткий рассказ о волках!
Ученик: В лесу я увидел **семь** волков, **оба** они были серые. Я схватил палку, и он убежал...

Нелли Рябых,
г. Воронеж.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель: Что ты знаешь о Робин Гуде?
Ученик: Робин Гуд жил в лесах и охотился на феодалов.

Жанна Генералова,
г. Караганда.

* * *

Учитель: Какими орудиями труда пользовались древние люди?
Ученик: Они пользовались деревянными железками.

Елена Курасова,
г. Владивосток.

НА УРОКАХ ЗООЛОГИИ

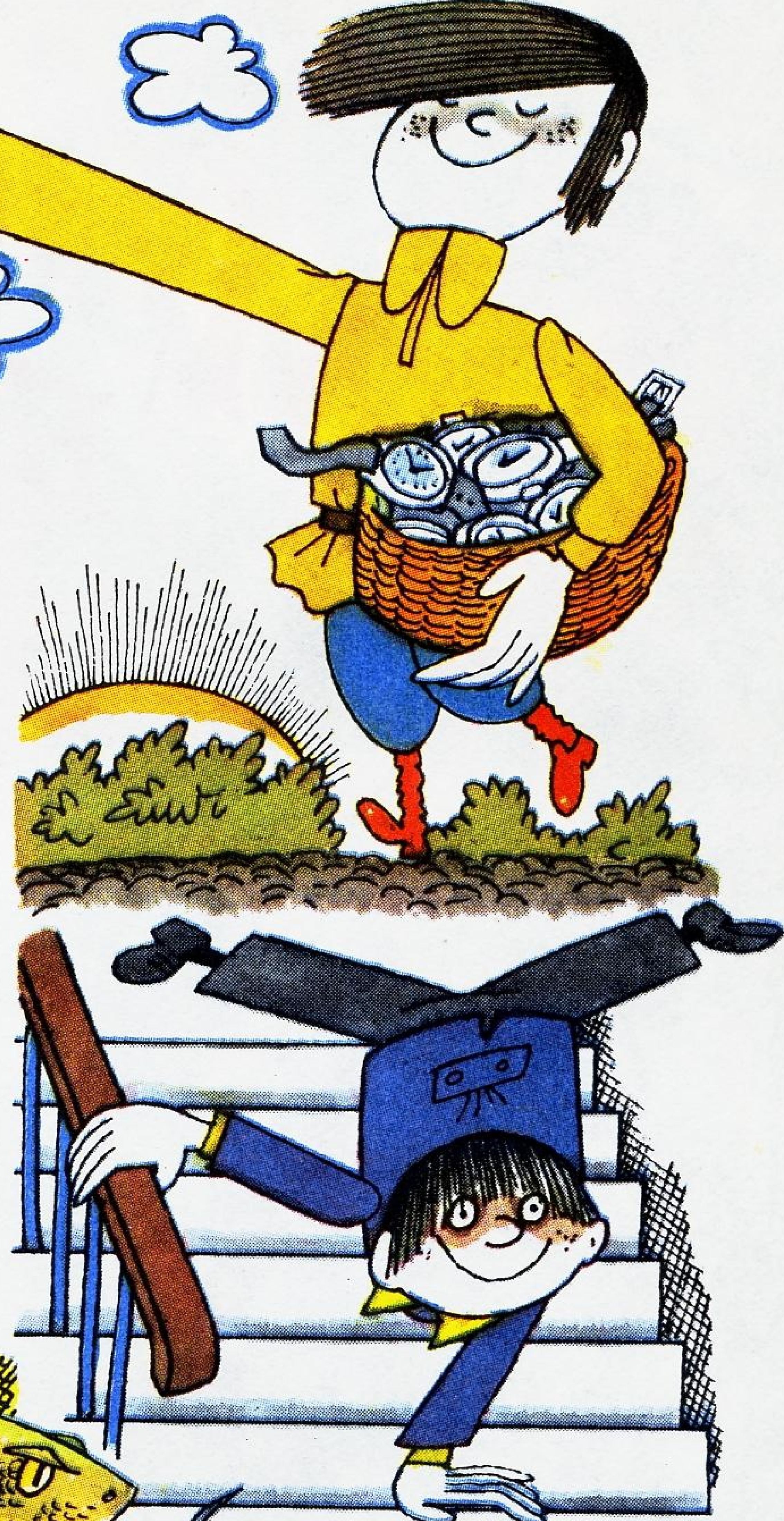
Учитель: Какие у лося рога?
Ученик: Большие, лопоухие.

Катя Карпова,
г. Волгоград.

* * *

Учитель: За кем охотятся змеи?
Ученик: Змеи охотятся за человеком, а также за другими мелкими животными.

Таня Изотова,
Грузинская ССР.

Из школьных сочинений

«Он приобрел себе собаку, когда был еще щенком».
«У нее были длинные и стройные загорелые глаза».
«Ивашка вскочил на лошадь и, заржав, поскакал по полю».
«Собака, увидав баркас, залилась радостным смехом».
«Утки сидели у корыта и ждали доярку».
«Вдали чернело что-то белое».
«Одной рукой он держался за перила, а другой спускался по лестнице».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЁНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Мой младший брат Петричек

Когда я была маленькой, мы с мамой часто ездили в гости к тете. Наш путь лежал мимо старого дома. На первом этаже его меня ожидало окно, за которым жила сказка. Встав на цыпочки, я могла заглянуть в комнату. Чего только там не было! Большая вольера, кадки с фикусами, лианы, закрывавшие стены, цветные кольца, подвешенные к потолку... Но самым-самым интересным в той комнате были ее обитатели: большие и маленькие разноцветные птицы. Они щебетали, свистели, пели, кричали, смеялись совсем по-человечески и даже говорили человеческими голосами.

Потом мы уехали в другой город. Но мой детский восторг перед попугаями остался на всю жизнь. Став постарше, уже в школе, я твердо решила: у меня будут жить попугаи. Квартира наша была в то время небольшой, и я попросила папу (маму просить было бесполезно) купить мне двух или хотя бы одного — ну хоть самого малюсенького! — попугайчика. Папа заговорщически подмигнул, и в ближайшее воскресенье на нашем подоконнике стояла клетка с двумя волнистыми попугаями, тайно от мамы купленными на птичьем рынке. Я радовалась безмерно, а они — зеленый и голубой комочки — сидели нахохлившиеся, невеселые, топорща перышки на животах... Я «задала» птицам корм, но они даже не притронулись к нему. На следующий день птицы погибли.

Позже я узнала, отчего умерли мои птички. Они были простужены. Тогда я не догадывалась, как выбирать при покупке попугаев, не умела отличить здоровых птиц от больных. У здоровых попугайчиков перья плотно прилегают к телу, глаза живые и блестящие, крылья не висят и прижаты к туловищу. На восковице клюва нет никаких наростов.

А может быть, на моих птиц плохо повлияла клетка? Я хорошо ее запомнила: нарядная, из медных прутьев. Если б я могла знать тогда, что медная клетка смертельна для птиц!

Вполне возможно, наконец, что мои птицы простудились. Дело было осенью, дул холодный ветер, а я — полная невежда! — повезла их через город, даже не обернув клетку тряпками...

Пять лет тому назад, когда в погожее майское утро наша семья садилась за стол завтракать, в форточку влетел... Нет, даже не влетел, а будто съехал на санках с горки и остановился прямо посередине обеденного стола маленький гость. Это был волнистый попугайчик с желтой грудкой и длинным синим хвостиком. Сверкнув крошечным глазом-бусинкой, он сказал:

— Петричек. Хочу кушать!

Мы обомлели. Мало того, что гость представился, он еще и есть попросил. И как кстати прилетел — к завтраку!

Мама подала Петричеку молочную кашу на блюдце, затем поставила тарелки перед отцом и мной. Попугайчик поклевал кашу, потом вспорхнул и принялся исследовать наше жилье: походил у стола, у плиты, перебрался в прихожую — и полетел по квартире.

Мне было уже не до завтрака. На память пришло то злосчастное воскресенье, когда мы с папой принесли в дом попугайчиков...

Закрыв все форточки, я попросила родителей не открывать ни окон, ни дверей и помчалась в зоомагазин. Посоветовавшись с продавцом, я купила никелированную клетку с выдвижным поддоном и кормушкой. Еще я купила корм: зерновую смесь № 3 (по совету того

же продавца) и минеральную подкормку (толченый мел, промытый речной песок). Узнав, сколько зерна давать птице, я поехала домой. Оставила покупки и отправилась в ближайшую библиотеку. К счастью, там оказалась хорошая книга — «Попугаи» А. И. Рахманова.

В тот день я узнала многое. Например, что если птиц кормить неправильно, они заболевают и гибнут. Основа их питания: зерно. Прежде всего просо. Затем овес, часть которого надо парить. Годятся зерна пшеницы, ячмень. Совсем понемногу надо давать семечки подсолнуха, орехи. И каша, которой мы накормили Петричека утром, должна появляться перед ним отнюдь не каждый день, а, скажем, раз в два-три дня. Не чаще можно кормить птиц желтком крутого яйца, творогом, белым хлебом, сухарями. Я узнала, что волнистые попугайчики очень любят фрукты, овощи, зелень, ягоды. Все это им надо давать в неограниченном количестве. И минеральные корма всегда должны стоять в клетке.

Попугайчик, оказывается, съедает всего лишь полторы чайной ложки корма в день. Класть корма (основной, минеральный, добавочный и овощной) надо раздельно и **всегда в одно и то же время.**

В клетке всегда должна быть вода, чистая и комнатной температуры. Менять ее надо ежедневно и следить за тем, чтобы на поилке не скапливалась слизь.

Но самым удивительным в книжке было сообщение о том, что способность волнистых попугайчиков к обучению невелика. В лучшем случае они могут произносить два-три слова.

Я обиделась за Петричека, будто знала его давным-давно и сама обучала человеческой речи. Он умел говорить многие фразы, и всегда кстати. Когда мы ели, он просил: «Хочу кушать», «Дайте мне кашки!». Когда папа читал газету, он садился к нему на плечо и спрашивал: «Ну что там еще?» Попугайчик здоровался, прощался. Позже мы научили его фразе: «Ну что же ты?» На редкость способной птичкой он оказался!

Отношение Петричека к членам нашей семьи разное. Папу он уважает, но больше всех любит маму. А уж мама! Эх, да что там говорить: с тех пор, как попугайчик поселился у нас, я потеряла статус единственного ребенка в семье. Любимым и «единственным» стал Петричек. Я и не знаю, кто он больше: баловень или баловник. Будто младший братишка у меня появился, заколдованный в птичку. Ко мне, кстати, он относится как к старшей сестре: и слушается не очень (скорее делает вид, что слушается), и побаловаться норовит — то на книжку сядет, когда я ее читаю, то перед зеркалом начнет летать именно тогда, когда я в него смотрюсь. Ни маме, ни папе он такого не устраивает, ни-ни! Безобразник Петричек!

Есть у нашего малыша свои игрушки. Среди них — молочная посуда, стоящая на подоконнике, и трехлитровая банка. Он перешагивает с бутылки на бутылку, а в банку он ныряет, потом, чуточку побарахтавшись, вылезает из нее, нахохлившись.

Волнистые попугайчики очень любят купаться, и наша птица — не исключение. Каждое утро я прикрепляю купалочку с чистой водой к специальному отверстию в клетке. (Вода, конечно, комнатной температуры.) Еще Петричек любит, когда его купает под краном мама. Он садится к ней на руку, передвигается на ладонь, и когда струя воды бьет маме в пальцы, а брызги рикошетом летят на Петричека, он прямо-таки нежится под ними, поворачиваясь то одним, то другим боком. Потом, отяжелев от воды, сидит в ванной на полотенце и сохнет...

Сейчас, когда я пишу эти строки, Петричек летает рядом.

— Только этого еще не хватало, уходи со стола, не мешай! — строго говорю я ему.

Но Петричек всматривается в бумаги и вдруг произносит:

— Петричек хороший мальчик!

Я смеюсь и соглашаюсь с ним.

Е. ПЛЕТНЕВА

Вместе с потоком людей я поднялась по широкой, из белого мрамора лестнице. Из-за раскрытых настежь дверей повеяло холодом. Я перешагнула порог и очутилась в ледяных апартаментах. Что это? Уж не владения ли Снежной Королевы? Не очень тепло принимает хозяйка гостей. Зато как тут красиво! Вместо пола гладкий, блестящий, как зеркало, лед, вместо одной из стен переливающийся, играющий множеством огоньков занавес. Вот он зашевелился, распахнулся, и на льду появился... Светофор.

— Дайте руку,— сказал он мне человеческим голосом.— Я покажу вам наши чудеса.

Я с радостью доверилась ему: в незнакомом месте чувствуешь себя как-то увереннее, если рядом с тобой... Светофор.

Но тут зазвонил обычный театральный звонок.

— Прошу прощения, вынужден вас оставить,— вежливо извинился Светофор и, предложив на трибуне для зрителей место поудобнее, удалился.

Заиграла музыка, и из покоев Снежной Королевы выехали на лед юные фигуристы. Среди них был и мой новый знакомый, Светофор: он оказался главным героем спектакля «Я шагаю по Москве», который поставил в Ледовом дворце автомобильного завода имени Ленинского комсомола детский театр на льду.

* * *

Как в любой спортивной секции, в детской школе фигурного катания автозаводцев были свои лидеры, но были и такие ребята, у которых, несмотря на все старание, никак не получались «тройной тулуп», «лутц», «аксель» или рисунок в обязательных упражнениях. Но и они немало умели, были неплохими фигуристами, только не спортсменами, а скорее артистами.

Вот и решили из них собрать труппу детского театра на льду. Написали сценарий, пригласили режиссера — Нинель Михайловну Самсонову.

Позже, когда Светофор познакомил меня с нею, я узнала, что Нинель Самсонова — балерина, окончила хореографическое училище при Большом театре, а затем танцевала в знаменитом ансамбле Игоря Моисеева.

— Когда же вы научились кататься на коньках? — спросила я у нее.

— А я и сейчас не умею,— решительно ответила балерина.

Оказывается, все до одного движения в спектаклях и композициях Нинель Михайловна придумывает и рисует на бумаге, а потом показывает на паркете тренерам. А уж они-то подсказывают, как лучше сделать поворот, дорожку, вращение, прыжок или поддержку на льду — с какой ноги, с какого ребра конька. Словом, разрабатывают технику.

В царстве Снежной Королевы, или Чудеса искусственного льда

Пройдет время, и зрители увидят выразительный, уверенный, легкий танец на льду, забудут, что перед ними не сказочные герои, а всего лишь юные фигуристы.

— Знаете, как добиваются ребята этой кажущейся легкости? — говорит Нинель Михайловна.— Они тренируются на льду каждый день по полтора часа.

— Неужели не устают? — спрашиваю я.

— Конечно, мерить шагами вечерние улицы и переулки или гонять шайбу во дворе легче,— пожав плечами, отвечает художественный руководитель.

...Вы помните еще то время, когда вам бабушки и мамы рассказывали сказки? Я вот уже забыла. И не вспомнила бы, если бы не Нинель Михайловна. Она рассказала, как ставился в театре «Щелкунчик» по сказке Гофмана, а получилось, что рассказала сказку! Не только рассказала, но и показала.

Я увидела, каким неловким и уродливым был Щелкунчик. Каким изящным он стал. Как танцует китайский танец Принц Лимон с чашечками, как движутся маленькие цукатики и драже...

Так рассказывать сказки, честно говоря, моя бабушка не умела...

* * *

А на сцене продолжается спектакль.

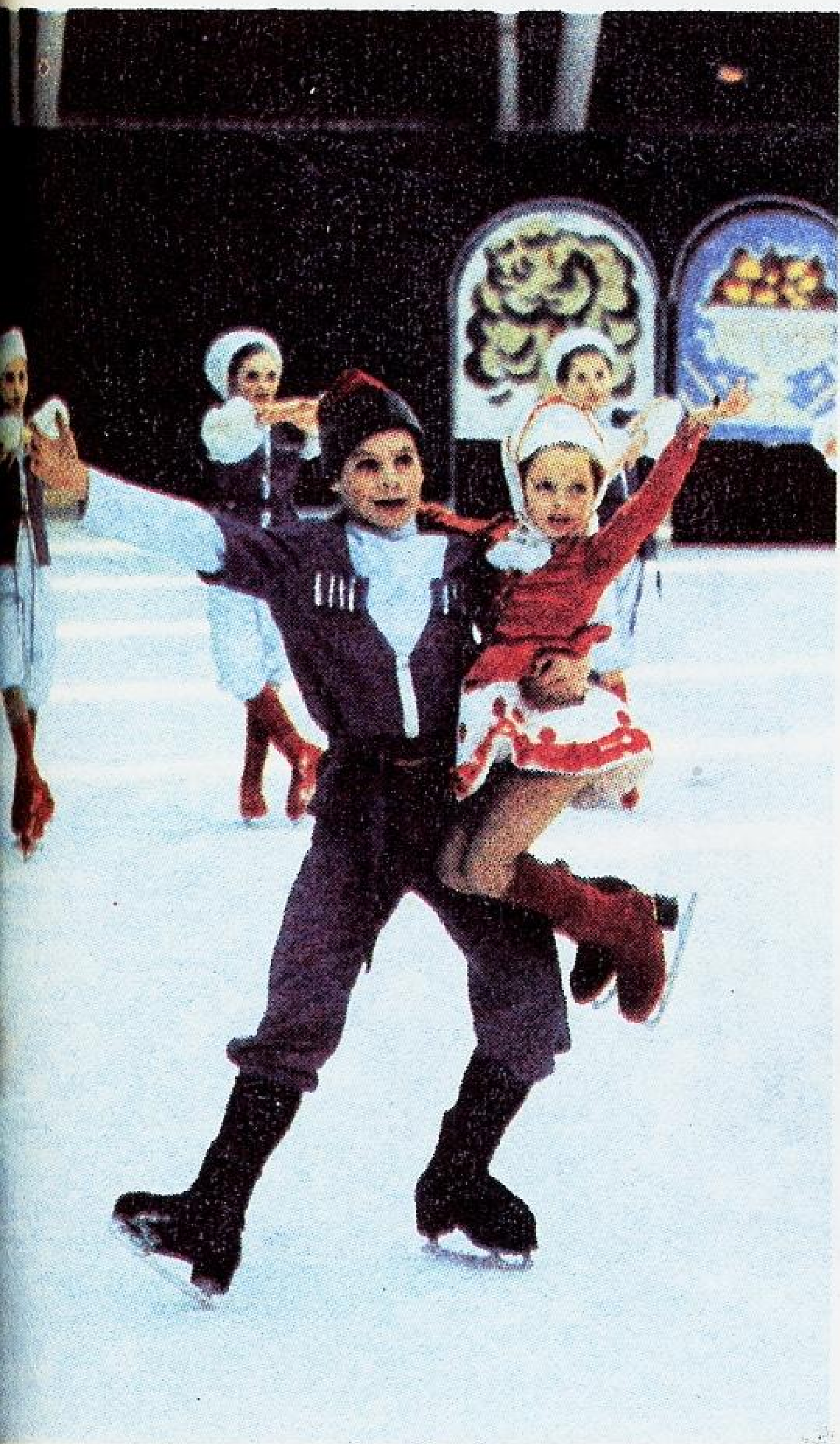
На лед... Нет, не выходит, а плавно, грациозно выплывает таинственная незнакомка. Легкой поземкой колышется воздушное платье. Кто это? Может быть, сама Снежная Королева, злая и коварная хозяйка ледового дворца из сказки Андерсена? Ребячья публика на миг замерла, узнав свою любимицу Лену Крылову. Ее и вправду можно назвать королевой сегодняшнего спектакля. Техника, осанка, движения рук, улыбка — все как у настоящей артистки. Очень

За кулисами идет своя жизнь. Только что закончился эпизод, в котором ты участвуешь, а через минуту-две нужно быть снова на льду. Но только уже в другой роли, а значит, и в другом костюме, в другом гриме. Вот где не обойтись без маминой помощи! Она уже держит наготове новое платье или фрак, шляпку или бороду, зонтик или плащ.

А зрители этого переодевания даже не заметят. Они подумают, что на лед вышел совсем другой актер.

Я огляделась и ахнула: на вешалках и стульях аккуратно развешаны костюмы, шляпки, парики... Чего тут только нет! Старинные наряды, костюмы клоунов, современных модниц, заморских «хиппи», сказочных героев, малышей в конвертах...

У каждого костюма длинная история. Их шили из старых платьев, брюк, штор, просто клочков материи. Подключали всех: мам, бабу-

рады за Лену и немножко завидуют ей ее младшие «коллеги»: у Лены начинается новая жизнь, ее приглашают в труппу Московского балета на льду!

Свету Бобровскую я заметила, когда она танцевала танго. Еще удивилась, какие легкие, изящные получаются у нее с партнером поддержки. Обычно на тренировках мальчишки-новички, еще неопытные в дуэте, стараются выбрать себе партнершу ростом поменьше, чтобы легче было поднимать. Вот такую, как Юля Иванова. Она легкая, как пушинка. Но, оказывается, дело не в весе, а в мастерстве. Света Бобровская уже вышла из возраста «пушинок», но работать с ней легко.

* * *

— Хотите заглянуть за кулисы? — И Светофор (как потом оказалось, его играла та же Лена Крылова) мигнул мне зеленым глазом.

шек, знакомых — и, разумеется, работали сами. Даже тем, кто не умеет шить и моделировать, нашлось занятие: пришивать блестки, цветочки, делать парики, декорации.

* * *

Кончился спектакль. Вся труппа детского театра выехала на лед подарить рукоплескающей публике последние улыбки. Только нет в этот раз на льду их руководителя, Нинель Михайловны Самсоновой. Говорят, что она выходит к зрителям, только если спектакль прошел без сучка и без задоринки. Значит, сегодня что-то было не так, кто-то где-то сплоховал. Что ж, для совершенства нет предела. Нужно снова тренироваться, снова репетировать, чтобы не только зрители, но и строгая, придирчивая Нинель Михайловна не заметила ни единой ошибки.

Галина СМИРНОВА

Фотографии А. ГРАЩЕНКОВА.

Есть на Харьковщине небольшое село Соколово, которое стало символом дружбы двух братских народов — советского и чехословацкого. Здесь 8 марта 1943 года впервые вступил в бой с фашистскими войсками первый отдельный чехословацкий батальон, которым командовал полковник Людвиг Свобода, ставший затем президентом ЧССР. Храбро сражались под Соколово чехословацкие воины-патриоты, из числа которых и был сформирован в нашей стране пехотный батальон. Бессмертный подвиг совершил командир роты Отакар Ярош, ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В селе Соколово воздвигнут обелиск, открыт музей и парк советско-чехословацкой дружбы.

О совместной борьбе советских и чехословацких воинов, о их братстве и боевой дружбе писатель Сергей Петрович Алексеев подготовил новую книгу, рассказы из которой публикует журнал «Пионер». С. П. Алексееву, лауреату премии Ленинского комсомола, главному редактору журнала «Детская литература», за книгу «Богатырские фамилии» присуждена Государственная премия СССР за 1984 год.

«Пионер» и его читатели сердечно поздравляют Сергея Петровича с большой наградой нашего государства.

Сергей АЛЕКСЕЕВ,
лауреат Государственной премии СССР

ТРЕВОГА

Было это в дни Словацкого национального восстания. Небывалый пронесся слух. Прошел по горам, в долины спустился.

— Там, в горах,— уверяла молва,— в партизанском лагере родилась девочка.

— Родилась!

— Родилась!

— Родилась девочка!

Разнес эту весть кто-то из лесорубов. Мол, сам был в горах. В партизанском отряде. Своими глазами ребенка видел.

Верной была молва.

Многие в те дни сражались в горах Словакии: словаки, чехи, французы, поляки, венгры. Особенно много русских. Даже отряды целые. В одном из таких отрядов у советской партизанки Марии Дмитриевны Иванниковой и партизана Ивана Петровича Кудинова родилась дочь.

Ветром новость летит в долины:

— Родилась!

— Родилась!

— Родилась девочка!

Заволновались в долинах люди. Там же холод, в горах. Мороз. Зимний месяц декабрь на дворе. Снегом укрыты горы.

Полна напряжения жизнь в партизанском лагере. Партизаны стоят в дозорах.

И вдруг:

— Тревога! Тревога!

Приготовились к бою. За винтовки схватились люди.

— Что там такое?

Оказалось, из долины пришла крестьянка. Притащила корзину, а в ней пеленки.

— Для новорожденной,— сказала женщина.

Поблагодарили родители женщину. Поблагодарили ее партизаны.

Успокоились в лагере. И вдруг:

— Тревога! Тревога!

Приготовились к бою. За винтовки схватились люди.

— Что там такое?

Оказалось, из долины пришел крестьянин, принес овчину.

— Для маленькой партизанки,— сказал крестьянин.

Закутали в овчину девочку. Не страшен ей холод и ветер. Хоть из Антарктиды гони морозы.

Успокоились в лагере. И вдруг:

— Тревога! Тревога!

Вновь за винтовки схватились люди.

— Что там такое?!

Оказалось, из долины пришла старуха. Крынку держит в своих руках.

— Молоко. Парное,— сказала старая.— Для нашей несу красавицы.

Поблагодарили родители старую женщину. Поблагодарили ее партизаны.

Успокоились снова в лагере. И вдруг:

— Тревога! Тревога!

Приготовились к бою опять партизаны. За винтовки схватились люди.

— Что там такое?!

Оказалось, из долины пришел старик. Самодельную люльку-коляску принес для девочки.

— Для нашей невесты,— сказал старик.

Поблагодарили родители старика из долины. Партизаны сказали ему спасибо.

Успокоились снова в лагере. И вдруг:

— Тревога! Тревога!

— Что там еще такое?!

Оказалось, из долины пришел мальчишка. Рыжий-рыжий. Нос весь в веснушках. Маленький-маленький. Как он сюда добрался?!

Оказалось, просто пришел посмотреть на девочку.

Не раз в Татрах, в горах, в партизанском лагере, поднималась в те дни тревога.

— Тревога!

— Тревога!

Тревога за девочку.

Уцелела. Не погибла в горах в суровую зиму девочка. Нинел назвали ее родители.

Вскоре фашисты были разбиты. Борьба закончилась. Уехали Нинел и ее родители в Советский Союз.

— Спасибо! — летит в Словакию.

— Спасибо!

— Спасибо!

— Спасибо, люди!

РОГАЛИК

В трубочку свернуто тесто. К краям изогнута трубочка. Торчат концы рожками. Это рогалик.

Хороши в Чехословакии рогалики.

С маком.

Без мака.

С тмином.

Без тмина.

С солью.

Без соли.

К обеду. К чаю. И просто так.

Размечтались как-то ребята о рогаликах.

— Вот бы с маком,— сказала Власта.

— Вот бы с тмином,— сказала Хана.

— Вот бы с солью,— сказал Богумил.

— А мне бы и с солью, и с тмином, и с маком,— сказал самый маленький мальчик Ян.

Мечтают ребята о рогаликах. Только где же, какие там рогалики. Трудно с едой в стране. Вывезли все фашисты.

Но вот приближался конец фашистам. Освобождала Советская Армия Чехословакию. Прогнали

Заблестели глаза у ребят, разгорелись. Вот так рогалик!

Рисунки В. МОЧАЛОВА.

советские солдаты фашистов и из тех мест, где жили Власта, Хана, Богумил и маленький мальчик Ян.

Впервые ребята советских солдат увидели. Повстречали солдата. Солдат молодой, красивый. В руках автомат. Мешок вещевой за плечами.

Смотрят друг на друга солдат и ребята. Улыбнулся солдат, улыбнулись ребята.

Голодные дети. Хочется есть. У Власты и Ханы сосет под ложечкой. У Богумила сосет под ложечкой. Вот-вот и расплачется маленький мальчик Ян.

Смотрели ребята на солдата, смотрели. И вдруг.

— Кушать хочу. Рогалик хочу,— не сдержался, не выдержал маленький Ян.

Дернули другие его за руку. Откуда у солдата, глупыш, рогалик.

И вдруг.

— Есть рогалик,— сказал солдат.

Снял с плеча вещевой мешок. Наклонился над ним. Словно Дед Мороз, руку в мешок просунул. Вынул буханку хлеба.

Заблестели глаза у ребят, разгорелись. Вот так рогалик!

Разломил советский солдат буханку на четыре части. Дал Богумилу. Дал Власте, дал Хане. Получай свою долю, маленький мальчик Ян.

Схватили ребята хлеб.

Откусила Власта. Вот так рогалик! Вкуснее, чем с маком, вкуснее, чем с тмином, вкуснее, чем с солью. Вкуснее, чем этот, на свете нет.

Откусила Хана. Вот так рогалик! Вкуснее, чем с маком, вкуснее, чем с солью, вкуснее, чем с тмином. Вкуснее, вкуснее, чем все на свете.

И Богумил даст клятву — в сто раз вкуснее. И самый маленький мальчик Ян поклянется — в сто раз вкуснее.

Окружили ребята солдата:

— Так это рогалик?

— Рогалик,— сказал солдат.

Подбежали другие ребята. Подошли и другие солдаты. И эти достали, раздали ребятам хлеб.

Торжествуют ребята. Едят ребята.

На всю жизнь запомнили ребята солдат советских, тот день и солдатский хлеб.

А вскоре и вовсе пришли из Советской страны вагоны. Мука для чехословацких друзей в вагонах.

Хороши в Чехословакии рогалики.

С маком.

Без мака.

С тмином.

Без тмина.

С солью.

Без соли.

К обеду. К чаю. И просто так.

Хороши в Чехословакии рогалики. Вкуснее на свете нет!

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

«БЛ» получил много писем с просьбой прислать ключ к шифровке, опубликованной в третьем номере журнала за прошлый год. Вот он.

А	13	К	56	Х	29
Б	1	Л	19	Ц	42
В	27	М	16	Ч	35
Г	4	Н	14	Ш	48
Д	2	О	24	Щ	505
Е	38	П	71	Ъ	969
Ё	83	Р	233	Ы	696
Ж	157	С	7	Ь	347
З	206	Т	345	Э	348
И	90	У	99	Ю	12
Й	900	Ф	1000	Я	0

А теперь возьмите третий номер «Пионера» и прочитайте наши вопросы. Обязательно ответьте на них!

Некоторые ребята и без нашей помощи расшифровали задание «БЛ». Молодцы!

Даем несколько мнений. Расшифруйте их тоже!

56. 27. 13. 56. 90. 14. 42. 696. — 348. 345. 24. — 345. 38. — 56. 24. 345. 24. 233. 696. 38. — 71. 233. 90. 14. 24. 7. 0. 345. — 27. 233. 38. 2. — 29. 24. 233. 24. 48. 90. 16. — 19. 12. 2. 0. 16. 14. 13. 48. 38. 4. 24. — 24. 1. 505. 38. 7. 345. 27. 13.

14. 13. 345. 13. 48. 13.—1000. 90. 14. 38. 14. 56. 24. 4.—233. 24. 7. 345. 24. 27.—14. 13.—2. 24. 14. 99.

56. 27. 13. 56. 90. 14. 42. 13. 16. 90. — 0. — 7. 35. 90. 345. 13. 12. — 345. 38. 29. — 233. 38. 1. 0. 345. — 56. 24. 345. 24. 233. 696. 38. — 14. 38. — 2. 24. 7. 345. 24. 900. 14. 696. — 14. 24. 7. 90. 345. 347. — 90. 16. 0. — 71. 90. 24. 14. 38. 233. 13.

16. 38. 29. 233. 90. 1. 13. 14. — 4. 13. 7. 13. 14. 24. 27. 13. — 4. — 7. 99. 16. 4. 13. 90. 345.

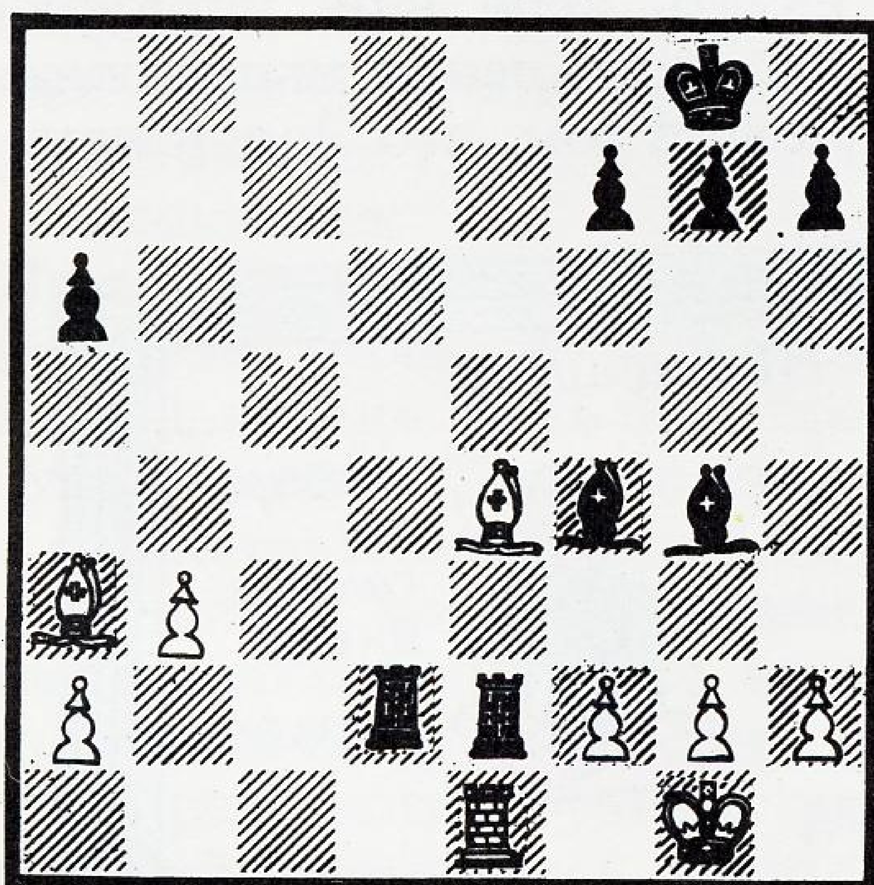
56. 27. 13. 56. 90. 14. 42. 13. 16. 90. — 16. 696. — 7. 35. 90. 345. 13. 38. 16. — 345. 38. 29. — 56. 345. 24. — 7. 345. 13. 233. 13. 38. 345. 7. 0. — 7. 2. 38. 19. 13. 345. 347. 2. 19. 0. — 2. 233. 99. 4. 90. 29. — 71. 19. 24. 29. 24. 38. — 13. — 2. 19. 0. — 7. 38. 1. 0. — 29. 24. 233. 24. 48. 38. 38.

345. 90. 16. 99. 233. 24. 27. 42. 696. — 2. 38. 233. 38. 27. 14. 0. — 48. 99. 19. 347. 4. 90. 14. 24. — 90. 233. 99. 345. 7. 56. 13. 0. — 24. 1. 19. 13. 7. 345. 347.

За «шахматную корону»

Конечно, все вы, ребята, внимательно следили за тем, как развивались события в матчах на первенство мира между Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым, Майей Чибурданидзе и Ириной Левитиной. Это были замечательные соревнования, давшие отличные партии, по которым можно учиться шахматному мастерству.

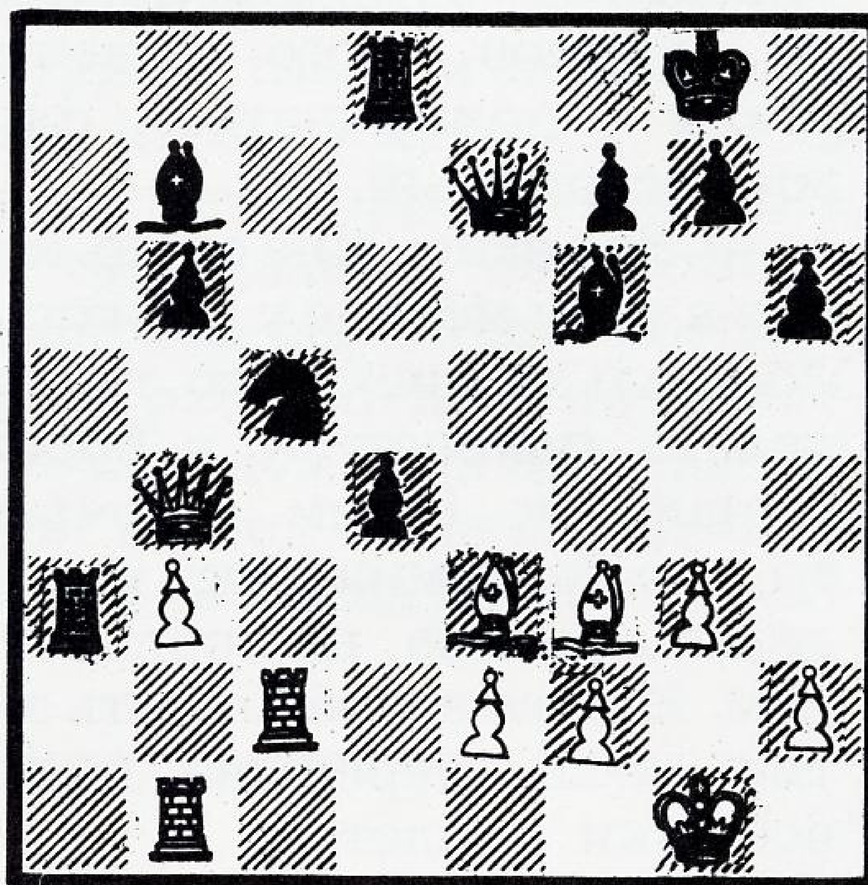
Это положение возникло в четвертой партии матча Чибурданидзе — Левитина. Игравшая белыми чемпионка мира более получаса думала над своим очередным ходом. Казалось бы, легко выигрывает продолжение 26. Cа3—b4 Лd2:а2 27. Ла1:а2 Ле2:а2 28. Се4—f5! нападая на слона и угрожая матом на е8. Если тогда 28... Cg4—е2, то 29. Cf5—d3!

Но у черных находится хитрая защита: 29... а6—а5! 30. Cb4—с3 (подумайте над тем, как сыграли бы черные на 30. Cс5). 30... Cf4—е5! и черные спасаются.

Важное значение в этом окончании имеет то обстоятельство, что недостаточно защищены первая (у белых) и восьмая (у черных) горизонтали.

В связи с этими вариантами Чибурданидзе сыграла иначе: 26. Ле1:е2 и после 26... Cg4:е2 27. g2—g3 Cf4—е5 28. Ла1—с1. Здесь черные, находившиеся в цейтноте, ошиблись и сразу потерпели поражение. 28... g7—g5? (Более упорно можно было защищаться после 28... Лd8.) 29. Лс1—с8+ Крg8—g7 30. Cа3—f8+. Черные сдались.

Найдите, как играли бы белые в ответ на 30... Крg8, или 30... Крf6.

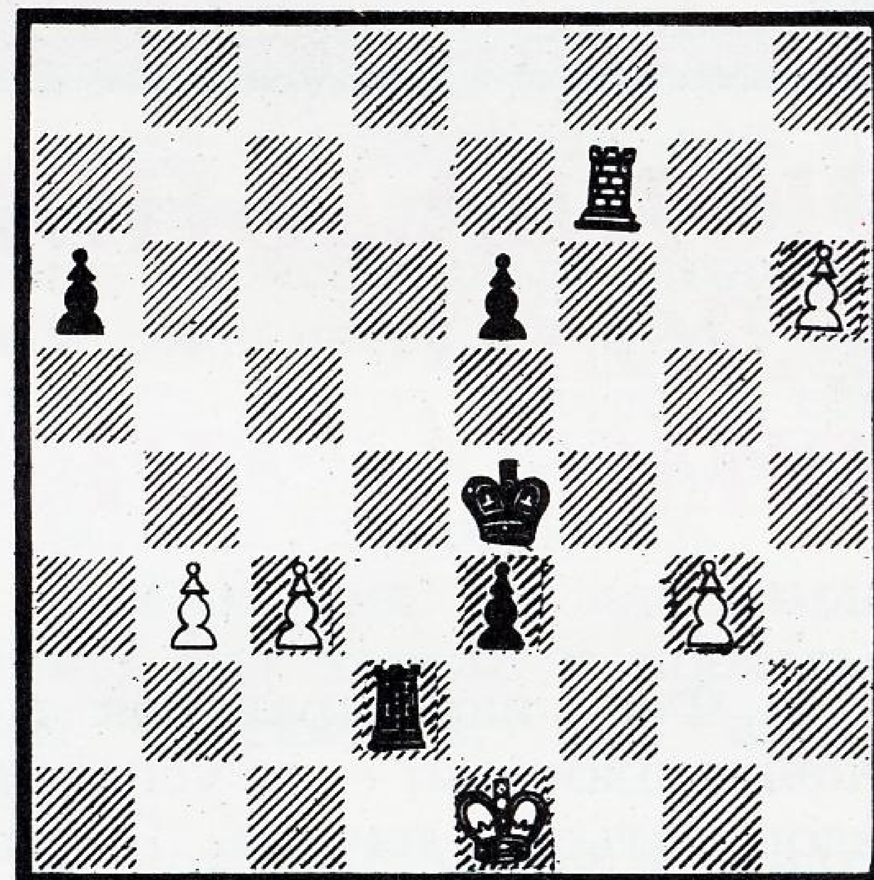
А это позиция в пятнадцатой партии матча Карпов — Каспаров. Сейчас ход белых. Если бы Карпов взял ладью а3, то после 25... d4:е3 Каспаров получал опасную атаку. Неожиданно чемпион мира избрал ход 25. Се3:d4! и после 25... Ла3:b3 26. Лb1:d3 Лd8:d4 27. Фb4:b6 Кс5:b3 28. Лс2—с7 Лd8—d7 29. Лс7:b7 Лd7:b7 30. Фb6:b7 белые остались с лишней пешкой.

Упорной защитой Каспарову удалось все же на 94-м ходу добиться ничьей.

А как вы думаете, почему черные после 25. Се3:d4! отказались от варианта 25... Cf6:d4 26. Фb4:а3 Cd4:f2+ 27. Крg1:f2 Кс5—е4+, выигрывая ферзя? Напишите нам, как вы оцениваете это продолжение.

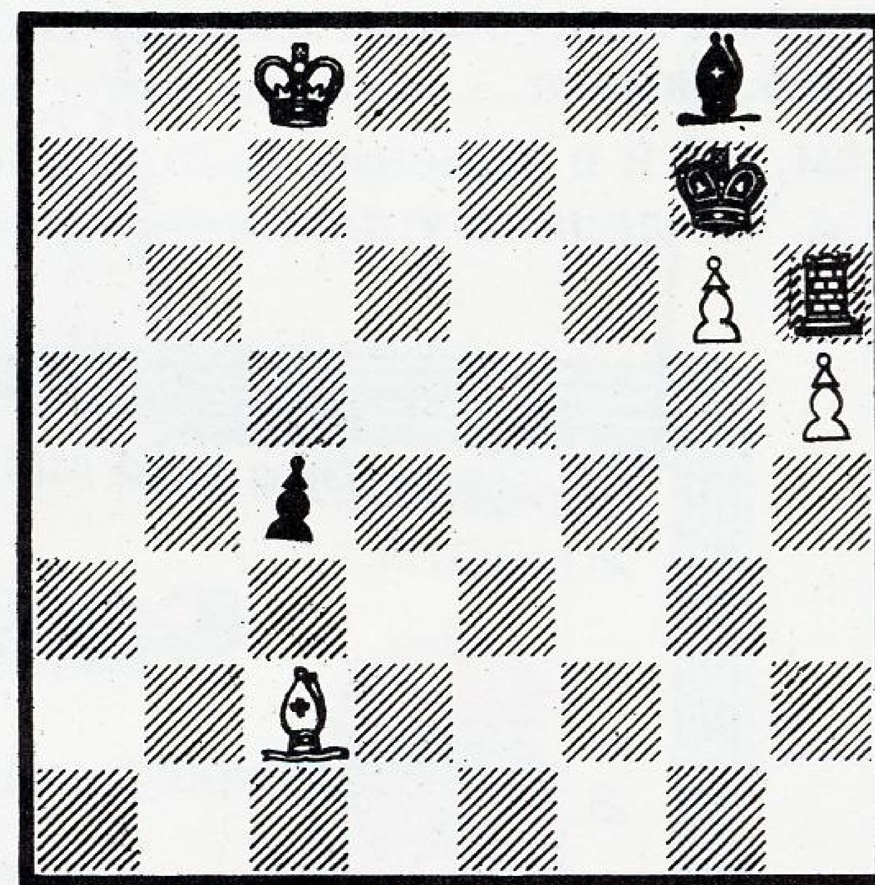
Пионерская шахматная школа

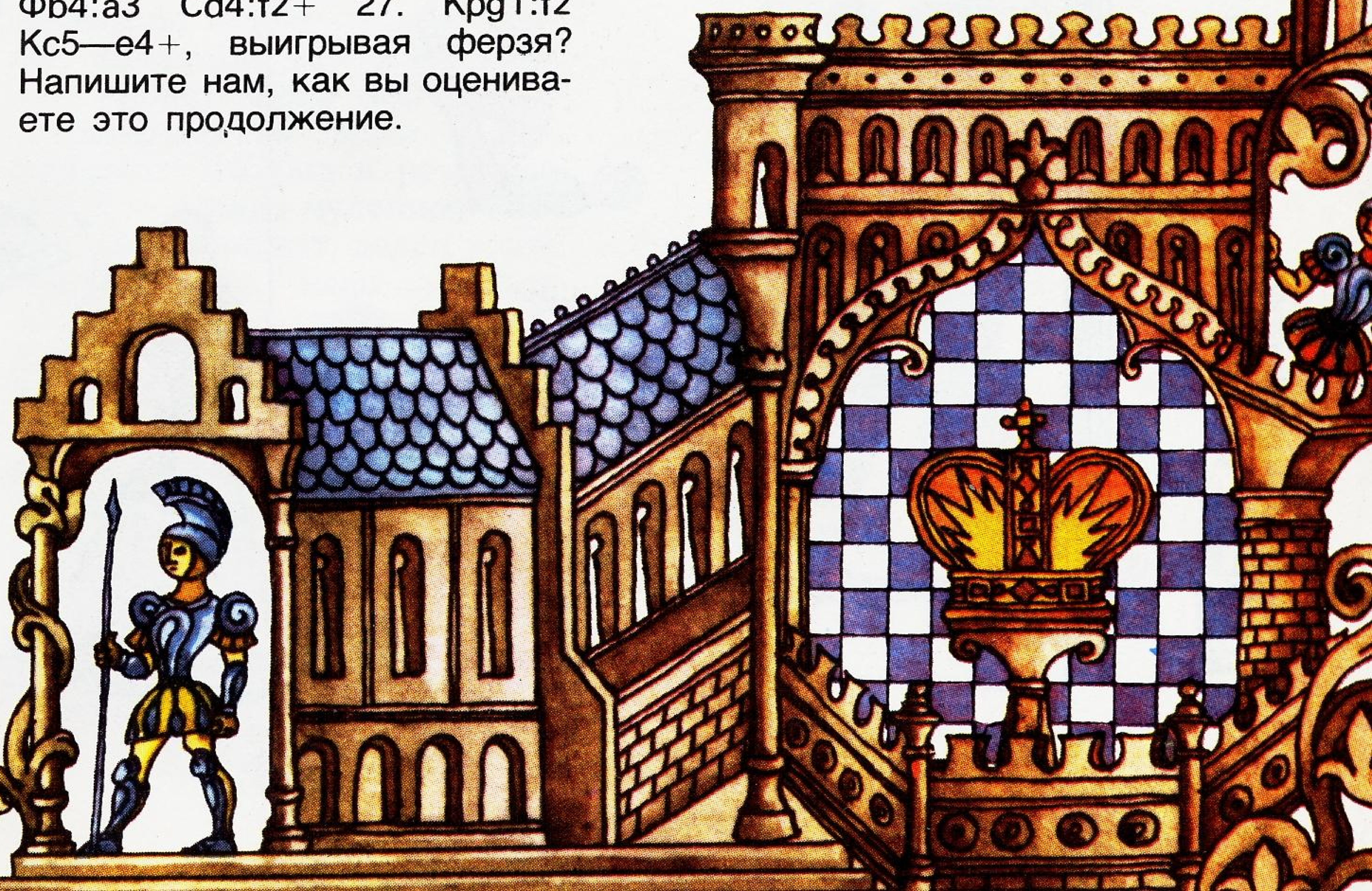
Много интересных возможностей таят даже простые шахматные позиции.

В этом вы убедитесь, анализируя эту позицию. Сейчас ход черных. Дайте оценку этого положения, как при правильной игре должна закончиться борьба (3 очка).

А это этюд, составленный ветераном советских шахмат полковником А. Калининым. Найдите, как белые, начиная игру, добиваются победы (3 очка).

100 советов Золушке

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ГИМНАСТИКЕ

— Фея, вам нравятся мои новые джинсы? — не успев поздороваться, начала Золушка.— Я стояла за ними в очереди и уговорила маму дать мне денег. По-моему...— она украдкой поглядела в зеркало.— Я уже начинаю немножко превращаться... в принцессу.

— А по-моему, тебе нужно поглядеть на себя в зеркало не украдкой, а очень внимательно и критически,— сказала Фея.— Такие красивые джинсы, а выглядишь ты...— И Фея укоризненно покачала головой.— На тройку с минусом. У принцессы голова высоко поднята, живот... живота нет совсем, ноги в коленях выпрямлены. Ты делала упражнения, которые я тебе посоветовала в прошлый раз?

— Сначала делала...— неуверенно начала Золушка.— А потом... Я утром проснулась: тут болит, там болит... Ну, после этих упражнений... И в школу опаздываю. А из школы пришла — уроков много. А вечером стали показывать фильм многосерийный, и...

— Все ясно. Мне очень жаль, что в этом месяце у тебя пропало столько дней. Что ты стала делать гимнастику и бросила. Однако не будем огорчаться: то, что ты гимнастику все-таки делать начала, не пропадет даром. И хотя возобновлять занятия после перерыва нелегко, все-таки придется.

И Фея открыла очень толстую, но совсем не волшебную книгу, которую она теперь, когда встречалась с Золушкой, непременно брала с собой.

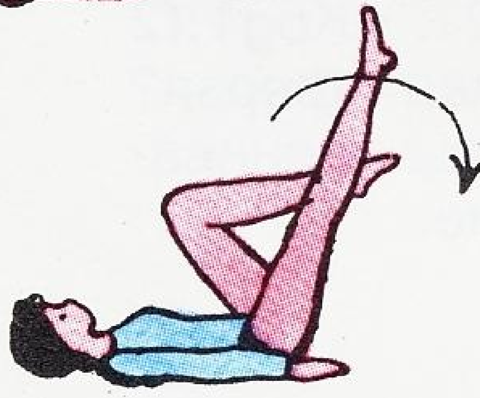
— Эти упражнения,— Фея указала на человечков, нарисованных в книге,— нужны для того, чтобы шея была подвижной и голова приобрела красивую посадку. Золушке с такой скверной осанкой, как у тебя, без них не обойтись. Но не жди, что прелестная осанка появится у тебя завтра, даже если ты сегодня выполнишь все упражнения. Ты увидишь первые результаты не раньше чем через месяц. При условии,— Фея строго посмотрела на Золушку,— что ты будешь выполнять их каждый день.

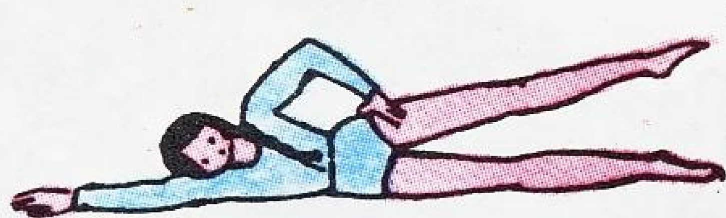
— Фея, а вдруг я опять начну и брошу...— жалобно сказала Золушка.— Если бы вы знали, как тяжело заставить себя делать эту гимнастику. Утром, когда так хочется подольше полежать в постели...

— Очень плохо, если бросишь. Но еще хуже, если вовсе не начнешь. Кроме этих упражнений для мышц шеи,— продолжала Фея,— я хочу показать тебе еще упражнения для укрепления мышц живота. Дело в том, что Золушкам, ко-

торые так любят носить джинсы, живот совершенно ни к чему. Как и тем, кто предпочитает платье. Стройной Золушке идет любая одежда. А быть стройной, если мышцы живота слабые, просто-напросто невозможно. Посмотри на этих девочек, которых нарисовала художница, и перенеси их в свою записную книжку или на отдельный листок, который всегда будет у тебя под рукой, когда ты начнешь делать гимнастику.

Ты должна постепенно привыкнуть к мысли, что делать гимнастику каждый день для человека так же естественно, как есть, спать, мыться... Странно ее не делать, а не наоборот. Гимнастика должна радовать. Конечно, Золушке, которая не привыкла бегать, прыгать, кататься на лыжах, коньках и даже урок физкультуры пропускает (а эти два урока в неделю при твоей сидячей школьной жизни просто пустяк), поначалу делать гимнастику нелегко. Особенно на второй или третий день, когда мышцы болят... Кстати, ничего страшного и вредного в такой «боли» нет. Это значит, что мышцы получили нагрузку, которой раньше им не хватало. Нетренированным Золушкам привыкать к гимнастике надо постепенно, не надрываясь. Очень важно, чтобы мысль о ней доставляла удовольствие, а не отвращение.

Итак, без перегрузок, понемногу, так, чтобы не уставать. Но каждый день. Хоть несколько упражнений. Хорошо иметь два варианта гимнастики. Один коротенький, который можно успеть выполнить, даже если день очень загружен. Зато в другой раз, когда будешь посвободней, не торопясь, выполни второй.

Не поддавайся лени и не придумывай отговорки, чтобы оправдаться перед собой: ладно, сегодня пропущу, а вот завтра... Не пропускай. В один прекрасный день ты почувствуешь, что гимнастика стала тебе необходима. И если не сделаешь ее, будешь чувствовать себя вяло, неуклюже.

Разумеется, складывается по-всякому. Бывает, что заболеешь. Бывают дни, когда девочкам гимнастику делать нельзя. Бывает, что неприятности, и настроение скверное, и хочется на все махнуть рукой. А тут еще гимнастика... Короче, сплошь и рядом случается так, что ты свою гимнастику можешь забросить. Ничего. Когда пройдет время «пик», ты вспомнишь о ней и вернешься опять к своей любимой и прекрасной привычке. И будут еще дни, когда гимнастика выручит тебя: прогонит плохое настроение, поможет не думать о неприятностях, вернет рабочее состояние.

А пока до этого далеко,— закончила свой похвальный монолог Фея,— и я хочу посоветовать тебе, что делать утром, когда не хочется просыпаться. Сейчас зима и по утрам так темно, а вставать надо, чтобы успеть сделать гимнастику и не опоздать в школу.

Открыв глаза и поглядев на часы, чтобы убедиться, что ты проснулась вовремя (надеюсь, это ты делаешь без помощи мамы? Она еще может поспать, если ее рабочий день начинается позже, чем твой школьный), убери из-под головы подушку. Эти упражнения можно выполнить и под одеялом, если в комнате прохладно и вылезать из-под него не хочется. Лежа навзничь, вытяни ноги, сильно выпрямляя колени и ступни и касаясь пальцами ног края постели. Руки одновременно вытяни над головой, выпрямляя пальцы и напрягаясь. Потом полностью расслабь мышцы и опусти руки вдоль тела. Потянись так три-четыре раза.

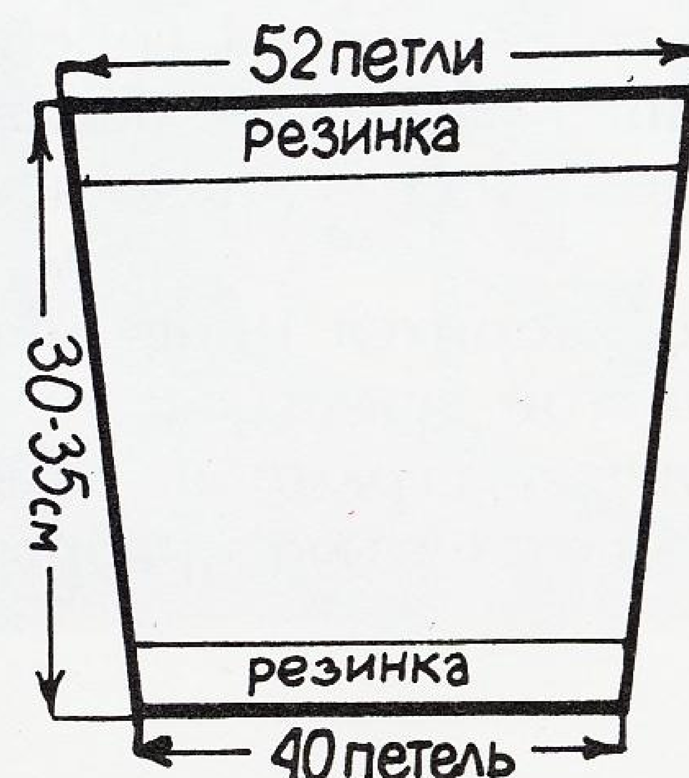
Когда ты сделаешь еще три упражнения (посмотри на наших нарисованных девочек), тебе уже нетрудно будет выскочить из-под одеяла. А сейчас до свидания. Работы я тебе задала на целый месяц.

— Фея, как же «до свидания»? Вы хотели в прошлый раз рассказать, как вязать гетры!

— Вот как? А если я забыла, как ты забыла свое обещание делать гимнастику каждый день?! Ну, хорошо, характер у меня легкий, не то что у других фей.

И Фея открыла...

Гетры хороши в прохладную погоду, со спортивной обувью. А если Золушка занимается аэробикой, то гетры просто незаменимы. Шерсть нужна средней толщины, 150—200 граммов. Вяжут гетры так.

Набирают 52 петли и вывязывают 10 рядов резинкой (2 × 2) и 4 ряда чулочной вязкой. Потом вяжут, делая убавления (всего надо убавить 12—14 петель) по всей длине. Длина гетр 30—35 сантиметров. Заканчивают вязанье резинкой: 6 рядов (2 лицевые × 2 изнаночные). Теперь гетры аккуратно сшивают: шов будет сзади. А Золушка, умеющая вязать на пяти спицах, по кругу, может сделать себе гетры без шва.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Снежана ДИМОВА — восьмиклассница из села Соловьиха Алтайского края.

Пал смертью храбрых

Не спится. Час рассвета близко,
А горы скрыты синей мглой.
Лишь часовыми обелиски
Стоят над спящею землей.

Все мерится иною меркой
На той земле, где шла война.
Звучит утрами на поверке:
«Пал смертью храбрых...» Тишина.

«Я сочинил это стихотворение по дороге в школу, а дома после школы записал. Хожу я в первую смену, встаю рано, потому и полюбил утро, особенно зимнее».
Игорь КРАМАРЕНКО, город Дергачи Харьковской области.

Мечтатель

Как хорошо выйти ранним утром во двор,
Когда еще звезды мерцают,
Месяц блестит в далеком небе
И снег под ногами хрустит.
Хорошо ранним зимним утром мечтать,
Глядя на мерцающие вдалеке звезды,
О путешествии на другие планеты,
Об открытиях новых звезд,
О мирах, где бурлит жизнь,
Похожая на нашу,
О марсианах, таинственных чудовищах,
И о подвигах, о себе, о славе...
Ты возьмешь мягкий белый снег.
Слепишь комочек и кинешь туда, в небеса,
Где светит месяц,
И тебе покажется,
Что сидит на нем такой же человек, как и ты,
Смотрит на нашу планету и мечтает
О таких же странствиях,
Полных приключений и открытий,
Неведомых зверей и инопланетян,
Которых ты никогда не видел,
Но о которых знаешь,
Что они
Есть.

«Меня зовут Сережа СОКОЛОВ, мне 10 лет. Я учусь в 799-й школе Москвы. Я люблю стихи не только читать, а пишу сам. Бывают совсем плохие, а изредка получше. Решил некоторые из своих стихов послать в «Кораблик».

Настроение

Я иду по кольцу Садовому,
Под ногами бормочет снег.
Мне прохожие улыбаются:
Я сегодня счастливей всех!
Почему я такой счастливый —
Вы хотите меня спросить.
Просто вечер уж очень красивый!
Нашу зиму нельзя не любить.

ДЕНЬ СОЛНЦА.
Андрей КАЛИНИН, 12 лет.

ЭКСКУРСИЯ НА ЗАВОД.
Олег КРАСНУХОВ, 12 лет.

Диме СПИВАКУ 12 лет, он живет на Украине, в городе Кировограде.

Музыка

Когда зажигаются звезды,
Мигая ушедшему дню,
Люблю помечтать у рояля:
Я музыку очень люблю.
Она, словно добрая фея,
Неслышно подходит ко мне,
Уносит к далеким вершинам,
В свой сказочный мир на земле.
И, красками всеми играя,
Несет сквозь пургу и туман,
Аккордами крыльев качая,
На север, на юг, в океан.
Когда же мне грустно бывает,
Прогонит тоску и печаль.
Ей в такт за окошком качает
Зима белоснежную шаль.

Тая БЛИЗНЮКОВА из Тольятти сочинила эти стихи в прошлом году, тогда ей было 13 лет.

Меня зовут Тая

Много пишут стихов о Наташе,
Ее имя сравнимо с ромашкой.
Об Аленках, красивых девчонках...
Только Таю обходят сторонкой.

Почему же не пишут о Тае?
В этом имени льдинки тают,
И весною цветы расцветают
Даже, может быть, только для Таи!

В неприметном имени этом
Ветерок, такой теплый, как летом,
И пушистых снежинок полет,
И бровей непокорных разлет.

Может быть, это даже нелепо —
Мной самой мое имя воспето!
Но уж лучше никто не скажет
Ни из Лен, ни из Тань и Наташек.

Света ТОЛЧЕНОВА живет в городе Брежневе, учится в школе № 28. Случилось так, что Света заболела, долгое время не могла ходить в школу. Но Света — человек мужественный: несмотря ни на что, она успешно занимается. Мало того, Света еще и стихи сочиняет! Она пишет о хороших людях, которые встретились в ее жизни, о природе, о себе... Одно из стихотворений Светы Толченовой «Кораблик» принял на борт.

Облако жизни

Облако жизни,
Куда ты плывешь?
Может, ты горю навстречу идешь?
Может, ты хочешь мимо пройти?
Облако жизни,
Ведь нам по пути!

Двойник поэта

ЮНГА. Почта разобрана, капитан. Два письма мы получили от ребят, которые согласились с боцманом и тоже думают, что стихи удались, если написаны в рифму на интересную тему. А эта гора писем от читателей, которые, как и вы, капитан, считают, что главное в стихах — рассказать о своих переживаниях, о радостях или невзгодах...
КАПИТАН. И понимают, что лишь тогда увлекательно зазвучит любая тема.
ЮНГА. Помните, в прошлый раз мы разбирали не очень удачные стихи о зиме. Разрешите, капитан, прочитать еще одно стихотворение на ту же тему.

Я болею, лежу. Одиноко. Темно.
Ветер с дудкой своею пришел под окно.
И под дудку его заплясала пурга,
Заскрипели стволы, собрались облака.
Мне фонарик луны лишь в окошко светил,
Но теперь и его ветер злой потушил.

Саша Панов из Пскова рассказал о зиме и о том, как грустно, одиноко было ему однажды. Единственного друга, желтый фонарик луны, заслонил от него ветер темной тучей. Мне обидно, что я не могу помочь Саше. Думаю, это стихотворение можно взять в плавание.
КАПИТАН. Согласен с вами, юнга. Эти стихи написаны в особые минуты жизни, когда не может человек молчать, а слова, точные и красивые, сами складываются в строчки.
БОЦМАН. Понял вас, капитан. Стихотворение удается, если поэт не просто пишет о зиме, весне, лете, но правдиво, без прикрас рассказывает о своих делах и поступках.
КАПИТАН. Не совсем так, дорогой боцман.
ЮНГА. Вы говорили, капитан, что стихотворение — это рассказ поэта о своих чувствах. Наверное, в стихах важно не описывать подробно дела и поступки, а передавать то настроение, состояние, впечатления, которые они вызывают.
КАПИТАН. Верно, юнга. И героем лирического стихотворения часто бывает не сам поэт, а его двойник, созданный поэтом художественный образ. Мы называем его лирическим героем.
БОЦМАН. Вы хотите сказать, что болел не Саша, а его лирический герой?
КАПИТАН. Вполне возможно.
ЮНГА. Герой придуман, но чувства одиночества, тоски Саша переживал на самом деле. И сочинил стихотворение, чтобы рассказать о них...
КАПИТАН. Боцман, что вы собираетесь бросить за борт?
БОЦМАН. Капитан, нас, бывалых членов команды, хотят обмануть! Девочка пишет, что предлагает стихи, но они без рифмы! Это проза, капитан! Вижу, вы снова готовы спорить со мной.
КАПИТАН. Подождем спорить, боцман. Спросим наших читателей: «Бывают ли стихи без рифмы?»

Бортжурнал ведет Н. ДАВЫДОВА.

В кают-компании «Кораблика»

СОДЕРЖАНИЕ

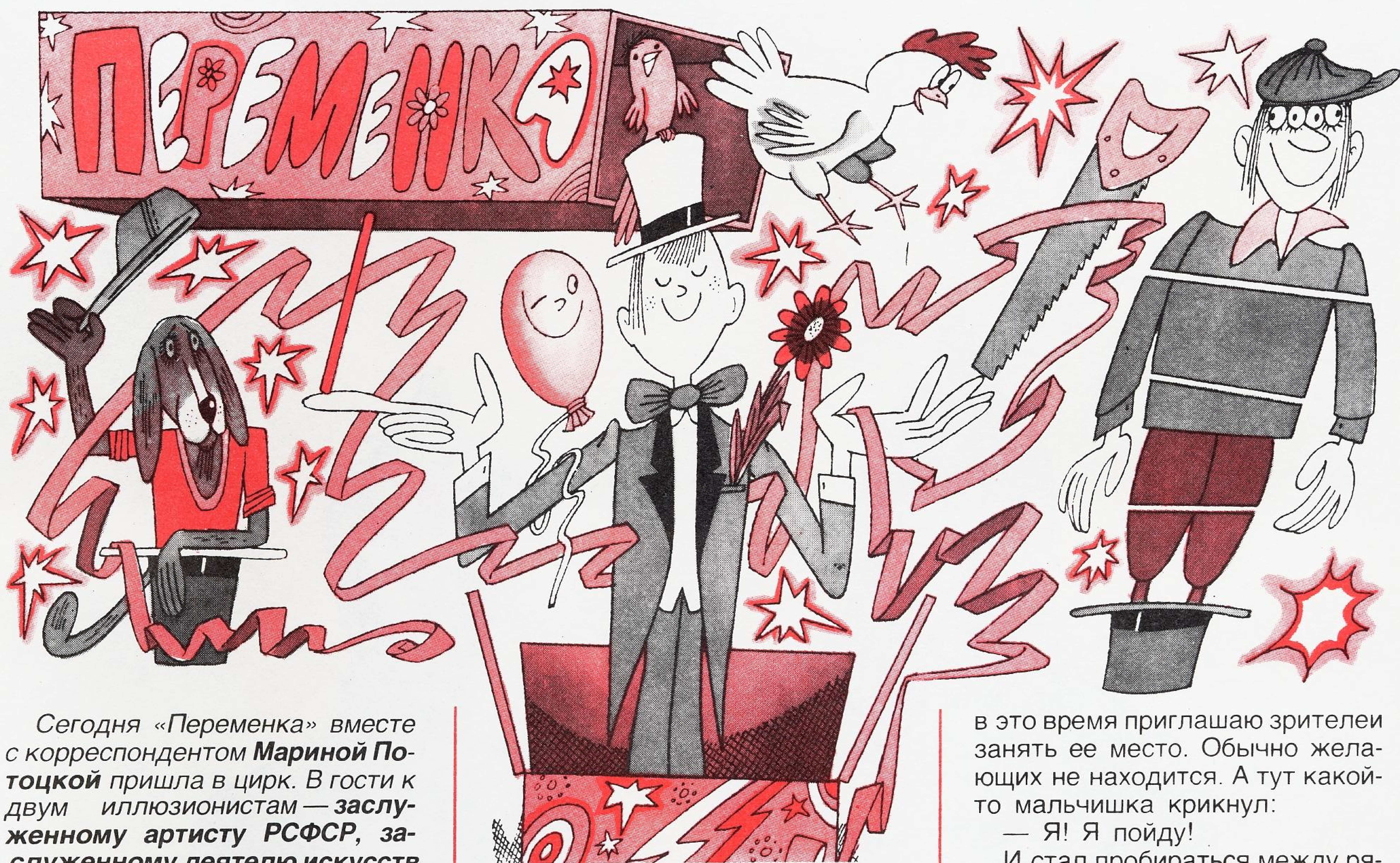
Главный редактор С. А. ФУРИН.

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **В. П. ДУДКИНА.**

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 04.12.84.
Подписано к печати 18.12.84. А 12911. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 670 000 экз. Изд. № 259. Заказ № 4002.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Сегодня «Переменка» вместе с корреспондентом ***Мариной Потоцкой*** *пришла в цирк. В гости к двум иллюзионистам —* ***заслуженному артисту РСФСР, заслуженному деятелю искусств Грузинской ССР, лауреату международной премии Оскара в Брюсселе Игорю КИО и заслуженному артисту РСФСР, имеющему звание профессора белой и черной магии Мексиканского общества иллюзионистов, Юрию АВЬЕРИНО.***

...Передо мной сидели на диване сразу два чародея. Появились они на этом диване не из-под купола цирка и не из чудесного ящика, а просто вошли, сели и разговорились...

КОРР. Игорь Эмильевич, Юрий Кириллович, а давно вы знакомы?

КИО. С детства.

АВЬЕРИНО. Мы росли вместе. Вместе начинали работать на манеже... Игорь, а ты помнишь тот случай с «неисчерпаемым ящиком»?

КИО. Конечно! Так назывался иллюзионный трюк в аттракционе у моего отца, Эмиля Теодоровича Кио. Выглядел трюк примерно так: ассистенты выносили на манеж большой пустой ящик, открывали крышку так, чтобы зрители видели — в ящике пусто. А потом оттуда неожиданно появлялись люди...

АВЬЕРИНО. И вот однажды мы уговорили Эмиля Теодоровича разрешить нам вместо взрослых участвовать в этом трюке. «Зарядили» нас в этот ящик и поставили его за кулисами. А представление начиналось поздно, да и трюк этот был в конце, так что...

КИО. Так что, когда ассистенты наконец вывезли наш «неисчерпаемый ящик» на манеж и показали зрителям, что он пуст, а потом открыли крышку снова, из ящика никто не появился — ни Юра, ни я! Кио-старший удивился, подошел к ящику и заглянул внутрь. И увидел, что мы там крепко спим! Он не стал нас будить, так нас в этом ящике и увезли за кулисы...

АВЬЕРИНО. Это был первый и последний случай, когда у самого Кио фокус не получился!

КОРР. Скажите, а как появляются у вас новые фокусы?

КИО. Новые трюки появляются не так уж часто. Над каждым нужно долго работать, иногда не один год...

АВЬЕРИНО. Вот, например, я сейчас привез новый номер. Ну, вы знаете, что все мы, иллюзионисты, распиливаем своих ассистентов на две части, и они при этом не обижаются! Так вот, я пошел дальше: я пилю на четыре части!..

КОРР. Это очень интересно, особенно если не быть вашим ассистентом. Но вы не ответили на мой вопрос о новых фокусах...

АВЬЕРИНО. Не ответили. Потому что это наша профессиональная тайна! Спрашивайте о чем-нибудь другом, мы с удовольствием вам расскажем.

КОРР. Расскажите тогда о каком-нибудь веселом случае, который с вами приключился.

АВЬЕРИНО. Есть у меня один трюк: ассистентка лежит в воздухе, на острие кинжала, который упирается ей в затылок. А я в это время приглашаю зрителей занять ее место. Обычно желающих не находится. А тут какой-то мальчишка крикнул:

— Я! Я пойду!

И стал пробираться между рядами к арене. Я заволновался — как же с ним быть?! Но спасла положение его бабушка; она на весь цирк закричала:

— Миша, вернись! Мне не нужен мальчик с дыркой в голове!..

КОРР. А как вообще ведут себя ребята на ваших представлениях?

КИО. Дети — самая сложная публика. Они часто замечают то, что мы скрываем от зрителей...

АВЬЕРИНО. Как-то после представления подошел ко мне мальчик и говорит:

— Вы сегодня посадили в коробку черного кота, а потом сказали, что он уже в другой коробке. А сами оттуда достали кота посветлее! Значит, это были два разных кота?

— Знаешь, у меня в коробке — как в химчистке: был кот грязным, а там его почистили, вот он и посветлел!

КИО. После передачи «Новогодний аттракцион», где я был ведущим, я получил такое письмо: «Дорогой Игорь Кио, я видела по телевизору, как вы сажаете человека в ящик, а потом там оказывается настоящий лев. Пришлите, пожалуйста, такой ящик в нашу школу, мы туда посадим Витьку из третьего класса, потому что он бьет девочек!»

Конечно, бить девочек — это безобразие, но льва на людей выпускать мы, волшебники, никогда не будем.

КОРР. Спасибо большое. Желаем вам новых чудес, и до встречи в цирке!

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Начало на 18-й странице.

тей — столь велико было желание художников и военных создать совершенно оригинальную и вместе с тем глубоко народную форму.

Специалисты-искусствоведы, исследователи истории отечественного костюма не знают автора окончательного варианта формы, принятого для Красной Армии в том далеком грозовом году. Но известно, что одним из создателей этого варианта был Борис Кустодиев. В сборнике его писем приведены воспоминания дочерей художника: по предложению РВС отец выполнил, в частности, эскиз шлема, подражающего старине.

Сначала шлем назывался богатыркой. Но вышло так, что первым в нашей армии переэкипировалось соединение С. М. Буденного. Так и родилось название — буденовка.

В шинели также многое было от русской старины. От кафтана — прилегающий в талии силуэт, двубортная застежка, выразительные, цветные, по роду войск, суконные нашивки на груди. От лаптей все-таки отказались — предпочли обычные сапоги и обмотки. Постепенно исчезли яркие нашивки — оказались слишком маркими, дорогими, да еще и демаскирующими бойцов. Но буденовки сохранялись в Красной Армии долгие годы. И пусть зрители не удивляются, увидев в кинолентах о Великой Отечественной войне бойцов в таких шлемах.

Долгое время хранился такой головной убор и в моей семье — отцовский. Отец служил в кавалерии в Туркестане, откуда и привез в тридцатые годы этот шлем. Плотный, шинельного сукна, хорошо простроченный, он всегда казался мне очень прочным, настоящим богатырским шлемом. Летом в таком уборе, несомненно, было бы очень жарко, поэтому носили летний вариант буденовки — из более легкой ткани, без «наушников».

С буденновской формой связано множество славных страниц нашей истории. Именно в ней художники изображают героев гражданской войны. И на нас глядят с киноэкранов, с холстов и графических листов удивительные люди-богатыри.

К. КАНЕВСКИЙ

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.